

Робин Гуд

Классика
в школе

Михаил Абрамович Гершензон

Робин Гуд

Серия «Классика в школе (Эксмо)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=142755

Робин Гуд / М. А. Гершензон: Детская литература; Москва;

2016

ISBN 978-5-699-86134-7, 978-5-699-86127-9

Аннотация

Легенды о Робин Гуде изучают на уроках литературы в 6-м классе.

Содержание

Глава первая,	5
Глава вторая	14
Глава третья	27
Глава четвертая	39
Глава пятая,	51
Глава шестая,	66
Глава седьмая	80
Глава восьмая	94
Глава девятая	103
Глава десятая,	112
Глава одиннадцатая,	119
Глава двенадцатая	129
Глава тринадцатая	145
Глава четырнадцатая	155
Глава пятнадцатая	170
Глава шестнадцатая	179
Глава семнадцатая	190
Глава восемнадцатая	203
Глава девятнадцатая	215
Заключение	226

Михаил Гершензон

Робин Гуд

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Глава первая, в которой рассказывается о чудотворных мощах святого Гуга и еще кое о чем

*А стрелы какие – длиною в ярд!
Оперенье – павлинье перо!
Блестящей насечкою радует глаз
Белое серебро.*

Полная луна светила так ярко, что муравьи видны были на лесной тропинке. Серебряные ветви дубов бросали на траву черную тень, а там, где листва была реже, дымчатые столбы лучей тянулись к земле.

Возле сторожки лесничего, срубленной из толстых бревен, остановилась невзрачная лошаденка. Сухенький старичок неловко сполз с седла и, сильно припадая на одну ногу, проковылял к окну. Он постукал по доске, которой изнутри было закрыто окно, и к щелчке тотчас же прильнул недоверчивый глаз.

– Открой, добрый человек, – тихо сказал поздний гость. – Я совсем заплутался у вас в лесу.

Полоска красного света брызнула в щель, погасла,

вспыхнула снова: хозяин сторожки вздул огонь.

– Кого еще там принесло? – раздался неприветливый голос.

Старичок уткнулся бородкой в окно и громко закричал:

– Башмачник я, в Ноттингем еду за кожей, на ярмарку! Пусти переночевать, хозяин!

Загремел засов.

Тяжелая дверь отворилась, и в лунном свете блеснуло лезвие ирландского ножа. Черный Билль, лесничий королевских лесов, встретил позднего гостя на пороге.

– Ты один? – спросил лесничий, вглядываясь в тень за спиной старика.

– Как Адам, когда еще не было Евы, – повеселевшим голосом ответил старичок. – Впрочем, есть при мне кости святого Гуга.

Он вошел в сторожку, ведя за собой лошадь. Поставив лошадь в тот угол, где гремел о кормушку цепью жеребец лесничего, старичок скинул с плеча небольшую кожаную сумку.

Черный Билль, угрюмо насупившись, разглядывал гостя.

– А что у тебя в сумке, башмачник?

Старичок развязал котомку и поднес к носу лесничего десяток ножей, шильев и сверл. Лукаво ухмыля-

ьясь в седую бороденку, он заговорил быстро-быстро, так что Черный Билль не мог вставить ни словечка:

– Великое дело – мощи святого Гуга! Святой Гуг ведь тоже был бродячий башмачник, вроде меня. А когда накинули ему на шею петлю за то, что он полюбил прекрасную Финифред, он воскликнул в великом горе: «Слушайте, все башмачники, какие есть на божьей земле! Мне нечего вам завещать. Жизнь у меня отнимает палач, мясо мое склюют жадные птицы. Я оставлю вам свои кости, пусть они принесут вам счастье». Нацеди мне кружку эля, хозяин, дай промочить горло с дороги. Хорош, хорош у тебя эль, лесник! Вот шли мимо виселицы веселые башмачники, слышат – стучат на ветру белые кости святого Гуга. «Глядите, – говорит один, – вот кости, что завещал нам святой!» – «А на что живому нужны мертвые кости?» – спрашивает другой. «Как на что? В этих костях такая же сила, как в мозгу бобра или в языке лягушки. Потому что, если ты высушишь мозг бобра, растолчешь в порошок и добавишь сычуга, который хозяйки кладут в сыр, и этой мазью натрешь порог, ни один вор не войдет в твой дом. А язык лягушки имеет такую силу, что если положишь его на грудь спящего, то спящий ответит тебе на всякий вопрос и расскажет, что будет завтра и через десять лет. А если лист чернобыльника положишь в башмак – хоть сорок миль

пройди, не устанешь. А если кости святого Гуга башмачник положит в сумку...»

– Да постой, не тараторь, старик! – перебил гостя Черный Билль. – Никто не поверит тебе, что ты башмачник. Зачем башмачнику сверла? Уж больно знакома мне твоя борода. Не хромой ли ты стрельник из Трента? Как, и колчан у тебя при седле?

– А хоть бы и так, – не моргнув глазом, ответил старик. – Если мощи святого Гуга помогают башмачнику, почему бы им не сослужить службу доброму стрельнику?

– Какой же ветер занес тебя сюда, старик?

– Уж ты-то знаешь какой, – подмигнул гость. – Тот самый ветер, который тридцать лет не дает мне покою и таскает, как палый лист, по всему северному краю. Слыхать, шериф в Ноттингеме объявил состязание лучников в День святого Петра? Значит, смекаю я, кому-нибудь да понадобятся меткие стрелы.

– А давно, однако, не видно тебя в наших лесах, – заметил лесничий, подливая старику темного эля.

– Да мало ли в Англии городов и сел! Рук-то у меня, на беду, только две. Трудно стало мне таскать по дорогам свои старые кости, а хороший стрелок всегда отыщет хромого из Трента. Только третьего дня приходили ко мне в Донкастер здешние молодцы. Говорят, красного зверя в Шервуде много, да шерифовы

заставы караулят у каждого пня.

Черный Билль нахмурился.

– Смотри, старик, не сносить тебе головы! Я давно замечаю, у разбойников стрелы твоей работы.

– Ремесло наше такое. Разве ткач виноват, если веселые молодцы ходят в сукнах его работы? Были бы стрелы чисто сделаны, а чья рука их спустит с тетивы и в какую мишень, это дело не наше. Погляди, видал ты такие стрелы?

Стрельник прохромал к своей лошади, отвязал от седла объемистый кожаный колчан и положил его на стол перед лесничим.

– Вот на этих широких боевых – настоящие фландрские наконечники. Вот «игла» – по мелкой дичи. Вот винтовая – для сильного ветра, – приговаривал мастер, бережно вытаскивая из колчана свои изделия. – Перья на ней заправлены наискось одно к другому, чтобы она вертелась на лету. Эта красная, с павлиньим пером, – для ветра с правой руки, а эта – для ветра с левой. Короткая – для дальнобойного лука, а эти, в ярд, – для шестифутового...

Черный Билль, вскидывая стрелы к глазу, проверял их прямоу. Вдруг он заметил, что стрельник, вытащив наполовину одну стрелу, поспешно упрятал ее обратно в колчан.

– Стой, стой! – воскликнул лесничий. – Покажи-ка

мне ту, кленовую.

– Вот эту?

– Да нет же, ту, что ты спрятал, старик.

– То плохая стрела. Возьми лучше эту. Смотри, у нее ложбинка на пятке для воска, чтобы не соскальзывала с тетивы.

Но Черный Билль протянул уже руку и выдернул из колчана кленовую стрелу.

– Так эта, по-твоему, плохая, стрельник? Хитришь ты, как я посмотрю. Мне сдается, что лучшей нет у тебя в колчане.

Лесничий взял свой шестифутовый лук и приложил к тетиве блестящую полированную стрелу.

– Как раз и по луку! Клянусь распятием, с такой стрелой не страшен мне спор в Ноттингеме! Продай мне ее, старик!

Стрельник покачал головой.

– Эта стрела тебе не годится, парень. Видишь, она со свистом.

– Что это значит – со свистом?

– А вот в наконечнике у нее прорезана щелка. Ветер в нее входит, она и свистит на лету.

– Для чего же ты сделал стрелу со свистом?

Мастер замялся.

– Так уж... так уж мне было приказано, – пробормотал он.

– Ты скажи прямо, старик, для кого ты припас такую стрелу?

– Для одного молодца, который тоже будет в Ноттингеме на святого Петра.

Черный Билль, наморщив брови, так пристально посмотрел на хромого, словно хотел пронизать его взглядом.

– Что же, ты думаешь обмануть меня, старик? Или снова запоешь мне про мощи святого Гуга? Не видать Робин Гуду этой стрелы, потому что ты подаришь ее мне, лесничему королевских лесов!

– А если нет? – тихо спросил хромой стрельник из Трента.

– Если нет, – вспылил лесничий, – я отберу ее силой, а тебя научу, как таскаться по разбойничьим берлогам!

– Что ж, возьми, Черный Билль. Только смотри, никому ни слова, не то, пожалуй, кто-нибудь всадит мне в грудь стрелу моей же работы.

Кленовая стрела со щелкой в наконечнике исчезла в колчане лесничего.

Отобрав еще две такие же стрелы, Черный Билль отправил их в свой колчан следом за первой.

Глава вторая

О том, как шериф ноттингемский подарил Робину серебряную стрелу

*Шериф приказал обыскать Ноттингам¹
И вдоль и поперек,
А Робин бродил по веселым лесам –
Веселей, чем на липе листок.*

По всем дорогам, в селах и городах, герольды прокричали шерифово слово:

– Слушайте! Слушайте! Слушайте! Слушай, весь добрый народ, слушайте, охотники, воины и лесничество! Слушай всякий, кто носит лук и колчан! Этот крик кричит благородный шериф ноттингемский. На святого Петра мы призываем всех метких стрелков северной стороны на веселый спор. А кто лучше всех будет бить в мишени, тот получит в награду стрелу чистого серебра. Наконечник и перья у стрелы – красного золота! И будет назван тот стрелок первым лучником

---

¹ Ноттингам – старое написание.

северного края по сю сторону Трента. Боже, храни короля Ричарда и Гроб Господень!

Кто на конях, кто пешком, поодиночке и дружными ватагами, от Мэнсфильда и от Оллертона потянулись лучники к Ноттингему.

Молодцы Робин Гуда, оставив в Шервуде и Бернисдэле свои зеленые плащи, порознь, в желтых, в синих, в коричневых куртках, пробрались в город мимо зорких шерифовых сторожей; этот в северные ворота вошел, тот въехал в южные на старом осле. А шерифовы слуги все ждали, когда же покажется в городе меткий стрелок со своей дружиной. Не для него ли по всем дорогам трубили в свой рог герольды?

Шериф и знатные гости взошли на помост, разукрашенный пестрыми лентами. По правую руку рядом с шерифом сидела его жена в туго зашнурованном лифе, с серьгами в ушах, с длинными косами в шелковых вышивных чехлах.

Стуча мечами по доскам, рассаживались рыцари по местам.

Густая толпа окружала просторное стрельбище – железные колпаки вояк попеременно с широкополыми войлочными шляпами крестьян.

Четыре сотни лучников, позванивая тетивами, ждали начала состязания.

Маленький старичок с кожаной сумкой за плечами

опустился на колени перед шерифом.

– Благородный лорд шериф, – промолвил он тихо, оглянувшись по сторонам, – если ты подаришь мне одну золотую марку, я скажу тебе, как найти среди этих стрелков разбойника Робин Гуда.

– А кто ты такой и что известно тебе о разбойнике, старик?

– Я стрельник из Трента, сэ. Я сделал для Робин Гуда стрелы, с которыми он прибудет на праздник. В наконечниках этих стрел я прорезал искусные щели, так что стрелы при полете будут петь протяжным и резким свистом. Разбойника не узнать среди других стрелков, потому что он переделался и выкрасил бороду. Но ты отличишь его по свистящим стрелам.

Шериф запустил руку в кошель, висевший у пояса, и бросил старику немного серебра.

– Ты заслужил награду, старик! Если твои стрелы помогут изловить разбойника, ты получишь новый кафтан и денег в придачу.

Он подозвал к себе начальника городской стражи и приказал ему выследить стрелка со свистящими стрелами, схватить его незаметно и тихо, чтобы не нарушить веселье праздника.

Между тем стрельба началась.

Круглая мишень была врыта в землю за двести двадцать ярдов от черты.

Прижимая коленом упругое дерево, стрелки сгибали луки, чтобы накинуть петлю тетивы на зарубку. Словно стая птиц с резкими криками пронеслась над стрельбищем – это витые сухожилия запели под сильными пальцами.

То здесь, то там громко хлопала, лопаясь, слишком туго натянутая струна.

Черный Билль зорко всматривался в лица лучников.

Он узнал Маленького Джона, и Белоручку, и тощего стрелка, с которым однажды ему пришлось уже встретиться на стрельбищном поле за городскими стенами.

Но Робина не было видно.

Когда черед дошел до лесничего, он уверенной рукой пустил стрелу в мишень, и эта стрела пропела не громче, чем все другие, потому что лучший подарок хромого из Трента Черный Билль берег для трудного спора, который был впереди.

Слепец с двумя красными ямами вместо глаз протиснулся вперед, таща на ремне трехногую собаку.

– Безглазый с безлапым пришел! Дайте дорогу! – кричали ребята, и люди сторонились, чтобы пропустить слепца.

Все в Ноттингеме знали, что старый Генрих был когда-то первым стрелком на всю Англию, но шериф изловил его в королевском лесу на охоте и в наказание

выколол ему глаза.

Парень в малиновой куртке положил руку слепому на плечо.

– Здравствуй, Генрих, – сказал он тихо. – Что не видеть тебя в Шервуде?

– Приду, приду, стрелок, – вздрогнув, ответил безглазый. – И то заскучал в Ноттингеме.

Слепой склонил голову набок и долго прислушивался к жужжанию стрел.

– Эх, пострелять охота! – промолвил он.

Парень в малиновой куртке сунул в руки слепому свой лук и стрелу.

– А ты покажи им, Генрих, что для такой мишени и глаз не нужно.

Еще одна стрела прожужжала мимо и стукнулась в мишень.

– А клянусь Святой Троицей, покажу! – Безглазый улыбнулся широкой улыбкой. – Подержи моего пса, сынок. А ну-ка, ребята, поставьте меня у черты!

Запрокинув назад голову, он прошел к черте, у которой показывали свое искусство стрелки. Толпа притихла, глядя на горделивую осанку слепого.

– Стреляйте, стреляйте, молодцы! – сказал старик. – Бейте сильнее, чтобы я услышал мишень.

Лук неподвижно замер в его руке.

Не шевелясь, старый стрелок прислушивался,

как ударяются стрелы в круглую доску. Стрела, оттянутая дальше правого уха, медленно поворачивалась на звук; легкий ветерок шевелил яркие павлиньи перья на ее древке.

– Сколько ярдов до мишени?

– Двести двадцать.

Привычная рука подняла жало стрелы дюймом выше.

– Смотри, шериф, – громко сказал слепой, не поворачивая головы, – в такие мишени только и стрелять что сослепу!

Он спустил тетиву с такой силой, что стрела на двоє расколола мишень. Потом, не обращая внимания на восторженные крики стрелков и народа, высоко вскидывая колени, зашагал прочь от черты. Парень в малиновой куртке выбежал к нему навстречу с трехногой собакой на ремне.

Немало потребовалось времени, чтобы все четыре сотни лучников выстрелили по первому разу.

Ко второй стрельбе из них осталось пятьдесят человек.

Мишень поставили дальше на сотню ярдов, и по три стрелы в нее всадили только семеро: синяя куртка, рыжая куртка, Черный Билль, малиновая куртка, тощий лучник и двое стрелков из шерифовой стражи.

Теперь слуги принесли охапку прямых ивовых прутьев, очищенных от коры, и воткнули три прута в землю на расстоянии в триста ярдов от черты.

Крестьяне веселыми возгласами подзадоривали стрелков:

– Неужто кто-нибудь срежет стрелой такие тонкие прутья?

– Это только Робину в пору!

– Старый Генрих, уж верно, срезал бы, будь у него глаза.

– А Робин-то струсил: не видать его что-то сегодня.

– Ясное дело – всякому шкура дорога. Приди он, его живо бы сцапал лорд шериф.

– Эй ты, рыжая куртка! Что ты там шепчешь над своей тетивой? Скажи, как звать твоего святого, помолимся вместе – авось скорее услышит!

Тощий лучник первым вышел к черте.

– Вот стрелок! Не стрелок, а стрела: и тонок и легок!

– Что это он колдует? Гляди: перышко кинул в воздух!

– Это он ловит ветер.

Внимательно проследив полет пушинки, лучник прицелился и спустил тетиву. Прут задрожал, но стрела, задев его, пролетела мимо. Со второго выстрела он расщепил ивовый прут, третья стрела пролетела мимо.

– Ну, рыжая куртка, покажи, как любит тебя твой святой!

Рослый парень вразвалку подошел к черте, отер правую руку о свою рыжую куртку, широко расставил ноги и выстрелил. Вырванный сильным ударом прут упал на траву.

Черный Билль исподлобья посмотрел на стрелка: его раздосадовала удача Маленького Джона.

Второй прут разлетелся в щепки.

– Ай рыжий, ай рыжий! – кричали в толпе. – Да он мухе в глаз попадет, если крепко прицелится!

Но на третий раз Маленький Джон промахнулся. Синяя куртка сменила его у черты.

Вилль Белоручка, промазав два раза подряд, виновато посмотрел на парня в малиновой куртке. Тот укоризненно покачал головой.

Первый из воинов шерифовой стражи выпустил три стрелы, но все пролетели мимо трудной мишени.

Теперь пришел черед Черного Билля. По своему обыкновению, он сощурился так, что стрелки покатались со смеху.

Протяжный, резкий свист пронесся над полем.

Прицел был взят слишком низкий – стрела впиалась в землю у самого прута.

– Да ты жмурься получше! – кричали ему со всех сторон. – Не робей, борода! Это черт толкнул тебя

в локоть!

Шериф привстал с места, услышав свист стрелы.

– Где твоя хваленая меткость, стрелок? – спросил он насмешливо, и лесничий ответил ему удивленным взглядом. – Покажи, покажи, как вы бьете королевских оленей!

Сменив тетиву на луке, Черный Билль выстрелил снова. В неподвижной тишине опять раздался резкий, свистящий звук. Второй прут был расщеплен надвое, а за ним и третий.

– Что за стрелы такие у молодца? Свищут, как змеи. А прицел у него хорош! Если б он пристрелялся...

Какая-то суматоха поднялась вокруг чернородого стрелка, когда он шагнул в толпу. Но все глаза направлены были на мишень, потому что второй воин из шерифовой стражи стоял уже у черты и целился.

Раз... Первый прут пошатнулся, оцарапанный стрелой.

Два... От второго отлетела верхушка.

Три... Третий прут раздвоился вилкой.

Толпа пошатнулась, четыре сотни луков поднялись в воздух, приветствуя искусного стрелка. Шериф снова встал, и в его руке заблестела золотом и серебром стрела, предназначенная победителю в состязании. Он помедлил одно мгновение, глядя, как его стражники тащат в сторону от стрельбища упирающегося чер-

нобородого стрелка.

В это время к черте вышел парень в малиновой куртке.

– Таких удальцов я люблю, – весело сказал парень, тяжелой рукой хлопнув воина по спине. – Только спор наш еще не кончен. Эй, там, не зевайте! Поставьте новые прутья!

Три стрелы, сверкая павлиньими перьями, одна за другой слетели с его тетивы, три расщепленных прута запрыгали в дальнем конце поля.

– А теперь, молодец, мы с тобой потягаемся снова, – шепнул Робин шерифову стрелку. – Только, чур, уговор: если ты меня обстреляешь, я пойду под твоё начало, а если я тебя – гулять тебе со мной вместе по веселым лесам!

Шериф опустил серебряную стрелу, ожидая, пока смолкнет оглушительный рев толпы.

– Что ж, – сказал он, когда возгласы стихли, – я не знаю, кому присудить награду. Как сказать, кто из вас метче, если оба стреляли без промаха? Выбирайте, как стрелять вам теперь.

– Пусть Генрих скажет! – закричали в толпе. – Пусть Генрих скажет!

Десятки рук подтолкнули слепого вперед.

– Пусть померяются, кто лучше бьет навскидку! – сказал старик.

И тотчас же народ подхватил его слова:

– Навскидку! Навскидку! Бейте навскидку!

Воин кивнул головой.

Он снова вышел к черте и повернулся спиной к полю, держа наготове натянутый лук. Теперь ему не было видно, на каком расстоянии и в каком направлении воткнут будет в землю прут. По слову шерифа он должен был повернуться и, прежде чем шериф досчитает до трех, спустить стрелу.

– Готово! – сказал шериф. – Раз... два... три!

Воин выстрелил, но промахнулся. Шериф поморщился, потому что желал удачи стрелку своей стражи, а никак не неизвестному крестьянину в малиновой куртке.

Когда последний повернулся спиной к стрельбищу и прут был воткнут в землю на новом месте, шериф снова воскликнул: «Готово!» – и отсчитал до трех.

ROBIN HOOD

На этот раз он считал гораздо быстрее, чем прежде, но стрелок в малиновой куртке вовремя успел спустить стрелу.

Вычертив в воздухе широкую дугу, стрела начисто снесла верхушку белого прута.

– Получай же награду! – сказал шериф, протягивая лучнику в малиновой куртке стрелу с наконечником и перьями из красного золота. – Поистине ты заслуживаешь имени лучшего стрелка во всем северном крае по сю сторону Трента!

Неизвестный в малиновой куртке поклонился шерифу и веселой толпе, опуская стрелу в свой колчан.

Синие, рыжие, желтые куртки окружили его.

Кто-то тронул стрелка за рукав. Это был хромой стрельник из Трента.

– Нам нужно спешить, друзья, – сказал он, – они скоро раскусят, что обманула их стрела, которая свистит на лету.

Глава третья

О том, как Робин спас трех сыновей вдовы

*«Кафтан, кафтан, – сказал шериф, –
И денег заплачу.
Тринадцать пенсов и кафтан –
Вот плата палачу».*

– Что же случилось с твоими сыновьями, добрая женщина? – спросил Робин.

– Сэр Стефен дознался, что это они, – отвечала старуха. – Он дознался, что они зажгли костер, на котором сгорели все свитки и грамоты вотчинного суда. Они хорошие мальчики, мои сыновья. Как три молодых дубочка! А сэр Стефен схватил их и угнал в Ноттингем, и шериф их повесит теперь. Говорят люди, что ты никогда не оставлял виллана в беде. Помоги мне, спаси моих мальчиков, стрелок!

– Хорошо, – сказал Робин. – Ступай домой и не плачь, я спасу твоих сыновей.

Он поднял старуху на ноги и обернулся к стрелкам:

– Принеси мой лук, Давид Донкастерский. Ну, мо-

лодцы, кто хочет со мной в Ноттингем?

Но стрелок, которого звали Давидом Донкастерским, не тронулся с места.

– Тебе нельзя в Ноттингем, Робин! – воскликнул он. – На Ватлингской дороге вчера стоял герольд и кричал, что шериф объявил за твою голову награду.

– И дорого стоит моя голова?

– Двадцать марок обещает шериф всякому, кто доставит тебя в Ноттингем живым или мертвым.

– Неправду ты говоришь, Давид, – повел бровями Робин. – Я был на Ватлинге и сам слышал, что кричал глашатай. Двадцать марок шериф обещал за мертвого Робин Гуда, десять марок всего – за живого! Ты говоришь, как трус, Давид!

Веселый стрелок взял свой лук и колчан, в котором среди других стрел блестела серебряная стрела, подарок лорда шерифа. Его товарищи двинулись за ним, а дрозды свистали в ветвях, щебетали синички и коноплянки, и пестрые дятлы стучали над головой.

На широкой дороге повстречался Робину нищий, одетый в лохмотья. Робин скинул с плеч свой зеленый плащ и отдал его побирушке, а сам поверх малиновой куртки накинул рубище, в котором было больше прорех, чем разноцветных заплат.

Когда стрелки подошли к Ноттингему, у городской стены они увидели три виселицы и большую толпу на-

рода.

Поминая Христово имя и почесываясь, как это делают вшивые бродяги, Робин Гуд протиснулся вперед.

Три сына вдовы, связанные веревками по рукам и ногам, стояли под виселицами, и шерифова стража в блестящих кольчугах, с копьями, с датскими топорами и с луками в руках окружала их. Шериф сидел на высокой скамье, покрытой сарацинским ковром, рядом с ним сидели присяжные и сэр Стефен.

Священник с распятием подошел к сыновьям вдовы, Библия на железной цепи болталась у его колена; он предложил осужденным принять перед смертью святое причастие.

Но старший из сыновей отвернулся от исповедника и сказал громко, как смелый человек:

– Святой отец, ты говоришь так, будто мы уже мертвы. Но мы еще живы, и Господь не допустит, чтобы нас лишили жизни за правое дело.

И средний сын отвернулся от священника и сказал:

– Плохо ты служишь Господу Богу, если служишь шерифу ноттингемскому. – Потом он подмигнул вилланам, стоявшим в толпе: – А палача у них нет! Смотрите, он выпил для храбрости слишком много и никак не сладит с веревкой.

Тут все в толпе рассмеялись, потому что палач и вправду был пьян. Он хотел потуже затянуть петлю

на веревке и продел в нее ногу, как в стремя, а петля затянулась, точно силок. Палач упал на спину и не мог подняться: он дергал ногами, но не мог оборвать веревку. Стражники поволокли его прочь, а священник подошел к третьему сыну вдовы.

Младший сын тоже не принял причастия. Он посмотрел на далекий зеленый лес и расправил широкие плечи.

– Я помню за собой только один грех, святой отец, и в нем охотно тебе покаюсь. Я грешен в том, что слишком долго терпел. Давно мне нужно было сбросить с плеч ярмо и уйти в леса, к свободному Робин Гуду.

Веселому Робину пришлось по душе эти слова. Он получше прикрыл лохмотьями свой лук и подошел к шерифу.

– Какую плату положишь ты палачу за работу, благородный лорд? – спросил он шерифа.

Ральф Мурдах выпрямился, и глаза его радостно блеснули.

– Клянусь, сам Бог послал тебя, нищий! Я подарю тебе за работу новый кафтан, без единой прорехи, и тринадцать пенсов серебром.

Ye SHERIFF of
NOTTINGHAM

– Тринадцать пенсов! – воскликнул Робин. – Тринадцать пенсов за три веревки, тринадцать пенсов и новый кафтан! А сколько заплатишь ты мне за эту стрелу, шериф?

Перед самым носом шерифа сверкнула стрела с наконечником и перьями красного золота, и шериф откинулся назад, побледнев так сильно, будто эта стрела вошла ему в ребра. Робин стряхнул с себя лохмотья побирушки, малиновая куртка вспыхнула на солнце. Он пустил серебряную стрелу в небо, и по этому знаку со всех сторон из толпы кинулись к виселицам молодцы в зеленых плащах.

– О-хо-хо! – закричал отец Тук. – С нами Бог и святые угодники!

Дубина завертелась над его головой и пошла щелкать по железным колпакам шерифовых стражников. Стрела летела выше и выше в синее небо, а Маленький Джон и повар Артур из Бленда уже расчистили дорогу к помосту, на котором стояли три сына вдовы. Священник бросился на колени, как щитом, прикрывшись распятем, и прямо через него перемахнул старший сын, скидывая с рук разрубленную веревку.

Только тут, блеснув золотом, стрела упала с неба и воткнулась в помост, как молния, схваченная на лету.

Говорят, что в драке семеро лучше пяти и пятеро лучше трех, и это, конечно, верно. Стрелков было четыре десятка, а шерифовой стражи – сто человек. Но кольчуга крепче линкольнского сукна, датский топор тяжелее дубины, вот почему очень скоро люди шерифа железной стеной окружили своего господина и стали теснить лесных молодцов.

– Веселей, веселей, ребята! – покрикивал Робин Гуд. – Не жалейте колпаков и кольчуг!

– Ко мне! – раздался голос Скателока из-под кучи тел. – Клянусь крестом, я поймал их начальника!

Отец Тук, бросив дубину, навалился грудью на стражников, подмявших под себя Скателока. Начальник стражников, вывернувшись из рук стрелка, взмахнул ножом над широкой спиной монаха, но опрокинулся навзничь, пробитый стрелой.

Робин Гуд, спешивший на выручку Скателоку и Туку, обернулся, дивясь, откуда прилетела стрела. На перекладине виселицы сидели двое: тощий лучник в лисьей шапке и шерифов стрелок, состязавшийся с Робинем на стрельбище.

Оба, с луками в руках, спокойно смотрели сверху на свалку, выбирая мишени.

– Эге! И ты тут! Учишься бить навскидку, приятель? – рассмеялся Робин и едва успел отскочить в сторону из-под сверкнувшего над его головой топо-

ра.

Он ответил врагу ударом ножа; клинок скользнул по кольчуге, но стражник упал, сшибленный с ног тяжелым кулаком.

Из городских ворот вырвался конный отряд; шпоря лошадей, всадники скакали на помощь шерифу. Тогда звучный рог Робина покрыл шум схватки.

– К лесу, ребята! – крикнул Робин, и его молодцы, как подхваченные ветром зеленые листья, запрыгали и понеслись по дороге.

Толпа горожан, собравшаяся вокруг виселиц, чтобы посмотреть, как повесят сыновей вдовы, давно растаяла. Только кучка крестьян из-за поворота дороги следила за ходом битвы. Теперь пришло время для стрел. Тот, кто раньше других успел выбраться из свалки, натягивал лук в ожидании товарищей.

– Стойте, Маленький Джон остался!

– Он ранен, Робин!

– Бейте по лошадям! – скомандовал Робин, надеясь задержать верховых.

Вместе с Муком и сыновьями вдовы он повернул назад и, подхватив с земли чей-то меч, врезался в толпу стражников.

Маленький Джон отбивался от наседавших на него врагов, стоя на одном колене; из другого колена у него хлестала кровь. Тощий лучник и шерифов стрелок

принимали на себя направленные против него удары, и вся ярость стражников обрушивалась на изменившего шерифу воина.

– Не робей, Джон, держись! – крикнул Мук.

Робин, прорвав кольцо нападавших, с такой силой ударил мечом одного из стражников, что тот, покотившись, сбил с ног другого. Мук помог младшему сыну вдовы взвалить на плечи Маленького Джона. Тощий лучник, Робин и шерифов стрелок загородили товарищей и так, отбиваясь, пятились до самой дороги.

Между тем всадники, стройная колонна которых рассыпалась под первым роем стрел, совладали с прыгнувшими в сторону лошадьми и во весь опор понеслись на стрелков.

Четверо всадников отделились от колонны и поскакали наперерез Робину и Муку.

– Бегите! – крикнул Робин товарищам. – Спасайте Джона, я справлюсь с ними сам.

Тощий лучник, Мук и сын вдовы с Джоном на плечах пустились вперед по дороге к лесным молодцам. Но шерифов стрелок ослушался приказания. Он остался рядом с Робинем, и сразу два лука послали в неприятеля смертельные стрелы; двое всадников упали с коней.

Теперь стрелять уже было поздно.

С опущенными копьями, привстав в стременах,

приближались воины шерифа.

Робин Гуд не успел поднять меч; отбросив лук, он ждал врага. Копье устремилось в его открытую грудь. Но тут, словно подкинутый пружиной, стрелок отпрыгнул назад, рванув на себя копье. Всадник, не ожидавший такого толчка, перелетел через голову лошади. А когда он вскочил на ноги, Робин сидел уже на его месте в седле, с луком в руках. Стрела просвистала – и последний всадник выронил копье. Но выстрел запоздал на одно мгновение: шерифов стрелок лежал уже на земле, обливаясь кровью.

– Клянусь Святой Девой, они заплатят мне за этого молодца! – воскликнул Робин, пуская вскачь жеребца.

Догнав своих стрелков, он спрыгнул с коня: лесные стрелки не привыкли сражаться верхом.

Первый натиск врага удалось сдержать. Теперь стрелки бежали по дороге, то и дело останавливаясь, чтобы послать стрелу в преследователей.

– Они хотят отрезать нас от леса! – крикнул Эльфер, который все время дрался наравне с другими стрелками. – Ближе к лесу, ближе к лесу, друзья!

Младший сын вдовы задышался под тяжестью Маленького Джона.

– Бросьте меня, спасайтесь сами! – взмолился Маленький Джон.

Но Мук сердито прикрикнул на него, перехватывая

его у сына вдовы:

– Ты знай помалкивай, дьявол!

Давид Донкастерский бросился между передним всадником и отцом Туком и упал с рассеченной мечом головой.

Так отступали стрелки все дальше и дальше по дороге, а шерифовы люди теснили их справа и слева, не подпуская к лесным тропинкам.

Стрелы лесных молодцов летели реже, потому что у многих уже колчаны были пусты.

Тощий лучник выпустил последнюю стрелу.

– Слушай, Робин, – сказал он, – по левую руку, за тем вон пригорком, – дорога к замку Ричарда Ли. Мой отец будет рад укрыть у себя твоих молодцов от шерифа.

– Так это ты и есть Энгельрик Ли? Хорошего сына родил твой отец! Я охотно верну ему беглеца!

Прежде чем всадники успели отрезать им путь, стрелки, перескочив через ров, понеслись по узкой тропе к Виридэлю.

Старинный замок гостеприимно раскрыл перед ними ворота, подъемный мост прогромыхал цепями, и гранитные стены укрыли от врага Робин Гуда и его веселых друзей.

– Отец, прости, что я привел к тебе гостей, не спросясь, – сказал тощий лучник, обнимая отца.

– Я рад доброму Робину не меньше, чем тебе, мой сын, – ответил рыцарь. – Я думал навестить тебя в Шервуде, стрелок. Ведь завтра год со днем с тех пор, как ты помог мне спасти этот замок от йоркского аббата.

Глава четвертая

О трех святых отцах и милосердии Божиим

*Двенадцать месяцев в году,
Двенадцать, так и знай!
Но веселее всех в году
Веселый месяц май.*

Двенадцать, но самый веселый – май! Зеленым шумом полны леса, но самый зеленый лес в Шотландии – Шервудский лес. Дождь обрызгал листву дубов, солнце торопится высушить землю, а в сырой прохладе лопаются за желудем желуди, гонят кверху ростки остролист и чертополох, пробивая зелеными стрелами рыхлую прошлогоднюю прель.

По узкой лесной тропе, то и дело пригибая головы и стряхивая с ветвей дождь радужных капель, ехали два всадника. Копыта лошадей глубоко уходили в разбухшие листья, мох и молодую траву.

Птицы звонко пересвистывались над головами путников, словно потешались над неуклюжей посадкой толстенького, который трусил впереди. Он болтался

в седле из стороны в сторону, так что распятие подпрыгивало у него на груди. Капюшон его плаща сполз на затылок, открыв дождевым каплям и солнечным лучам блестящую, круглую, как тарелочка, тонзуру.

Второй всадник, ехавший следом за ним, посмеивался, глядя, как короткие ножки его спутника беспомощно ловят подтянутые к самой луке седла стремяна. Он одет был в такой же плащ, и такое же распятие висело у него на груди. Только поверх плаща и спереди и сзади нашито было по большому кресту.

Не только по этим крестам можно было узнать в нем крестоносца: он сидел на коне прямо, чуть-чуть подавшись назад, и даже монашеский плащ не мог скрыть его могучего роста и широких плеч. Это была посадка воина, привычного к седлу и к дальним походам.

– Подле острова Корсика, – говорил крестоносец, спокойно покачиваясь в седле, – подле острова Корсика водятся рыбы, которые, выскочив из моря, летают по воздуху. Пролетев около одной мили, они снова падают в море. Однажды Ричард Львиное Сердце приказал подать обед на палубе, и одна из таких летучих рыб упала на стол прямо перед королем...

«Так, так», – простучал дятел, повернув головку и недоверчиво посматривая на крестоносца. Но тот продолжал:

– Диковинная рыба также камбала. Вы знаете, отец приор, это рыба великомученицы Агафьи.

Маленький всадник придержал лошадь.

– Почему же вдруг святой Агафьи, каноник? Я слышал, что камбала – это рыба Богоматери. Говорят, что Пречистая однажды пришла к рыбакам, которые вкушали от этой рыбы, и сказала им: «Накормите меня, потому что я – Мать Божия». Но рыбаки не поверили и стали смеяться над нею. Тогда Святая Дева протянула руку к сковородке, на которой лежала наполовину съеденная рыба, и половинка рыбы оживила и запрыгала на сковородке. С тех пор камбалу и зовут рыбой Богоматери. А при чем тут святая Агафья?

– Не верьте, отец, – ответил каноник. – Такие басни выдумывают люди, которые не видели света и всю жизнь просидели в своем приходе. Я знаю совершенно точно, что камбала – это рыба святой Агафьи. Когда мы покинули Сицилию, нам случилось пройти мимо огненного острова Мунтгибель. Когда-то он изрыгал столько пламени, что возле него высыхало море и огонь сжигал рыбу. И однажды большой огонь вырвался из жерла горы Мунтгибель и двинулся к городу Катанаму, где почивали чудотворные мощи блаженной Агафьи. Тогда жители города Катанамы стеснились вокруг ее гробницы и выставили ее плащаницу против пламени. И огонь возвратился

в море и высушил воду на расстоянии одной мили и сжег рыбу. Немногие из рыб спаслись полусожженными – от них произошла камбала, рыба блаженной Агафьи... Что с вами, святой отец?

Маленький всадник так резко остановил свою лошадь, что конь каноника ткнулся мордой в ее круп. Отец приор испуганно вглядывался в лесную чащу, словно увидел в кустах жимолости страшное чудовище.

– Что с вами, отец приор? – повторил свой вопрос каноник, убедившись, что ни справа, ни слева от дороги не видно ничего угрожающего.

– Скажите, каноник, – прошептал маленький всадник, – ведь это... ведь в этих лесах скрывается Робин Гуд?

Легкая тень пробежала по лицу крестоносца: может быть, просто птица пролетела между ним и солнцем, может быть, ветка, качнувшись, уронила на него прохладу.

– Ну и что же? Надеюсь, вы не боитесь жалкого разбойника, отец приор?

Очень тихо, точно опасаясь, как бы соседние дубы не услышали его слов, маленький всадник ответил:

– Боюсь, дорогой каноник. Вы ведь знаете, я не из храбрых. И потом, вы слышали, что говорил аббат в монастыре Святой Марии? Они чаще всего

нападают на нас, беззащитных слугителей церкви.

– Хотел бы я встретиться с этим хваленым разбойником! – сказал каноник. – Не думаете ли вы, что он страшнее сарацин? Оставьте заботу, отец приор. Вот эта кольчуга, – при этих словах крестоносец распахнул свой плащ, – вот эта кольчуга отразила тучи стрел под стенами Иерусалима, а этот меч, – тут он выдернул наполовину из ножен короткий меч, – будет вам такой же верной защитой, какой был королю Ричарду на Аскалонских полях.

Дернув поводья, каноник объехал лошадь своего спутника и решительно двинулся вперед. Отец приор потрусил за ним, стараясь не отстать ни на шаг. С полчаса они ехали молча.

Мало-помалу лошади ускоряли шаг; солнечные сетки гораздо быстрее скользили теперь по лицам всадников, непочтительные ветви задорнее сбрасывали на путников пригоршни алмазов, и распятие все яростней колотилось на груди неумелого ездока.

Деревья расступились, и лошади пошли рядом, голова к голове.

Отец приор оглянулся через плечо и прошептал:
– Вы знаете, каноник, почему я боюсь Робин Гуда? В День святого Климента убежал у меня ослушный виллан, Клем из Ключ. Прошел слух среди моих людей, будто он ушел к разбойнику в Шервуд. Плохо придет-

ся мне, если я встречу его в лесу.

Горелый пень в сумраке леса часто прикидывается человеком, опустившимся на колени, а хитрые дрозды пересвистываются и вовсе разбойничьими голосами...

– Хотел бы я знать, о чем думает лорд шериф, – громко сказал крестоносец. – И что ему стоит прислать сюда десяток хороших солдат! Будь я на его месте, через три дня голова разбойника болталась бы на рыночной площади в Ноттингеме!

– Тише, тише, каноник, не искушайте провидение. А я так думаю, что шериф ничего тут не может поделать. Ведь у Робин Гуда нора под каждым кустом. Поди-ка его поймай, когда каждый виллан, каждый раб готов отдать ему свою шкуру на сапоги и в беде поминает прежде его, а потом уж Святую Деву.

Теперь то одна лошадь, то другая забежала вперед, и всякий раз отставшей приходилось нагонять свою соседку.

– Да не спешите вы так, отец приор! – воскликнул наконец каноник, заметив, что его спутник окончательно выбился из сил. – Если вы будете так сильно болтаться в седле, у вас непременно лопнет подпруга. Бросьте поводья, пусть лошади отдохнут. Я не рассказывал еще вам, как мы встретились в Средиземном море с кораблем сарацин?

Лошади пошли шагом; после быстрого бега они продолжали косить боками, шерсть на груди у них потемнела от пота.

Каноник перекинул ногу через седло и сел боком, обернувшись к своему спутнику.

– Завладев островом Кипром, мы двинулись к Аккре. Близ этого города мы заметили сарацинский корабль. Борты его были выкрашены зеленой и желтой красками, три высокие мачты уходили под облака. Мы узнали потом, что на этом корабле сарацины везли оружие всякого рода – пращи, луки, копья – и двести штук самых ядовитых змей на погибель христианам. Тучи стрел посыпались на нас. Наши галеры окружили корабль со всех сторон, но ничего не могли сделать. Король Ричард кричал изо всех сил: «Неужели вы дадите врагу уйти невредимым? Так знайте же: вы будете повешены тут же на мачтах, если сарацины уйдут живыми!»

Маленький всадник бросил восторженный взгляд на крестоносца, потом украдкой скользнул глазами по зарослям справа и слева от дороги и продолжал слушать рассказ.

– Эти слова придали нам храбрости, – рассказывал каноник. – «Смелее, воины Христовы!» – крикнул я. Мы накинули веревки на руль вражеского корабля и по этим веревкам взобрались на борт. Мно-

гим сарацины отрубили руки, многих сбросили в море. «На нос!» – крикнул я, расчищая мечом дорогу. Все мои товарищи пали, прославляя имя Господне. И я очутился один на носу корабля. Десяток кривых сабель...

Вдруг лошади стали.

От неожиданного толчка крестоносец, сидевший в седле боком, едва не упал.

Посреди дороги, протянув руку вперед, стоял монах в изорванном, заплатавшем плаще.

– Святые отцы, подайте нищему служителю Христову! – послышался голос из-под капюшона. – За весь день мне никто не подал ни фартинга на ужин.

Услышав смиренные слова, маленький всадник облегченно вздохнул. Лицо его, мгновенно ставшее белым, снова оживилось. Он сунул было руку в кошель, когда крестоносец крикнул:

– Проваливай с дороги, монах! Нашел у кого просить – у нищих служителей церкви! Нет у нас ничего, ступай своей дорогой.

Каноник тронул поводья и проехал мимо нищего. Но нищий догнал его одним прыжком. Сильной рукой он схватил лошадей под уздцы и остановил всадников.

– Святые отцы, – сказал он тихим, спокойным голосом, – неужели мы не заслужили у Господа Бога

нескольких золотых монет! Братие, преклоним колена и воззовем к милосердию Божию. Может быть, Господь услышит нашу молитву и ниспошлет нам от щедрот своих на пропитание.

Каноник положил руку на рукоять меча. Но монах заметил это движение. Он тряхнул головой, и капюшон упал ему на плечи. Молодое, румяное лицо оказалось у монаха. Русая бородка, ровные белые зубы под задорными завитками усов. Крестonosец поспешно слез с коня. Его маленький спутник стоял уже на коленях, сложив руки на груди для молитвы. Неловко подгибая длинные ноги, каноник опустился рядом с ним. Тут и монах преклонил колена.

– Ну, братие, – сказал он, – вознесем молитву к престолу Всевышнего. Повторяйте за мной: «Господи Боже, внемли смиренным рабам твоим...»

Святые отцы перекинулись быстрым взглядом.

– Господи Боже, внемли смиренным рабам твоим... – дрожащим голосом прошептал приор, подняв глаза к небу, заслоненному яркой зеленью дубов.

– Господи Боже, внемли смиренным рабам твоим... – торопливо прошептал за ним каноник.

– ...и ниспошли нам на пропитание...

– ...и ниспошли нам на пропитание...

– ...золота...

Не смея повернуть голову, маленький путник искоса посмотрел на крестоносца. Тот, втянув голову в плечи и согнув дугой могучую спину, повторял побелевшими губами:

– ...золота...

– ...елико возможно больше! – громко воскликнул нищий монах, вскакивая на ноги.

– ...елико воз-змо-жно... больше, – холодея от страха, прошептали святые отцы.

– Отлично, братие, – сказал нищий. – Вы хорошо молились – видать, от чистого сердца. Уж, верно, Господь услышал нашу молитву. Давайте же, братие, осмотрим карманы наши и поделим по-братски все, что послал нам Всевышний. Начну-ка я первый.

Лукаво посмеиваясь, нищий монах обшарил свои карманы.

– Гм! Видно, я грешен перед Господом Богом: у меня в карманах ничего не прибавилось после молитвы.

– И... и у меня ничего не прибавилось! – в один голос ответили святые отцы.

– Разве? А мне почудился звон. Ведь у вас ничего не было прежде, ни фартинга? Сдается мне, все же молитва наша дошла до престола Господня. Посмотрим, посмотрим, чем одарило нас милосердие Божие. О! Да тут и впрямь что-то есть!

Так воскликнул нищий монах, вытаскивая из кармана крестоносца туго набитый кошель.

– А теперь у вас, святой отец!

Второй кошель, не менее пухлый, упал на траву рядом с первым.

Под пристальным взглядом нищего крестоносец скинул на землю свой плащ, разостлал его пошире и высыпал на него две пригоршни звонких монет. Он безропотно разделил их на три равные части.

– Блажен, кто верует! – воскликнул монах, сгребая с плаща свою часть золота. – Возблагодарим Господа за милосердие его!

Но святые отцы не стали молиться на этот раз.

Поспешно упрятав отощавшие кошельки, они вскочили на лошадей и помчались прочь.

Маленький всадник мешком повалился на шею своего скакуна и крепко вцепился руками в гриву. Зато крестоносец показал, как искусно умеют обгонять ветер храбрые победители сарацин.

Глава пятая, в которой рассказывается о четвертом святом отце

*И только монах зашел в глубину,
Он Робина кинул в поток.
«Хочешь – поплавай, а хочешь – тони;
Тебе выбирать, паренек!»*

Зеленая завеса скрыла всадников от глаз. Но нищий монах долго еще прислушивался к затихающему вдали топоту копыт и треску валежника.

– Клянусь святым Кесбертом, – усмехнулся он, – эти молодцы потянутся в беге с любым оленем! Они слетят сейчас с обрыва в ручей – это так же верно, как то, что их золото звенит у меня в кармане.

Глухой всплеск подтвердил его догадку.

Раздвинув гибкие ветви орешника, монах достал из дупла векового дуба лук, колчан со стрелами и окованную железными кольцами дубину. Веселая песня понеслась по лесу:

Жирные гуси, жареные гуси
Прямо с вертела в аббатство летят.

«Кому гусей горячих?» –
Святым отцам кричат.

Колчан скрылся под широким плащом, лук со спущенной тетивой повис за плечами. Монах зашагал по тропинке, вертя дубину над головой. Он шел не спеша, легкой походкой, глубоко вдыхая запах лопающихся почек и свежей травы. Иногда он подкидывал дубину вверх, сшибая с прозрачного зеленого свода осколки радуг, запутавшихся в мокрой листве.

Где-то свистнула иволга, и монах ответил ей таким же звонким коленцем. Лесная тропа раздвоилась.

В последний раз монах бросил взгляд на следы подков и свернул вправо.

С каждым шагом лес становился гуще и глуше. Тропинка вилась ужом между кряжистыми стволами, нога то глубоко погружалась в сырой мох, то натыкалась на узловатые обнаженные корни лесных старожилков. Солнце едва пробивалось сквозь густую листву.

Ловко ныряя под ветвями деревьев, перепрыгивая через упавшие стволы, монах пробирался все дальше и дальше на север.

Тропинка давно пропала в подлеске, но монах не колебался в выборе дороги. На широкой поляне, окруженной шумной толпой лесных великанов, он скинул с себя вымокший до нитки монашеский плащ. Яр-

ко вспыхнула на солнце малиновая куртка. Человек в малиновой куртке подбежал к молодому дубочку, который приподымался к небу на самой середине лужайки, весело разминая ветви и пошевеливая листьями.

– Эге! – крикнул человек, остановившись перед веселым деревцем. – А вот и моя стрела!

Дерево было пробито стрелой, когда ствол его был еще гибок и тонок, как стебель. Стрела пробила дубок и засела в нем. А теперь ствол дерева окреп, поднялся кверху и унес с собой стрелу. Человек в малиновой куртке поднял руку, но не дотянулся до стрелы.

– Подивился бы старый Генрих, если бы увидел, как вырос дубок за эти годы. И лука давно уже нет, который он подарил мне тогда за хороший выстрел, а стрела все цела.

Он долго стоял не шевелясь, прислонившись плечом к молодому дереву.

Ящерица пробежала по мокрым ремням его сандалий и юркнула в траву.

– А какие глаза были у старика! – задумчиво сказал лесной бродяга и тряхнул головой, точно хотел сбросить невеселые мысли.

Порыв ветра качнул вершины деревьев, обступивших поляну.

– Да, Линдхерстский лес остается Линдхерстским

лесом. Скоро будем к вам в гости! – воскликнул человек, отвечая дубам на поклон поклоном. – Сыщи тут, шериф, меня и моих молодцов!

Подмигнув ястребу, парившему в небе, он пустился в обратный путь. Монашеский плащ высох уже; ящерица скользнула по нему и спряталась в капюшоне.

Жирные гуси, жареные гуси,
Жареные утки с выводком утят
Прямо в аббатство,
В смиренное братство...

– Э, да мне сегодня удача! – рассмеялся лесной бродяга, прыгивая с обрыва на берег ручья. – Поутру – два монаха, а вот и еще один. Однако, чтобы наполнить его брренное тело, не хватит и бочки доброго эля...

Лесной бродяга бесшумными шагами направился к монаху, сидевшему на камне у ручья. Он подошел к нему так тихо, что тот и ухом не повел. Человек в малиновой куртке остановился, с удивлением глядя на грузную фигуру отшельника.

Грубый суконный плащ, прикрывавший его плечи, был так широк, что под ним легко спрятался бы изрядный стог сена. Вокруг давно не бритой тонзуры мелкими колечками курчавились рыжие волосы. Задумчиво уставившись на воду, монах перебирал тяжелые

свинцовые четки.

– Хотел бы я знать, святой отец, – сказал вдруг человек в малиновой куртке, – хотел бы я знать, отец, много ли смирения помещается в таком здоровенном теле?

Медленно повернулась круглая голова на короткой шее. Монах поглядел на малиновую куртку маленькими сонными глазами.

– Смирение – мать всех добродетелей, – ответил он спокойно, без всякого удивления. – Будьте смиренны, яко агнцы – так заповедал нам всеблагий Господь.

– Ну что ж, если ты и вправду смиренная овечка Христова, перенеси меня на тот берег, – приказал человек в малиновой куртке.

Ни слова не говоря, монах, точно слон, опустился перед ним на колени. Лесной бродяга взгромоздился к нему на плечи.

Шея монаха была так толста и крепка, что парню показалось, будто он уселся верхом на узловатую ветвь дуба. Свой лук и колчан он поднял над головой, чтобы не измочить их в воде. Дубинкой он помахивал в воздухе перед самым носом смиренного отшельника.

А тот, покорно склонив голову, шагал по воде. Полная вода еще не сошла, и ручей был довольно широк и быстр, пенистая струя разбивалась о грузное тело

монаха. Сперва вода доходила ему до колен, потом поднялась по пояс, по грудь.

– Но, но, осторожней, святой отец! Мне неохота купаться! – покрикивал на монаха ездок. – Небось вода холодна? А право, смирение – великая добродетель!

Между тем отшельник приближался к берегу. Человек, испытывавший его смирение, приготовился было спрыгнуть на землю. Но вдруг он почувствовал, что широкая рука святого отца стиснула его руку выше локтя. Словно перышко, монах снял его со своей шеи и опустил на берег.

– Брат мой, – сказал монах, подмигивая своему седоку, – смирение – великая добродетель. Не откажи, будь добр, перевези меня на тот берег.

– Ого! – рассмеялся лесной бродяга. – Ты, я вижу, тоже любишь хорошую шутку! Ну что ж, долг платежом красен. Держи повыше мой лук и стрелы, чтобы они не намокли.

– Ладно, ладно, уж я посмотрю. И дубинку мне дай заодно. Я, конечно, тяжеловат, но ты, видать, парень крепкий.

Человек в малиновой куртке присел немного, когда на него навалилась гора, одетая в мокрый суконный плащ. Он не прочь был бы скинуть в воду своего седока, да больно крепко стиснул коленками его шею святой отец. Отшельник весело помахивал в воздухе дубинкой, и длинные стихи из Священного Писания так и сыпались с его языка. Пошатываясь под тяжелой ношей, лесной бродяга перебрался через ручей.

– А ведь ты и впрямь тяжеленек, – сказал он, ступая на берег.

– На все воля Божия, – ответил отшельник, сползая с шеи своего нового друга. – Сколько ни умерщвляю плоть постом и молитвой, а все же...

Но тут лесной бродяга одним прыжком вскочил на плечи святому отцу.

– Прокати меня еще разок, приятель! Ты забыл, что мне надо на ту сторону, святой отец? Ну-ка, ну, поживей!

Он похлопал отшельника по тонзуре, как понукает лошадь хороший ездок. И, безропотно повернувшись, смиренный служитель Христов снова вошел в ручей.

К этому времени малиновая куртка впитала в себя столько воды, что стала пунцовой. Но этот цвет, очевидно, показался отшельнику недостаточно темным, потому что, дойдя до середины ручья, он вдруг так резко тряхнул плечами, что его седок взлетел в воздух, кувыркнулся турманом и опустился уже не на широкую спину святого отца, а на неверную, пенистую поверхность потока. Молодец выскочил из воды с такой же быстротой, с какой вылетает из канавы брошенная туда ребятами кошка. Отшельник сидел уже на своем прежнем месте и, щурясь от яркого солнца, смотрел, как несется к нему, вертя над головой дубину, парень в пунцовой куртке.

– Уж и выдублю я твою шкуру, святоша!

– Это нехитрое дело, – сказал монах, перебирая четки, – нехитрое это дело – пересчитать ребра смиренному служителю церкви, у которого всего и оружия, что молитва да четки. А вот посмотрел бы я, как бы ты попрыгал, будь в руках у меня жердочка вроде твоей.

При этих словах парень в пунцовой куртке остановился и опустил дубину. А святой отец, не дожидаясь приглашения, нагнулся и вытащил из-под куста отличную палицу, также окованную железом и сверкавшую от долгого употребления. Мокрый плащ его упал на землю, а дубина взлетела в воздух и принялась выписывать хитрые восьмерки над его головой. Лесной бродяга звонко рассмеялся.

– Ай да монах! – воскликнул он. – Вот это монах так монах!

Они закружились по поляне, обрушивая друг на друга град тяжелых ударов. Но в руках хорошего бойца дубина – отличный щит. Стук пошел по лесу, и пугливые синички поспешили вспорхнуть на самые высокие ветки. И как ни старались противники изувечить друг друга, дубина всегда встречала на пути другую дубину.

Кукушка прокуковала долгую жизнь одному и долгую жизнь другому. Два часа бились веселые молодцы, и каждый прошел добрых пять миль, отыскивая слабое местечко у своего врага; и пунцовая куртка стала малиновой снова, а кожаная куртка отшельника курилась паром, когда наконец дубина святого отца с размахухватила в самое темя молодца в малиновой куртке. Кровь потекла у него по лицу.

– Вот это удар так удар! – сказал бродяга, роняя

дубинку. – За этот удар я, пожалуй, прощу тебе рясу.

Вскочив на ноги, он пустился к ручью, где лежал его лук. Не больше мгновения ему потребовалось, чтобы выхватить из колчана стрелу и натянуть тетиву. А когда он обернулся, святого отца уже не было на месте.

– Никак, он провалился сквозь землю! – промолвил парень.

Но тут из-за старого дуба показался отшельник – в железном колпаке, с мечом при бедре и со щитом в руках.

– А я уж думал, что ты за святость свою вознесен в небеса, – сказал парень, вскидывая лук. – Давно не бил я в такую большую мишень!

Но мишень оказалась на удивленье проворной: щит сверкнул на солнце, стрела скользнула по нему и воткнулась в землю, дрожа от злости.

– Ты зря перепортишь все свои стрелы, дружище, – сказал монах, отбивая с таким же проворством вторую и третью стрелы. – А пожалуй, они пригодятся еще тебе на этом свете.

– За такое искусство я, пожалуй, прощу тебе и тонзуру, – сказал бродяга. – Но имей в виду, святой отец: стоит мне затрубить в этот рог – и четыре десятка моих молодцов будут тут раньше, чем ты успеешь прочесть отходную своей грешной душе.

– Не спеши трубить, Робин Гуд, – рассмеялся мо-

нах, – стоит мне свистнуть вот в эти два пальца – и десяток добрых псов будут тут, чтобы встретить твоих молодцов.

– Дай же мне обнять тебя, фриар Тук! Я обшарил весь Пломптон-парк, чтобы найти причетника из Аббатава Риптона! Да свистни же скорей своих псов, чтобы я увидел, правда ли это, что собаки умеют на лету ловить пастью стрелы!

Тут Робин Гуд дунул в свой рог и протрубил в него трижды. И отец Тук вложил в рот два пальца, и оглушительный свист прорезал лесную чащу.

– Поглядим, поглядим, кто будет тут раньше, – промолвил монах, проверяя, целы ли железные кольца на дубине после хорошей драки.

FRIAR

TUCK

И сразу с двух концов затрещали ветки в лесу.

Тридцать девять стрелков в зеленом линкольнском сукне вынырнули из густолесья. А навстречу им с лаем и воем, перепрыгивая друг через дружку, вырвались на лужайку к ручью дюжие рыжие псы.

Отец Тук одним словом смирил их ярость, и они улеглись, скрестив передние лапы, вывалив мокрые языки из зубастых пастей.

– Здравствуйте, молодцы! – сказал отец Тук, отирая со лба пот широким рукавом своей кожаной куртки. – Ради веселой встречи первым долгом закон велит промочить горлышко кружкой доброго эля. В трех полетах стрелы отсюда стоит моя скромная обитель. Олений бок, верно, ужарился в печи, если только не сгорел, пока мы с Робинотом тут разминали кости. Это, конечно, скромная трапеза для сорока молодцов! Но, клянусь святым Дунстаном, не всех оленей я перебил в королевских лесах.

Псы, сшибая друг друга с ног, понеслись вперед по узкой тропке. Робин Гуд, обнявшись с отцом Туком, шел впереди всех молодцов. В трех полетах стрелы, там, где чаща казалась всего непроглядней, тропка вывела молодцов на просеку, к скромной обители отшельника.

Сложенная из вековых стволов изба окружена бы-

ла широким рвом, наполненным водой. Толстые цепи поддерживали узенький подъемный мост.

Глава шестая, в которой рассказывается о веселой встрече старых друзей

*И Робин обоих их за руки взял –
И ну вокруг дуба кружиться!
«Нас трое веселых, нас трое веселых,
Втроем будем мы веселиться!»*

– Клянусь святым Дунстаном, видно, как она растет! – воскликнул Мук, сын мельника, обращаясь к своему соседу. Парень лежал на животе, подперев руками подбородок, и разглядывал пучок молодой травы, пробившейся на свет сквозь толстый слой прелого листа. – Кабы не обед, который урчит еще у меня в брюхе, ей-ей, я принялся бы за свежую травку, как добрый конь!

– Вот ведь обжора! – рассмеялся Клем из Ключ. – А я так и думать не могу о еде. Право, служи я по-прежнему своему приору, мне хватило бы такого обеда до самого Михайлова дня.

– Охотно верю. Небось ты привык у него поститься

и до Михайлова дня и после.

Стрелки лежали на самом припеке у ручья, неподалеку от той лужайки, по которой недавно кружились Робин и отец Тук, стараясь пересчитать друг у друга кости своими дубинками. Темными заплатами по молодой траве разбросаны были зеленые плащи лесных молодцов.

Кое-где еще курились костры и потрескивало на углях недоеденное мясо. Многие спали, ослепев от вина и сочной оленины.

Из избушки отшельника донеслись веселые звуки лютни. К тонкому звону струн присоединился густой голос отца Тука:

Если ты купишь мясо –
С мясом ты купишь кости.
Если ты купишь землю –
Купишь с землей и камни.
Если ты купишь яйца –
Купишь с яйцом скорлупку.
Если ты купишь добрый эль –
Купишь ты только добрый эль!

– Пойдем-ка послушаем, как поет святой отец, – предложил Клем. – Сдается мне, что он ладит с лютней не хуже, чем с дубиной и чаркой.

Псы, лежавшие на дороге, не шелохнулись при при-

ближении стрелков. Перешагнув через псов, стрелки вошли в обитель отшельника.

Посреди грубого дубового стола стоял пузатый бо-
чонок, окруженный недопитыми ковшами из воловье-
го рога. Почерневший деревянный Христос терпели-
во смотрел со своего креста на отца Тука, перебирав-
шего струны лютни.

Робин Гуд, Маленький Джон и Вилль Статли смот-
рели на святого отца с удивлением и восторгом, пото-
му что толстые пальцы причетника с необыкновенной
легкостью порхали по струнам, а песен в его зычной
глотке был неистощимый запас.

– Сколько монахов видал на своем веку, а такого
не видывал, – сказал Вилль Статли, когда отец Тук
кончил петь. – Скажи-ка, отец, ты какого монасты-
ря? Если в твоём монастыре все монахи вроде те-
бя, я охотно выложу последний шиллинг за тонзуру
и, клянусь Девой Марией, до конца дней не нарушу
устава вашей обители!

Отец Тук повесил лютню на колышек, вбитый в сте-
ну. Он лукаво усмехнулся.

– Что ж, – сказал он, – коли хочешь повидать
мой монастырь, отправляйся прямой дорогой в Рам-
зей, в графство Гентингдоншир. Оттуда рукой подать
до нашего монастыря. Ты спроси, как пройти в Абба-
тов Риптон, – тебе всякий мальчишка укажет. Толь-

ко ежели случилось бы тебе добраться до Риптона, избави тебя Господь назвать там имя фриара Тука. Ибо в Священном Писании сказано: что посеешь, то и пожнешь. А я посеял там хорошие колотушки.

– Вилль, Вилль! – укоризненно покачал головой Робин Гуд. – И не жаль тебе добрых товарищей, что собрался в монастырь? Если так не хватает тебе духовных наставлений, у нас будет отныне свой духовник, капеллан и келарь. Не так ли, святой отец?

– Уж больно легко принимаешь ты людей в свою дружину, – заметил отец Тук. – А ну как я вовсе не Агнец Божий, а наемник Гая Гисборна или лесничий шерифа ноттингемского?

– Не тревожься, фриар Тук, у тебя найдутся поручители, – раздался голос Маленького Джона. – Если доброе вино не отшибло у тебя памяти, может быть, ты вспомнишь виллана Рамзейского монастыря Джона Литтля?

– Еще бы не помнить! Из-за него-то мне и пришлось попрощаться с Аббатовым Риптоном. Помню, конечно, помню! Парень был видный, на голову выше тебя, стрелок.

– Неужто повыше? – Робин Гуд бросил быстрый взгляд на своего товарища. – А я-то думал, что не родился еще на свет человек выше нашего Маленького Джона!

– Повыше, повыше, – повторил монах, – да, пожалуй, и в плечах пошире. Даром, что ли, случилась у нас потасовка? Когда взгромоздил он на себя целый стог сена и сказал: «Благодарствуйте, сэра сенешал», я думал, старик наш тут и протянет ноги.

– Да ты расскажи толком, святой отец, – вмешался в разговор Клем из Клю. – А то наплел – ничего не понять. Что за сенешал такой и при чем тут сено?

– А сенешал – это управляющий в нашем маноре, в Аббатовом Риптоне. Я приставлен к нему был писарем и сумку носил с писульками. – Отец Тук кивнул на большую кожаную сумку, подвешенную к потолочине. – Пришли мы с ним на заливной луг в Готоне – принять работу у косарей. Этот самый Джон Литтль отбывал в тот день барщину и принес с собой косу длиною в добрых семь футов, а окосье – с хорошую оглоблю. Сенешал мой было обрадовался, потому что Джон Литтль одним взмахом скашивал больше, чем трое других. Надо вам знать, что у нас испокон веку такое правило: в сенокос получает виллан за день работы столько сена, сколько подымет на рукоятке своей косы. А если окосье сломается или коснется земли, он теряет сено и уходит ни с чем. Так вот, этот самый Джон Литтль, как кончил работу, поднял на своей оглобле целый стог сена, и коса не сломалась и не коснулась земли. «Благодарствуйте, сэра сене-

шал». И пошел прочь. А мой сенешал кричит: «Стой! Нет правила, чтобы такая была коса». Он кликнул людей, и началась тут драка. Сенешал на меня накинулся: «Ты что стоишь, как дубина?» Я говорю: «Не могу, мне надо сумку беречь». Он у меня хочет взять сумку, а мне не понравилась его повадка – вижу я, Литтль прав. Стукнул я сенешала сумкой по голове. Он обмер, я одного, другого сшиб с ног и распрощался с проклятым Риптоном. Всего и осталось на память, что сумка да десяток пергаментных свитков.

– Порадовались небось ваши вилланы пропаже! – сказал Робин Гуд. – А ну-ка, фриар, покажи нам эти грамоты.

Стрелки с любопытством склонились над телячьей сумкой бывшего риптонского писаря. Отец Тук вытащил из нее пачку желтовато-серых свитков. Лица стрелков побледнели, глаза заблестели, а брови нахмурились, потому что каждый из них был когда-то вилланом и знал, чего стоят эти узкие полоски кожи.

– Вот он, хирограф Джона Литтля, – сказал отец Тук, раскатывая на столе ленту грубого пергамента, изрезанную по краю неровными зубцами.

– А ну-ка, почитай, почитай, – вздрогнув, сказал Маленький Джон и положил руку на стол, придерживая конец упругого свитка. – Посмотрим, сколь ты силен в грамоте, фриар!

Отец Тук хлебнул эля и принялся читать:

– «Джон Литтль держит одну виргату земли от Рамзейского монастыря. Он платит за это в три срока. И еще на подмогу шерифу – четыре с половиной пенни; при объезде шерифа – два пенни сельдяных денег. И еще вилланскую подать, плату за выпас свиней, сбор на починку мостов, погайдовый сбор, меркет, герриет и герзум. На Рождество – один хлеб и трех кур в виде рождественского подарка; на Пасху – двадцать яиц; за право собирать валежник двух кур...»

LITTLE JOHN

Отец Тук читал, медленно покачиваясь из стороны в сторону.

Клем из Клю, присев, внимательно смотрел ему в рот: искусство чтения удивляло его куда больше, чем искусство, с которым монах владел дубиной.

Вилль Статли, и Мук, и Робин, точно сговорившись, перевели взгляд с пожелтевшего пергамента на вечерние облачка – золотые кораблики, скользившие в вышине по вершинам дубов.

– «...Каждую неделю, от праздника святого Михаила до первого августа, Джон Литтль должен работать в течение трех дней ту работу, какая будет ему приказана...»

– Мы работали на господина по понедельникам, вторникам и средам, – задумчиво сказал Вилль Статли.

– «...Если ему будет приказано молотить, то за один рабочий день Джон Литтль должен обмолотить двадцать четыре снопа пшеницы или ржи или тридцать снопов ячменя...»

– Вот и у нас было тридцать, – кивнул головой Мук.

– «...А при расчистке старой канавы он должен прокопать ров длиной в одну роду... Джон Литтль должен собрать за один рабочий день две связки хвороста и пятнадцать связок терновника. Он должен вспа-

хивать каждую неделю, от праздника святого Михаила до первого августа, по одной полосе совместной плуговой запряжкой с другими вилланами».

Облачка в небе вспыхнули малиновым огнем. С каждой строчкой новые и новые повинности обрушивались на несчастного виллана. Они оплетали его со всех сторон бесконечной паутиной.

Каждое слово напоминало стрелкам о кабале, от которой они бежали в леса, и все выше и выше подымалось небо над избушкой отшельника, и привольнее шумели тронутые багрянцем вершины деревьев.

Никто не заметил, как Маленький Джон, порывшись за пазухой, вытащил оттуда измятый, пропитанный потом клочок пергамента.

– «...В обычные же сенокосные дни, – читал фриар Тук, – он получает столько сена, сколько может поднять на рукоятке косы, так, чтобы коса не коснулась земли...»

Тут Маленький Джон швырнул на стол свою грамоту.

– А ну-ка, святой отец, проверь, не сойдутся ли мои зубцы с твоими!

Десяток широких ладоней сразу притиснул обе полосы пергамента к столу.

Зубцы свитков сдвинулись и сошлись вместе так

точно, будто нож только что раскрыл грамоту на две половины.

«...Джон Литтль держит одну виргату земли от Рамзейского монастыря...» – эту строку прочел отец Тук на клочке пергамента, брошенном на стол Маленьким Джоном. Он поперхнулся от изумления и вытаращил свои маленькие глаза на стрелка.

– Ну-ка, приглядишься, фриар Тук, правда ли это, что твой Джон Литтль был на голову выше меня? И в плечах пошире?

– А... а... а, пожалуй, что я и приврал, – отирая со лба пот, пробормотал отец Тук, и дружный хохот покрыл его слова.

Робин Гуд налил полный ковш и поднял его высоко над головой.

– За веселый Шервудский лес! – воскликнул он. – За королевских оленей и наши меткие стрелы! За тридцать девять моих молодцов и за сорокового – фриара Тука!

Но фриар Тук решительно затряс головой.

– Погодите пить за фриара Тука, – сказал он. – Я не могу сейчас вступить в дружину. Честный человек должен держать свои обеты. У меня есть еще долг перед святым Кесбертом, и, пока я не расплачусь с этим долгом, я над собой не волен.

Робин Гуд насупился и с досадой посмотрел на отца

Тука.

– Какой же это обет ты дал святому Кесберту? Отправиться в Святую землю защищать Гроб Господень?

– Нет, Робин, до Гроба Господня посуху не пройдешь, а морем – какой корабль выдержит тяжесть такого брюха? Я поклялся святым Кесбертом отправиться в Ноттингем на состязание лучников и доказать всему свету, что лук в руках хорошего монаха посылает стрелы в мишень нисколько не хуже, чем в руках королевских стрелков. Состязание начнется в пятницу, так что нынче же ночью мне нужно пуститься в путь.

Робин Гуд ухмыльнулся, покручивая ус. Он кивнул головой:

– Такие обеты мы уважаем, фриар Тук. Такие клятвы нужно держать твердо. Но только, сдается мне, не в обиде будет святой Кесберт, если вместо тебя в Ноттингем отправится Маленький Джон. Ведь он еще не расплатился с тобой за стог сена, который с твоей помощью унес с заливных лугов.

Тут Робин подмигнул Маленькому Джону; тот поднял свой лук, натянул и спустил тетиву. Тетива запела.

– Клянусь святым Кесбертом, – воскликнул стрелок, – я заплачу твой долг сполна, фриар Тук! Дай мне стрелу из твоего колчана.

Отец Тук не заставил себя долго упрашивать. С притворным вздохом он протянул Маленькому Джону сплетенный из ивовых прутьев колчан. Тот вытащил стрелу и внимательно взвесил ее на ладони. Потом сунул ее обратно в колчан и выбрал другую, потяжелее. Широкий железный наконечник блеснул, как остро отточенный нож.

– Хороша, – сказал Маленький Джон, – прямо и устойчива на ветру. – Он сравнил с нею стрелу из своего колчана. – Можно подумать, что их делал один стрельник. Не хромой ли стрельник из Трента?

– Он самый. Кто же еще умеет сделать такую стрелу? Но у тебя теперь две одинаковые. Смотри же не спутай, помни, какая из них моя.

– Не беспокойся, фриар, святой Кесберт будет доволен.

Робин Гуд поднес к губам свой рог. Трижды протрубил рог, и не успел еще звук его затихнуть в глубине леса, веселая вольница собралась перед домом отшельника. Дружным криком приветствовали стрелки нового соратника, фриара Тука. Потом, рассыпавшись по чаще, двинулись к Шервудскому лесу.

По лесной тропе шли только Робин, отец Тук и Маленький Джон, а впереди них, широкой грудью раздвигая орешник, трусили псы святого отца.

Теперь кончилось время шуток. Робин Гуд толко-

вал с друзьями о серьезных делах. Он говорил о том, что шериф ноттингемский все теснее смыкает кольцо вокруг горстки отважных стрелков.

– Мы можем уйти в Линдхерстский лес, – говорил Робин. – Но что в этом толку? Нас только четыре десятка. А рабов в веселой Англии...

Он не кончил фразы и некоторое время шел молча. Потом потрянул головой.

– Ступай, ступай в Ноттингем, Маленький Джон, – сказал он вдруг. – Постарайся разведать, что замышляют наши враги. Мы должны знать наперед, откуда грозит нам удар. Я подыму вилланов в Сайлсе и в Вордене. А пока... пока мы должны беречь наши силы, потому что во всей веселой Англии – только четыре десятка свободных людей, только четыре, только четыре десятка...

Верхушки дубов и каштанов ловили еще последние лучи солнца, но в лесу уже было темно.

Глава седьмая

О том, как Маленький Джон нанялся к шерифу в слуги

*«Хольдернес – родина моя,
А имя мне – Гринлиф.
Рейнольд Гринлиф, Зеленый Лист –
Так звать меня, шериф».*

Чье-то длинное тощее тело болталось на виселице, вертясь веретеном под резкими ударами ветра. На перекладине, охорашиваясь, чистила клюв ворона.

Маленький Джон крепче сжал лук в руке и, стиснув зубы, чтоб не вдыхать отравленный воздух, пустился бежать. Он едва касался земли, спеша уйти подальше. Когда сердце гулко застучало о ребра, он раскрыл рот и глубоко вздохнул. Запах смерти остался позади.

Вторая виселица ждала своей жертвы. Ветер раскачивал веревочную петлю. Красное, истерзанное вороньем тело болталось под третьим глаголем.

А вот и четвертый, и пятый...

Это значит, что близко Ноттингем.

Упряжка из восьми волов протащила по дороге пе-

ревернутый лемехом кверху тяжелый плуг.

Повозка горшечника прогромыхала навстречу.

– На праздник, стрелок? – окликнул Джона возница. – Торопись, народ собирается.

У северных ворот посреди поля возвышался ступенчатый помост для шерифа и знатных горожан.

Несмотря на ранний час, толпа простолюдинов широким кольцом окружала уже стрельбище. По случаю праздника святого Андрея ремесленный и торговый люд отдыхал от трудов.

Крестьяне из соседних деревень спешили к городским стенам посмотреть на веселое состязание. В этот день они были свободны от барщины и не смели работать на своей земле.

У коновязи, позванивая цепями, лениво жевали овес низкорослые лошаденки. Вокруг повозки мясника собрались лучники, прибывшие на праздник.

Свесив ноги с повозки, мясник о чем-то спорил с ними.

Маленький Джон узнал среди лучников Черного Билля, лесничего Бернисдэльских лесов. Встреча со старым знакомым не сулила ничего хорошего, и Маленький Джон остановился поодаль, облокотившись на коновязь. Опытным глазом он осмотрел своих соперников, а затем их оружие.

Тут были разные луки – и короткие, которые дер-

жат при стрельбе впереди себя и натягивают к груди, и длинные, шестифутовые, из испанского тиса и клена, простые и покрытые лаком, с роговыми накладками, – но Маленький Джон мог бы поклясться своей головой, что ни у кого здесь нет лука, сработанного Рудольфом Краком из Эльсби, а в кожаных и плетеных колчанах нет ни одной стрелы, выточенной хромом из Трента.

Имя Робин Гуда вдруг долетело до слуха Маленького Джона. Позабыв осторожность, он подошел к повозке мясника.

– Что же ты думаешь, – говорил мясник, обращаясь к тощему, как жердь, лучнику, – разве можно так выстрелить без помощи нечистой силы? Этому я ни за что не поверю. В нашем приходе есть один пилигрим, который обошел весь свет, человек святой жизни: и у Гроба Господня был, и на горе Сион, и в Вифлееме, и пальмовые листья принес из земли Иерихонской. Уж он-то знает. Он говорит, что стрелок, продавший душу дьяволу, берет святое распятие, как мишень, и стреляет в него стрелами. Он пускает в Спасителя три стрелы, и дьявол дает этим стрелам твердый прицел. Из распятия брызнет на них пречистая кровь, и потом эти стрелы не знают промаха, потому что дьявол направляет их полет.

– Только три стрелы, говоришь ты? А как же с други-

ми стрелами? – спросил тощий лучник, сдвигая на затылок лисью шапку и отирая вспотевший лоб.

– Другие стрелы могут попасть в цель, а могут пролететь мимо. Пустив эти три стрелы, колдун стреляет уже несколько не лучше, чем всякий другой человек.

Мясник, откинув голову назад, приложился к большой кожаной бутылки. Стрелки, глотая слюну, с завистью слушали, как булькает у него в горле вино.

– А почему же Робин Гуд всегда стреляет без промаха? – спросил тощий лучник. – И в четвертый, и в сотый раз?

– Почем ты знаешь, что он стреляет без промаха?

– Люди так говорят.

– Они ошибаются, – уверенно махнул рукой мясник. – Первые три стрелы убивают наверняка, остальные уже не во власти дьявола. Зато он может тебе отвести глаза. Когда колдун стреляет простыми стрелами в неживую мишень, дьявол может отвести глаза, и тебе покажется, будто стрела попала в цель. Выдержи такую стрелу из мишени и брызни на нее святой водой, она тотчас же обратится в дым. А если колдун стреляет простой стрелой в человека, сотвори молитву, и стрела пролетит мимо.

– Это правда, – подтвердил Черный Билль, моргнув косыми глазами, блестящими, как уголь. – Меня однажды молитва спасла от стрел Робин Гуда. Я по-

пался его бродягам в руки, они приставили меня к дубу и стали стрелять. Я сотворил молитву, и Господь отвел от меня их стрелы. Целую тучу стрел пустили разбойники, и ни одна не задела меня...

Лучники переглянулись.

– Так-таки ни одна не задела? Неужто все пролетели мимо? – раздались недоверчивые голоса.

Лицо лесничего покраснело.

– Клянусь покровителем моим, святым Робертом, стрелы втыкались так близко, что я не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой, мое платье было пронизано ими, но ни одной царапины не унес я на теле.

– Клянусь святым Кесбертом, Черный Билль говорит правду! – воскликнул Маленький Джон, не удержавшись от смеха. – Он похож был на телячью шкуру, растянутую на доске у кожевника!

Лучники дружно расхохотались. Черный Билль, узнав старого врага, схватился было за нож, но Маленький Джон мгновенно выхватил стрелу из колчана.

– Постой, косоглазый! Ты забыл помолиться, чтоб Господь спас твою шкуру.

– Берегись, мы теперь не в лесу! – угрожающе прошипел лесничий.

– Ты-то вернешься в лес, – усмехнулся тощий лучник. – Спрячь поскорее свой нож, не то заржавеет. И язык держи за зубами, пока шкура без дыр. А ты,

парень, – обернулся он к Джону, – покажешь свое искусство через часок. Не тревожь тетиву понапрасну. Ну-ка, ну-ка, мясник, расскажи нам еще про колдовские стрелы.

Черный Билль, насупившись, отошел в сторону. А мясник принялся рассказывать, как в их приходе, подле Донкастера, один колдун, желая иметь неминуемые стрелы, выстрелил на перекрестке трех дорог в деревянное распятие и пронзил Спасителя прямо в грудь. И тотчас же из раны вырвалась красная молния, и преступник упал, пораженный небесным огнем...

Но в это время из ворот города вышла в торжественном порядке, с шерифом и его женой во главе, толпа по-праздничному разодетых рыцарей и горожан. И мясник забыл рассказать, что случилось с распятием и с колдуном, а слушатели его забыли о том, что рассказ не кончен. Все смотрели, как рассаживаются по местам знатные зрители.

– Так вот он каков, шериф ноттингемский! – повторял Маленький Джон, не сводя глаз с высокого старика, одетого в пурпурную, расшитую золотом мантию. – Так вот он каков, Ральф Мурдах, завтрашний мой господин! Постой, погоди, шериф, сыграем мы с тобой веселую шутку!

Герольд протрубил в серебряный рог.

Лучники отделились от толпы и выстроились в ряд у подножия деревянного помоста.

К ним присоединился десяток стрелков из стражи шерифа, в тяжелых шлемах и кольчатых железных рубахах. За двести ярдов поставлена была мишень – доска с тремя нарисованными кругами.

Народ нетерпеливо шумел, пока лучники метали жребий и устанавливали порядок стрельбы. Маленький Джон улыбнулся, когда жребий поставил его в одну пару с Черным Биллем.

Наконец приготовления были окончены. Солнце грело лучникам спины и ярко освещало мишень. Прозвенела первая тетива, и стрела вонзилась в третий, самый широкий круг. Вихрастый мальчуган, не в силах пробиться сквозь тесную цепь толпы, просунул голову между ногами одного из зрителей.

– Плохой выстрел, – с видом знатока сказал он приятелю, сидевшему на земле под самым канатом. – Дядя Бен говорит, нужно с трех выстрелов дважды ударить в самый маленький круг, в воловий глаз, чтобы стрелять по второму разу.

Маленький Джон забавлялся, глядя, как долго целятся слуги шерифа и как плохо слушаются их стрелы.

Средний круг оцетинился уже дюжиной стрел, а воловий глаз все еще был не тронут.

Тощий лучник в лисьей шапке, споривший прежде с мясником, первый попал в середину мишени. Две стрелы, почти не целясь, он всадил в воловий глаз, третья пошла вкось и воткнулась в широкий круг.

Кто-то в толпе захлопал в ладоши.

– Ястреба видать по полету, – ухмыльнулся Маленький Джон. – Бьюсь об заклад, парень набил себе руку на королевских оленях!.. Ну, Черный Билль, покажи честному народу, как стреляет королевский лесничий.

– Уж не хуже вашего брата! – огрызнулся Черный Билль и шагнул к черте.

Лесничий долго-долго прицеливался.

Он сощурил глаза в узкую щелку, и от этого его лицо, обросшее черной как смоль бородой, искривилось в смешную гримасу.

Стрела сорвалась с тетивы и вонзилась в воловий глаз.

– Bravo, Билль! – закричали в толпе. – Гляди не промажь во второй раз!

Лесничий снова поднял лук. Он оттянул тетиву до правого уха и застыл прищурясь.

– Да ну, стреляй! Вконец окривеешь!

Но Черный Билль не выстрелил.

Он проворчал что-то в бороду, бросил на землю свою стрелу и достал из колчана другую.

Лесничий так старательно прицеливался, словно с трудом нащупывал в воздухе узенькую дорожку к мишени. И вторая стрела впилась в воловий глаз рядом с первой.

Не обращая внимания на крики восторга, Черный Билль сунул палец в рот, поплюнул его и поднял над головой. Он проверял направление и силу ветра. И третья его стрела так же долго выбирала дорогу и так же верно ее нашла, как первые две.

– Три из трех! – объявил начальник городских стрелков, наблюдавший за ходом состязания.

Черный Билль отвесил низкий поклон в ту сторону, где сидел шериф, потом насмешливо глянул на Маленького Джона.

– Вот как стреляют лесничие королевских лесов! – сказал он. – Ну-ка, сделай получше, бродяга!

Но Маленький Джон не хотел раньше времени показывать свое искусство. Ему нужно было только получить право участвовать во второй стрельбе.

Небрежной походкой подошел он к черте и с такой быстротой спустил все три стрелы, что первая еще дрожала, когда третья ударила в мишень.

– Пресвятая Дева! – воскликнул мясник, вытянувшись во весь рост на своей повозке. – Он высыпал их, как горох! Еще маленько, они догнали бы одна другую.

– Две из трех, – объявил начальник стрелков и при-

казал людям поставить вторую мишень.

– Вот теперь мы с тобой потягаемся, – сказал Маленький Джон лесничему, когда слуги отсчитали от черты триста тридцать ярдов, воткнули в землю шест и повесили на нем кольцо, сплетенное из ивового прута.

Восемь лучших лучников дожидались, чтобы герольд протрубил в свой рог: три стрелка ноттингемского гарнизона, трое лесничих, тощий лучник в лисьей шапке и Маленький Джон.

Рыцарь, сидевший подле шерифа, встал, скинул с плеч конскую шкуру, которая прикрывала блестящую кольчугу, и потребовал, чтобы ему дали лук. Он тоже хотел принять участие в народной забаве.

– Гай Гисборн! Гай Гисборн! – пронеслось в толпе.

– Где это видано, чтобы стрелять по второй мишени, не стрелявши по первой? – сказал с досадой тощий лучник. – Нет такого закона!

– Чудак! – пожал плечами Маленький Джон. – Для господ закон не писан.

Стрелки расступились, уступая дорогу рыцарю. Маленький Джон проводил его глазами. Он слышал, что Гай Гисборн поклялся изловить Робин Гуда и две недели кряду рыщет в лесах, надеясь напасть на его след.

Герольд протрубил начало второй стрельбы.

Рыцарь бросил наземь перчатки, поднял лук и выстрелил.

– Сэр Гай Гисборн! – воскликнул шериф. – Я вижу, вы стреляете из лука так же отлично, как владеете мечом и копьем на турнирах. У вас глаз столь же верный, как сердце.

Стрела, пущенная рыцарем, пронзила кольцо и воткнулась в шест. Он выстрелил снова, но на этот раз промахнулся.

– Проклятый лук никуда не годится! – сказал рыцарь и швырнул лук в сторону с такой силой, что, ударившись о землю концом, лук высоко подпрыгнул, и громко хлопнула лопнувшая тетива.

Шериф поспешил успокоить своего друга:

– Не горячитесь, сэр Гай. Во всяком деле нужна привычка, и все же вы с первого раза взяли верный прицел. Смотрите, моим стрелкам не везет сегодня.

И правда, стрела за стрелой пролетали мимо мишени, и лучники один за другим покидали поле под веселые крики и насмешливый свист толпы.

Только трое стояли теперь у черты: тощий стрелок, Черный Билль и Маленький Джон. Тощий стрелок всадил одну стрелу в шест рядом со стрелой Гая Гисборна. Ветер отнес в сторону вторую и третью.

– Ну, ребята, ложитесь спать: Черный Билль начинает щуриться!

– Билль! Слышишь, цыган? Пососи пальчик еще разок – авось высосешь счастье!

– Клянусь Господом Богом, хитрое дело стрелять в такую мишень!

– Смотрите, смотрите, он метит в сторону, чтобы обмануть ветер!

– И кверху, чтобы взять мишень на излете!

Целиться было трудно: ветер усилился, а к тому же на таком большом расстоянии метить надо было много выше мишени, чтобы стрела описала в воздухе широкую дугу и уже на излете ударила в цель.

В первый раз Черный Билль взял прицел слишком низко, во второй – чересчур высоко.

В третий раз лесничий целился так долго, что какой-то шустрый воробышек успел усесться на стреле Гая Гисборна, в самой середине ивового кольца. Он чиркнул раз и другой, перескочил на стрелу тощего лучника и принялся щипать ее оперенье. Это привело в восторг толпу, следившую за состязанием. Со всех сторон понеслись возгласы:

– Валяй, Билль, бей, не то он сошьет гнездо, прежде чем ты выстрелишь! Да, пожалуй, выведет птенцов!

Тетива прозвенела, и перышки взлетели над мишенью. Вычертив в воздухе правильную дугу, стрела вонзилась в шест, пригвоздив к нему воробья.

– Хороший выстрел, Билль, – сказал Маленький

Джон. – Только если бы ты метил мне в сердце, я превратил бы тебя в ежа, прежде чем ты успел бы спустить тетиву. Нельзя ли очистить мишень от дичи? Я не охотник на воробьев.

Остановившись в двух шагах от черты, Маленький Джон поднял кверху длинную тяжелую стрелу и воскликнул, обернувшись к помосту:

– Эту стрелу посылаю не я! Эту стрелу посылает отец Тук из Аббатова Риптона по обету, данному им святому Кесберту!

Одно мгновение только помедлил стрелок. Снаряд, сработанный хромым стрельником из Трента, сорвался с тетивы и, блестя на солнце стальным наконечником, описал широкую дугу. И прежде чем зрители успели подивиться искусству стрелка, вторая стрела и третья прошли сквозь кольцо. С такой силой были пущены стрелы, что ни одна из них не засела в щесте: тяжелые наконечники расщепили его, как тонкий прут.

Шериф встал со своего места, но долго не давали ему говорить восторженные крики. Наконец, когда шум улегся, он спросил Маленького Джона:

– Как твое имя, стрелок, и откуда ты родом?

Маленький Джон припал на одно колено, отвесив шерифу глубокий поклон.

– Рейнольд Гринлиф мое имя, – ответил он. – А родина моя – Хольдернес.

– Такой ловкости в стрельбе я никогда еще не видал! – воскликнул шериф, обращаясь к Гаю Гисборну. – Я возьму его к себе в дружину, сэра Гай.

Рыцарь кивнул головой.

– Я бы дорого дал, чтобы иметь среди своих людей таких молодцов.

Шериф подозвал к себе Маленького Джона.

– Рейнольд Гринлиф, – сказал он ему, – я хочу, чтобы ты остался у меня в Ноттингеме. Ты будешь сыт и одет и ни в чем не будешь знать отказа. А платы я положу тебе двадцать марок в год.

– Уж не знаю, что скажет мой господин, – словно колеблясь, пробормотал Маленький Джон. – Если вашей милости будет угодно, лорд шериф, я поеду спросу у него.

– В этом я не могу отказать тебе, стрелок. Хороший слуга должен быть верен своему господину. Я подожду, а ты возвращайся скорей.

– Хорошо, – решительно тряхнул головой Маленький Джон. – И если мой господин отпустит меня, я буду служить вам, лорд шериф, верой и правдой, так же верно, как святой отец Тук служил в Аббатовом Риптоне.

Глава восьмая

О добрых вилланах Сайлса и Вордена

*И пахарь в поле бросил плуг,
Кузнец оставил молот,
Старик бежит, стуча клюкой,
Как будто снова молод.*

В День святого Петра в веригах зазвенели косы на полях вокруг Сайлса. Высоко подымались рожь и ячмень; тяжелые колосья и в ночь не остывали: золотые упругие ости шуршали теплом, как горячие обломки солнечных лучей. На заре косари выходили на барщину. Они шли к господским полям мимо своих полосок. Жаворонки взлетали из-под ног. В полдень звенели жаворонки в синем небе, а косари запевали песню:

Коси, виллан, сплеча, сплеча,
Покуда нива горяча,
Овес, пшеницу и ячмень,
Пока придет Михайлов день.
Господский хлеб мы снимем в срок,

Отбудем помочь и оброк,
А с нашим хлебом подождем,
Пока поляжет под дождем...

С господских полей урожай ручейками и реками тек в закрома; а на болотистых и каменистых боватах вилланов хлеб все стоял; пернатые воры клевали зерно, и мыши растаскивали его по своим подземельям.

В День святого Михаила, когда, окончив уборку, веселятся монахи и рыцари, пришел глимен в Сайлс, весь день бродил из землянки в землянку, из дома в дом и нигде не нашел веселья.

Солнце скатилось под уклон. Глимен привязал медведя у колодца посреди дороги и ударил по струнам лютни.

Он пел невеселую песню про доброго виллана и про злого старосту – рива.

Говорилось в песне о том, как злой староста – рив – пришел к виллану. В руках у рива был свиток телячьей кожи с печатью зеленого воска; этот свиток был длинным и долгим, как путь грешника в аду. Злой рив развернул свой свиток и стал спрашивать доброго виллана:

«Две боваты земли ты держишь от благородного лорда сэра Стефена. Не так ли?»

«Именно так, – отвечал пахарь. – Одну бовату камня я держу, благородный рив, и одну бовату болота».

«Заплатил ли ты в этом году господину два шиллинга и шесть пенсов скатпенни?»

«Заплатил, благородный рив».

«А шестнадцать пенсов аверпенни?»

«Заплатил, благородный рив».

«Полчельдрона овса?»

«Полчельдрона овса».

«Двух кур, десять яиц?»

«И двух кур и десять яиц, благородный рив».

«А работал на барщине по три дня в неделю?»

«И по три и по четыре работал, кроме Пасхальной недели и Троицыной, потому что таков обычай».

«А являлся ли на четыре осенних помочи для жатвы?»

«Со всей семьей приходил, благородный рив, – с тремя сыновьями и двумя дочерьми, только жена оставалась дома».

«А вспахал и взборонил ты три роды земли по повинности, называемой аверерт?»

«И не три, не четыре, а шесть род я вспахал по повинности, называемой аверерт».

«А сделал ли ты для господина лодку к ярмарке святого Кесберта?»

«Сделал, благородный рив. К весенней ярмарке

я сделал пол-лодки вместе с Вильямом Кривым, а к осенней – пол-лодки вместе с Джоном Бедиком».

«Хорошо, – сказал благородный рив. – Ты говоришь правду, потому что так записано у меня в свитке с печатью зеленого воска. Но мне стало известно, виллан, что ты совершил грех против своего господина. Молол ли ты свой ячмень на мельнице, принадлежащей благородному сэру Стефену?»

«Нет, – ответил крестьянин. – Я молол свой ячмень дома, на ручной мельнице, и ничего не заплатил за помол сэру Стефену, потому что мельницу эту я вырубил из камня своими руками».

«Как же ты думаешь, что будет с тобой за этот грех?»

«А будет со мной, благородный рив, то же, что ждет меня за второй мой великий грех».

«А какой же второй твой грех?» – спросил доброго виллана рив и опять развернул свой свиток.

«А второй мой грех – я убил благородного рива!»
Так воскликнул добрый виллан и ударил рива ножом.

И злой рив лежал на дороге убитый, и никто не стал хоронить его, и свиньи сглодали свиток с печатью зеленого воска и правую руку благородного рива...

Вот какую песню спел глимен в День святого Михаила, в веселый праздник Майклмас, и добрые вилла-

ны дважды повторили припев, потому что им понравилась смелая песня.

– Хорошая песня, хорошая песня, – сказал крестьянин с рыжими волосами, которого звали Вилль Белоручка.

И он опять повторил припев:
Вилланскую подать,
Погайдовый сбор
Платите, вилланы,
И весь разговор!
Налог на дорогу,
На дом и на двор
Платите, вилланы,
И весь разговор!

И долго молчали пахари у колодца в Сайлсе, а в небе уже показалась первая звездочка.

– Кто же из вас придет на помощь доброму виллану, который убил благородного рива? – спросил глимен, которого звали Робин Гудом.

Но все молчали, потупив глаза. Тогда стрелок, не говоря ни слова, отвязал медведя от колодезного столба. Он вытащил из-за пояса сыромятную плетть и вытянул медведя по морде. Зверь с удивлением посмотрел на своего хозяина. Черная пасть его приоткрылась, обнажив пожелтевшие пеньки зубов. И в ти-

шине, как далекий гром, прокатилось грозное рычание.

– Смотрите, – сказал Робин Гуд, – у зверя кольцо в носу и зубы сгнили. Но он рычит под плетью. А вы...

Он обвел собравшихся пристальным взглядом. Злая усмешка скользнула по его лицу.

– Кто же из вас придет на помощь человеку, который посмел поднять руку на благородного рива?

– Мы все готовы, – тихо ответил крестьянин с рыжими волосами, которого звали Вилль Белоручка. И лицо его было рыжим – столько было на нем веснушек.

– Да, мы готовы, глимен!

Так ответили вилланы, старые и молодые.

Робин Гуд оперся на медведя, обхватив руками его мохнатую шею. Он смотрел в ту сторону, где дорога, взбегая на холм, поворачивала к Вордену. В тусклом вечернем свете видна была темная толпа, спускавшаяся с пригорка вдали. Красные огни факелов мерцали сквозь ветви придорожных раки.

– Слушайте, – сказал стрелок, высоко подняв руку, – в Вордене зарычали медведи.

Теперь слышны уже были и голоса. Издалека толпа казалась маленькой, но она запрудила всю улицу, докатившись до Сайлса. Рябой, широкоплечий, приземистый крестьянин шел впереди, окруженный вилами, ножевыми клинками, насаженными на палки,

и факелами. На длинной прыгающей жерди он нес срубленную голову старосты.

– Скателок, это ты?! – крикнул Вилль Белоручка, вглядываясь в лицо вожака.

Со страхом и радостью смотрели все на окровавленную голову рива, освещенную шатким пламенем факелов. Над ревом и гулом толпы висели возгласы:

– К манору! К манору! Жечь писцовые книги!

Медведь зарычал и прижался к Робин Гуду. Вилланы из Вордена смешались с вилланами из Сайлса.

– Мы идем к сэру Стефену жечь писцовые книги, – сказал рябой Скателок.

– В этих книгах и наше горе! – сказал Билль Белоручка.

А вожак из Вордена продолжал:

– Добрые вилланы! Вам знакома эта голова. В Вордене некому больше гнать нас на барщину и некому собирать оброк. Мы сожгли мельницу, где вы оставляли сэру Стефену треть от каждого чельдрона зерна. Мы разбили большие жернова. Покажите, что осталось от господской мельницы, люди!

Осколки гранита пошли по рукам.

– Мы сожжем все грамоты, где записана наша горькая доля! Все податные списки, все свитки зеленого воска, каждый лоскут телячьей кожи, какой найдется в маноре! К манору, к манору!

Робин Гуд с тревогой вглядывался в толпу. Он не мог отыскать ни Вилля Белоручки, ни других сельчан, которые только что повторяли припев его песни. Когда вилланы из Вордена двинулись вперед, он помедлил один у колодца, дивясь, почему так дружно исчезли жители Сайлса.

– Так-то, старик, – грустно сказал он, вороша густую шерсть на загривке медведя. – Видно, зря я старался: слишком много рабов в веселой Англии, слишком мало людей.

В это время сразу из всех переулков хлынул народ. Темноту разорвали редкие факелы. Горящая смола осветила топоры и косы, мечи, вилы, дубины, босые ноги и сотни сверкающих глаз.

– К манору! К манору! Жечь писцовые книги!

Вилль Белоручка бежал впереди с косарем, каким вырубает кустарник в канавах.

– Ну, мое оружие при мне, – усмехнулся Робин Гуд, скидывая лютню к груди и поправляя лук за плечом. – Идем, старина.

Звона струн не было слышно в шуме. Но голос глимена перекрыл все голоса:

Служили мы верно
До этих пор.
В руках у виллана
Блестит топор.

Нынче начнется
Другой разговор.
Крепко построен
Господский манор,
Но меч у виллана
Остер, остер!
До неба встанет
Жаркий костер.
Пахари, дружно!
Сильней напор!
Нынче веселый
Начнется спор.

Медведь бежал вперевалку, осторожно выбрасывая вперед лапы, чтобы их не раздавили в толпе.

Глава девятая

О шумном обеде в доме шерифа ноттингемского

*Есть у меня и для хлеба мешок,
Чтоб корки просить у порога,
Для соли мешок, для зерна, для вина,
А последний – для звонкого рога.*

За отдельным столом, на возвышении, сидел шериф ноттингемский Ральф Мурдах со своей женой. Пониже, за большим столом, сидели рыцари, старшие начальники городской стражи, любимые слуги шерифа и торговый люд Ноттингема.

Прислужники внесли глиняные миски с водой, и гости ополоснули руки.

Священник прочел молитву, и трапеза началась.

Повара на огромном деревянном блюде принесли зажаренного целиком барана. Шериф первый вытащил из-за пояса нож, наострил его о сапог и отрезал по куску себе и жене.

Блюдо с бараном обошло большой стол; под конец круга на нем осталось только несколько голых ко-

стей. Перед каждым из гостей на широком ломте хлеба дымилось душистое, щедро приправленное пряностями мясо. Вино широкой струей потекло в серебряные кубки.

Гости, подлизывая сало, стекавшее по рукам, слушали песню заезжего менестреля. Менестрель прибыл из германского города Вормса, где сидел заточенный в темницу король Англии Ричард.

– Я спою вам песню, сложенную королем, – сказал менестрель.

Он прижал подбородком к плечу свою скрипку и запел. Дробный дождь барабанил по пергаменту, которым затянуты были окна, заглушая голос певца и плач скрипки. Три-четыре пса вертелись под столами, то и дело подымая грызню из-за лакомой кости, а у порога распахнутой настезь двери толпились полуголые, измокшие нищие, оспаривая добычу у собак.

Рейнольд Гринлиф отведал и баранины, и голубей, и кур, и каплунов.

Менестрель пел на провансальском наречии, непонятном для шотландца. Сперва стрелка позабавила тонкая фигура менестреля, шелковый кафтан и визгливый женский голос. Потом ему наскучило слушать, он откинулся на спинку скамьи и обхватил руками колени.

«Пищит, как девчонка! То ли дело песни отца Ту-

ка!» – подумал Рейнольд Гринлиф.

Дружный раскат грома заглушил на мгновение голос менестреля.

«А славно они сейчас проводят время в Бернисдэльских пещерах. Небось изловили какого-нибудь монаха и считают его казну...»

Он протянул руку, взял с блюда жирную жареную утку и, широко размахнувшись, кинул нищим за дверь. Вокруг неожиданной добычи началась драка. Но в это время подковы процокали по камням, и всадник, подмяв одного из них, круто осадил коня у самого порога.

– Привет благородному лорду шерифу и знатным гостям от сэра Стефена! – сказал гонец, опускаясь на колени перед шерифом.

Скрипка взвизгнула, менестрель сразу смолк. Вся одежда гонца была залита грязью, так что нельзя было даже различить, какого она цвета. Конь тоже казался серым. Он тяжело косил боками, белоснежные сгустки пены повисли на уздечке. Шериф встал со своего места.

– Что случилось у сэра Стефена? – спросил он.

Гонец отер лицо подкладкой плаща и с усилием перевел дух. Рейнольд Гринлиф взгляделся в сухое, старческое лицо, воспаленные глаза. Он не знал этого человека.

– Сэр Стефен просит благородного лорда о помо-

щи. Моего господина постигло несчастье. Вилланы из Сайлса и Вордена подняли руку на моего господина. Они убили старосту в Вордене и посадили его голову на кол. Они разбили двери вотчинного суда в Дэйрволде и сожгли на костре все писцовые книги, податные списки, свитки зеленого воска и ренталии, все, какие там были. Они повалили судью на землю и топтали его ногами, пока он не умер...

Гонец выдохнул все это сразу и замолчал. Гости сбились в кучу.

Шериф и рыцарь Гай Гисборн стояли рядом, глядя прямо в рот гонцу. Они наперебой забрасывали старика вопросами:

– В чьих руках манор?

– Сколько воинов у сэра Стефена?

– Кто вожак вилланов?

– Когда ты выехал из Дэйрволда?

– Как, вилланы в Дэйрволде?

– Кто еще убит?

– Все скажу, – поднял руку гонец. – Они осадили манор. У вотчинного суда их было не меньше чем пятьсот человек. Вожаков у них, сколько я знаю, трое. Первый... – Гонец боязливо оглянулся по сторонам. Даже сквозь слой грязи было видно, как побледнело его лицо. – Разрешите назвать, благородный лорд шериф?

Ральф Мурдах подался вперед и кивнул головой.

– Первому имя – Робин Гуд, – шепотом промолвил гонец, и эхом отдалось в зале имя стрелка.

Гонец снова поднял руку.

– Скателок из Вордена, – назвал он второе имя. – И Вилль Белоручка из Сайлса... Они обложили вотчинный суд три дня назад, на рассвете. После того как сожгли свитки, часть разошлась по домам. Вокруг манора – не больше ста человек. Сэр Стефен сам охраняет манор. Двадцать три вооруженных защищают стены.

– Как ты выбрался оттуда, старик? – перебил гонца Гай Гисборн.

– Я прикинулся, будто с ними, и показал им подземный ход в манор. Но ход был засыпан. Мне поверили, потому что я сам из Дэйрволда.

Рейнольд Гринлиф стиснул в руке тяжелый оловянный кубок. Смятый в комок, тяжелый кубок выпал из его руки и с глухим стуком упал под стол.

– Попомним мы тебе этот подземный ход! – прошептал он, стараясь покрепче запомнить лицо старика.

– Как звать тебя, гонец? – спросила жена шерифа. И Рейнольд Гринлиф дважды повторил долетевший до него ответ:

– Эдвард. Эдвард из Дэйрволда.

Теперь шериф с Гаем Гисборном и другими рыца-

рями обсуждали, какую помощь выслать сэру Стефену. Гай Гисборн никому не хотел уступить главенства в отряде. Он заявил, что отряда, который есть в Ноттингеме, мало. К утру готовы будут двинуться в путь его ратники, прямо из замка. Гонец тотчас же поскачет назад и даст знать сэру Стефену, что помощь идет. Манор должен держаться. Ни один виллан не уйдет от суда.

Guy of GISBOURNE

Шериф кликнул писца. Вместе с Гаем Гисборном он сел диктовать послание сэру Стефену.

Толстый нищий загородил своим дородным телом всю дверь.

Рейнольд Гринлиф обернулся и громко воскликнул:
– Вот это нищий так нищий! Уж наверно, бенедиктинец... Много постился ты на своем веку, святой отец? И куда тебе столько мешков?

– Как же, как же, благородный господин! – низко кланяясь, ответил монах, просовывая голову в дверь. – Один мешочек у меня для хлеба, если милосердие ваше пожертвует корочку бедному пилигриму. Один мешочек – для зерна, коли случится протянуть руку у порога житницы, полной даров божьих. Вот этот мешочек – для соли. А этот, – тут монах осенил себя крестом, – для вина, если милости вашей будет угодно...

– Так и быть, – усмехнулся Рейнольд Гринлиф, – для твоих десяти мешков придется пожертвовать тебе лепту вдовицы.

Он отломил маленький кусочек хлеба и протянул его нищему.

Монах подхватил подавание и бросился целовать руку стрелку.

– Задержи гонца, – шепнул монаху Рейнольд Гринлиф и, притворно поморщившись, выдернул у него ру-

ку. – Пошел вон, бродяга! – прикрикнул он на нищего. –
От тебя разит вином, как из бочки.

Монах согнулся в три погибели, еще раз поклонился и окунулся в дождь.

Глава десятая, в которой рассказывается о страданиях отца Тука

*Монахам враг, шерифу враг,
Стрелкам свободным друг –
Таков он был всегда, толстяк,
Веселый фриар Тук.*

Отец Тук, тяжело пыхтя, остановился посреди дороги. Пот катился градом по его щекам вперемешку с дождем; от мокрых лохмотьев шел пар. Ноттингем исчез за поворотом дороги, а впереди только глубокие следы конских копыт цепочкой тянулись вдоль, и каждая ямка спешила заплывать мутной пузырьчатой жижей.

– Клянусь святым Кесбертом, – сказал отец Тук, – у проклятого старика четыре ноги, а у меня только две! Но я догнал бы его, если бы не эта пузатая бочка! – Он с ненавистью посмотрел на свой толстый живот. – Хлюпает, как у лошади селезенка. Ах ты, жирный кабан, только на то и годишься, чтоб перегонять эль и мед, перегонный котел! И подпрыгу-то не сумел

подрезать толком! А уж если Маленький Джон велел задержать гонца, стало быть, дело не шутка.

Подобрав полы плаща, он вздохнул и пустился снова бежать. Дождь поредел и совсем перестал, а толстяк все бежал, с великим трудом перебирая обросшими глиной ногами.

– Стой! – воскликнул он вдруг, взглядываясь в следы на дороге. – А подпруга-то лопнула как-никак! С полчаса уж, наверно, он тут протоптался. Уж теперь я его догоню! Свернул бы он только на Сайлс. А если на Ватлинг? Ищи тогда ветра в поле!

Отец Тук выбрал высокий каштан, у которого низко начинались ветви, обхватил ствол руками и стал карабкаться вверх. Кое-как он добрался до первой ветки и перекинул через нее ногу. Ему долго не удавалось подтянуться так, чтобы навалиться на ветку брюхом, и он раскачивался, вися вниз головой, а ветер пузырем надувал мокрый плащ. Стрелок помянул, по своей привычке, святого Кесберта, а потом и святого Дунстана, и Вольфхэда, и Вульфстана, и сорок угодников, и Деву Марию. Видно, Дева Мария услышала его, потому что она помогла ему вскарабкаться на скользкую ветвь. И хотя непристойно святому отцу обнажать свои телеса, прежде чем лезть дальше, фриар Тук сбросил вниз на траву изорванный плащ, показав дроздам и дятлам широкую взмокшую спину, плечи,

похожие на добрые окорока, и грудь, изукрашенную хитрой татуировкой: тут были и кресты, и сердце, пробитое стрелой, и рыцарский герб, составленный из чек, бочки и лука со стрелами. Отдышавшись немного, святой отец полез с ветки на ветку, стараясь ставить ноги поближе к стволу, чтобы не подломился какой-нибудь предательский сук.

Так взбирался он выше и выше, пока верхушка дерева не заходила под его тяжестью, как тонкая былинка. Отсюда он увидел перекресток и гонца, подъезжавшего к тому месту, где раздваивалась дорога.

– Святая Мария, Пречистая Дева, – твердил фриар Тук, раскачиваясь на верхушке каштана, как тяжелая груша, – пусть свернет он к Сайлсу, потому что тогда уж наверно остановится на ночь в сторожке у Черного Билля! А ну как свернет на Ватлинг?

Тут счастье оборотилось лицом к толстяку, потому что всадник действительно свернул по пути к Сайлсу. А когда фриар Тук добрался до нижней ветки, он даже вскрикнул от радости: четыре десятка псов вихрем неслись по дороге. Издали казалось, что они и вовсе не касаются земли.

– Осторожно, дьяволы! Дайте мне прыгнуть, ведь я раздавлю вас! Да что вы за умники! Полегче, полегче, Волк, ты собьешь меня с ног! Не время теперь целоваться. Уж я знаю, ты меня и в преисподней оты-

щешь, хитрец. Ха-ха! Посмотрим, какую рожу скорчит сатана, увидя таких провожатых! Полно скакать тебе, Волк, принимайся за дело. А ну, догони, возьми!

С этими словами отец Тук ткнул жоака мордой в дорогу. «Фью-ить, фью-ить», – свистнул он, и пес, распластавшись над землей, понесся по следу, а за ним и вся стая. В один миг собаки скрылись вдали.

– Ну, теперь я могу не спешить, – облегченно вздохнул отец Тук.

Он накинул на плечи плащ и зашагал по дороге. Солнце выбилось из-за туч у самого горизонта, посылая вдогонку стрелку длинные, узкие полосы света. Дорожные кочки заиграли золотом: тощая тень, смешно покачиваясь, побежала впереди отца Тука. Отец Тук был еще в лесу, а тень – на опушке; отец Тук – на опушке, а тень – на лугу; отец Тук – на лугу, а тень побежала уже по медной щетине сжатого ячменя.

Запряженная четырьмя парами волов, тащилась по полю повозка с камышом.

«Никак, во всей Шотландии не осталось камыша, чтоб набить еще один такой воз», – подумал отец Тук.

Рядом с возом тащился крестьянин на крошечной лошаденке. Он сидел боком на ее костлявом хребте, босыми пятками выбивая дробь по едва прикрытым шкурой ребрам. Лицо пахаря было все в морщинах

и горело на солнце, как еловая кора.

– Слышь, молодец, не продашь ли своего скакуна? – окликнул крестьянина отец Тук.

Тот удивленно вытаращил глаза.

– А? Чего? – спросил он, повернувшись к стрелку и приставив к уху ладонь.

– Продай своего коня! – повторил отец Тук погромче.

Крестьянин затряс головой:

– Не продажный.

– Не хочешь продать – подари, – весело сказал отец Тук.

Две золотые монетки заблестели у пахаря в руке; оправившись от удивления, он принялся отбивать поклоны щедрому монаху.

Отец Тук взял лошадь за холку и взгромоздился ей на спину.

– Господи Боже! – закричал он. – У этой клячи хребет острее меча; чего доброго, разрежет тебя на две половинки! Но! Но! Но! – подгонял своего скакуна отец Тук, корчась и морщась при каждом толчке. – Мне, конечно, простятся все грехи за эту муку. Крестоносцы вот хвалятся, что сарацины в Святой земле сажают их на кол. Посидели б они на такой скотине! То-то крестьянин сидел на ней боком.

Он попытался сесть боком и сам. Но хребет скакуна

становился острее с каждым шагом, и как ни садился святой отец, он не мог избавиться от мучений. Тогда отец Тук скинул с себя лохмотья и покрыл ими спину лошаденки, точно седлом. Нахлестывая прутиком злополучную клячу, он доехал до перекрестка, где дорога сворачивала на Сайлс.

Холодный ветер обдувал голую грудь монаха. У него была теперь только одна забота – подтягивать то и дело сползавшее седло. К ночи он подъехал к сторожке Черного Билля. Звонкий лай собак встретил его. А яркая луна осветила веселую картину: на лужайке перед лесной сторожкой, окруженные тесным кольцом собак, лежали два человека: лесничий Черный Билль и гонец сэра Стефена. Они не смели пошевеливаться, потому что при малейшем их движении сорок зубастых пастей подымали грозный храп. Конь гонца, волоча по земле недоуздок, пощипывал травку в придорожной канаве. Отец Тук не спеша натянул плащ на плечи, потом потрепал жоака по шее.

– Дай тебе бог здоровья, Волк! Смирно, собаки! Лежать! Тебе, Черный Билль, отдохнуть не вредно – небось притомился на королевской службе. А тебя как зовут, старина? Как? Эдвард из Дэйрволда? Дай сюда мне письмо шерифа. Нету? Что ж, я даром страдал от самого Ноттингема?

Но письмо, конечно, нашлось, как только все сорок

псов, по слову монаха, вскочили со своих мест и застыли, ожидая дальнейших приказаний. Этой минутой воспользовался Черный Билль: в два прыжка он очутился на пороге своей сторожки и захлопнул тяжелую дубовую дверь, прежде чем псы успели ухватить его за пятки.

– Вот уж неприветливый хозяин! – проворчал отец Тук, пряча в карман трубку пергамента. – Ну да не беда, мы скоро будем в Дэйрволде. Помнится, есть там харчевня «Золотой бык». Там и прочтем шерифову грамоту за кружкой доброго эля. Волк, домой! Домой, щенята! Ты, старик, шагай куда хочешь, да смотри не путайся под ногами: попадешься снова – не пощажу!

Он вскочил на лошадь гонца и погнал ее к Дэйрволду.

Глава одиннадцатая, в которой отец Тук попадает из огня да в полымя

*Богатым все – земля, и лес,
И солнце, и вода.
Но, видит Бог, настанет срок –
И сгинут господа.*

С четырех сторон вокруг замка сэра Стефена горели костры. Огненные мошки улетали в ночную темь. Робин Гуд и Вилль Белоручка переходили от костра к костру. Вилланы спали у огня на вязанках хвороста, на сене, на сорванных с петель дверях. Но спали не все. Часовые расхаживали между кострами, не спуская глаз с подъемного моста и стен манора; бодрствовали многие и у костров: кто следил за огнем, кто подковыривал обувь, кто оттачивал на камне железный прут.

– Как же ты раздобыл столько луков и мечей, Белоручка? – окликнул Вилля один из парней.

Вилль обернулся, и широкая улыбка осветила его лицо. Он узнал в говорившем своего племянника Эль-

фера. Юноша, голубоглазый и рыжий, был только на пять лет моложе дяди.

– Как ты назвал меня, мальчик? – с напускной строгостью спросил Вилль.

– Так, как все мы зовем жоака из Сайлса! – не задумываясь ответил юноша; он горд был, что, как взрослый, принимает участие в борьбе.

Вилль рассмеялся.

– Ну ладно. Зови и ты, как все. О чем ты спросил меня, Эльфер?

– Говорят, ты добыл где-то пропасть луков и мечей. Где ты взял их, дядя?

– Рыцарь один подарил.

– Какой же это рыцарь поможет виллану оружием? Господа всегда стоят друг за дружку. Если бы мы так же дружно держались, от господ давно не осталось бы и на племя. Со всеми бы сладили: головы прочь, а землю себе. Ни тебе барщины, ни податей, ни оброка! Нет, правда, скажи: где ты взял оружие, Вилль?

– Любопытен ты, Эльфер, однако. Слышал про такого рыцаря – сэра Ричарда Ли?

Юноша подался вперед, отставив в стороны острые локти.

– У сэра Ричарда Ли, что в Вириздэле?

– Это его совет, – кивнул Белоручка на Робин Гуда,

присаживаясь на колоду рядом с племянником. – Знаешь, наш Робин каков: в мишень не промажет, и песню скажет, и с бубном спляшет, и на всякую выдумку остер. Сэр Стефен кто? Норманн из франкской земли, не так ли? А Ричард Ли?

– Этот – шотландец, – протянул Эльфер. Он с недоверием взглянул на дядю, потом на Робин Гуда, который беседовал с вилланами у соседнего поста. – Ну и что ж из того? Что норманн, что шотландец – оба живут нашим горбом. У норманнов рабы и вилланы – и у наших рабы и вилланы. Правильно я говорю, Скарлет?

Скарлет встал, протирая глаза. Маленький, востроносый, он одет был в лохмотья; на шее блестело широкое медное кольцо, на котором выбито было имя сэра Стефена, потому что Скарлет был рабом.

– Чего тебе, Эльфер?

– Ты скажи мне: кого лучше иметь господином – норманна или шотландца?

Скарлет запустил палец между кольцом и шеей и усмехнулся.

– Хочешь дать мне другого хозяина? Так, по мне, уж лучше совсем без ошейника.

– Вот и я говорю, – сказал Эльфер, – что проказа, что черная оспа – все равно, от чего помирать. Сэр ли Стефен или сэр Ричард Ли...

– Постой, мальчик, это всякому ясно, – перебил его Вилль. – Речь идет не о том. Шотландский рыцарь – норманнскому враг. Почему? Потому что норманны пришли из-за моря и отняли у наших господ всю землю, какая получше, и нашего брата в придачу. Робин и говорит: если мы деремся с норманном, нам шотландец поможет. Ну, думаю, была не была! И отправился к сэру Ричарду Ли. А тот, как услышал, что мы обложили замок, повел меня в оружейную и сам отобрал для нас тридцать луков с колчанами и двенадцать мечей!

Так сказал Вилль, и, едва он вымолвил это, Эльфер схватил его за руку:

– Дай же мне меч, дядя! У меня только тупая коса!

– Мечи – часовым. Пойди скажи, чтобы дали тебе лук; я знаю, стрелять ты мастер. А меч добывай-ка сам.

Вилль Белоручка с Робин Гудом двинулись дальше. Издалека еще они услышали громкие голоса. Тут никто не спал, все сгрудились вокруг косоглазого, черного, как жук, человека. Он говорил, размахивая факелом, и густая копоть кувыркалась над его головой.

– Сорную траву надо вырвать с корнем! Мы разбили змеиные яйца, но змеи остались. Они положат новые, нам на погибель!

– Правильно! Правильно говорит косоглазый! Пусть

не останется тут ни одного писаки, который умеет вписывать в желтый пергамент нашу судьбу!

– Ты не знаешь, кто этот парень? – спросил Робин Гуд Белоручку. – Я не видел его ни в Сайлсе, ни в Вордене.

– Идемте в харчевню «Золотой бык»! – кричал косоглазый. – Там сидит монах, который немало на своем веку перепортил телячьей кожи. Клянусь святым Дунстаном, это пес сэра Стефена!

Вилланы бросили костер и кинулись в темноту. Робин Гуд и Вилль Белоручка задержались, чтобы остановить часовых, которые, выхватив из ножен мечи, побежали следом за толпой. Вдали, прыгая из стороны в сторону, уходил в темноту факел косоглазого; он и вовсе пропал в ночи, и только далекий гул голосов доносился из мрака, когда Робин Гуд с Белоручкой бросились догонять толпу.

Запыхавшись от быстрого бега, они остановились у входа в харчевню. Дверь распахнута была настежь, но вилланы запрудили проход: не всем удалось протиснуться вперед, и каждый старался через головы других увидеть, что происходит в харчевне. В темноте и давке никто не заметил, что пришли вожаки.

– Вот монах, вот лютый волк, который прикинулся овцой! Бейте его! – долетел до Робина чей-то голос.

Робин пробрался вперед и увидел за широким сто-

лом бродягу-монаха, толстого и широкого в плечах. Десяток дюжих рук схватили его, но монах и плечом не повел, чтобы освободиться. Рядом с ним стоял ко-соглазый, которого удерживал Скателок.

– Бейте его! Выпустим кишки из толстого брюха! – кричали вилланы со всех сторон, и только теснота мешала им пустить в ход оружие.

Скателок что-то кричал, но его голоса не было слышно. Чернобородому удалось отшвырнуть его от себя, и в ту же минуту он выхватил у монаха из-за пазухи пергаментный свиток.

– Смотрите, смотрите! Он везет сэру Стефену письмо от шерифа!

Острая жердь уперлась в ребра монаху, чьи-то пальцы сдавили ему шею. Робин Гуд рванулся вперед, но тут монах вскочил с места. Нападавшие ска-тились с него, как гончие псы с затравленного кабана.

– Берегись, Черный Билль! – крикнул он, и тяжелый дубовый стол опрокинулся, на мгновенье загородив тучное тело монаха.

Бочка с вином закачалась над головой толстяка.

– Не жалко вам, христиане, божьего дара? Этой бочкой я прихлопну десяток из вас, и нам нечем будет опохмелиться на ваших поминках!

Круг раздался при этих словах: монах играл в воздухе бочкой, как легким поленцем. Все притихли, и тут

раздался громкий окрик Робин Гуда:

– Не трогать монаха, ребята! Поглядите прежде, что за грамоту он везет!

Бережно опустил монах на пол винную бочку. Между тем Скателок вырвал пергамент из рук косоглазого и вскочил на скамью.

– Бараны! Чтоб вас разорвало на части! Чтоб дьявол дубил вашу шкуру! Горелые пни! Огородные пугала! Разве ж можно так? Ах, чтоб вас громом убило! Понимаете вы, безмозглые твари, покарай вас святой Вульфстан и Вольфхэд...

Он размахивал над головой пергаментным свитком, но ничего толкового не мог произнести, потому что ругательства и проклятья сыпались у него с языка как горох.

Монах был, пожалуй, спокойнее всех. Он слушал, слушал, как бранился виллан, и вдруг звонко расхохотался.

– Хороший прием вы устраиваете святому отцу, который не щадя живота спешит вам на помощь! – воскликнул он. – Грамоту я уж давно прочел Скателоку, а вы...

– Чтоб вам на том свете сам сатана... – продолжал гроыхать Скателок, заглушая слова монаха.

– Да замолчи ты, трещотка! Тебе бы быть бабой, а не мужиком! – отмахнулся от него монах. – Был бы

я чуть-чуть послабей, пришибли бы меня, как комара. И где у вас голова, если всякий лесничий из королевских лесов вертит вами, как кобель хвостом? Я, ей-ей, думал – сдохну, пока вез вам эту писульку. Ну-ка, дай сюда, виллан! Вот смотрите, что пишет шериф ноттингемский вашему господину.

Запинаясь на каждом слове, отец Тук прочитал послание шерифа сэру Стефену:

– «Держитесь, сэр Стефен. В пятницу утром сэр Гай Гисборн поведет вам на помощь отряд в двести ратников на конях, в полном боевом снаряжении. Захватим бунтовщиков врасплох, скорый суд произведем на месте. Шериф ноттингемский Ральф Мурдах».

Мутный рассвет вползал в харчевню. Крестьяне стояли молча, словно проклятье Скателока сбылось и их пришибло громом.

Ненавистью горели глаза, и Робин поспешил положить руку на плечо своему другу.

– Это отец Тук! – сказал он спокойно, и, хотя говорил он тихо, каждое слово его звучало громко в нависшей тишине. – Отец Тук, из Аббатова Риптона. И ваше счастье, что знает он грамоту. А где косоглазый?

Но Черного Билля не было, он точно провалился сквозь землю. Скателок наконец управился со своим языком. Он кричал раздраженно, брызжа слюной, размахивая узловатыми руками:

– Нас предал Эдвард из Дэйрволда! Он донес обо всем шерифу! Эх, попался б он мне, я б его, клянись святым Вульфстаном...

Весть о перехваченном письме успела уже облететь весь Дэйрволд. Толпа у дверей все росла. Кто-то крикнул:

– На приступ! К манору!

Но Робин Гуд остановил людей.

– Стойте! – сказал он. – Нам не взять манор голыми руками. Мы прольем свою кровь на радость врагу, а завтра отряд Гая Гисборна втопчет в грязь уцелевших.

Он вышел на дорогу, чтобы всем было слышно.

– Вы знаете, вилланы, что Робин Гуд никогда не был трусом. Но храбрость храбростью, а расчет расчетом. У нас людей немного да лук один на троих. В лесу мы б еще потягались с ратниками, а в открытом поле затевать с ними драку – кого не порубят, потопчут конями. Если хотите совета, совет мой такой: у кого нет дома жены и детей, отправляйтесь со мной. Перехватим Гая Гисборна в дороге и потрепем, сколько хватит стрел и мечей. А там рассыплемся по лесу – ищи свищи! А кто останется тут – по домам! Как придет сюда Гай Гисборн, всё валите на нас. Так ему и скажите: дескать, мы тут ни при чем. Чтобы мы – да против нашего господина?! Это все Робин Гуд, проклятый

разбойник, Вилль Белоручка, да еще Скателок, да пятый, десятый – все, кто бежал к разбойнику в Шервудский лес!

– А еще я скажу, – вынырнув из толпы, добавил маленький Скарлет, – если тут нам драться, в Дэйрволде, не много останется от ваших домов. А в лесу нам можно будет размахнуться пошире.

Добрый час еще спорили вилланы, потому что руки чесались у всех и многие хотели идти в лес с Робин Гудом. Солнце встало уже, когда опустела дорога перед харчевней «Золотой бык». Кто двинулся в Сайлс, кто в Ворден. Вилль Белоручка, и Эльфер, и Мук, сын мельника, пошли из деревни в деревню, чтобы все рабы и вилланы сэра Стефена узнали, как рычали медведи вокруг господского манора.

А другие стрелки и еще девять-десять молодцов, прихватив колчаны и луки, отправились с Робинем навстречу Гаю Гисборну.

– Мы вернемся сюда, сэр Стефен, – говорил Скарлет, поглядывая через плечо на грозные стены манора. – Мы вернемся сюда, сэр Стефен! – повторял он, запуская руку между шеей и широким медным кольцом, на котором выбито было имя его господина.

Глава двенадцатая

О встрече Робин Гуда с сэром Ричардом Ли

*И руки помыли, и вытерли оба,
И сели плечо к плечу.
Хлеба довольно, вина – хоть залейся,
Оленины – ешь не хочу.*

Двенадцать месяцев в году, и самый веселый – май. Однако и позднюю осенью молодцы в Бернисдэльском лесу проводили время славно.

Дым костров поднимался к высоким темным сводам пещеры.

Свежая дичина клокотала в котлах, дразня стрелков удивительным ароматом.

– Не пора ли нам обедать, Робин? – спросил Вилль Статли. – У меня в желудке сто тысяч чертей дерутся на кулачки. Погляди на фриара Тука: он и так похудел после драки с Гаем Гисборном. Того и гляди, душа разлучится с телом.

Отец Тук, сидя на камне у входа в пещеру, старательно оттирал куском песчаника тяжелый франк-

ский меч.

Задорный дождь остановился с разбегу у самых его ног и повис густой завесой, обдавая толстяка тонкой водяной пылью.

– Нет уж, – отвечал Робин Гуд, – ты знаешь, Вилль, мой обычай – без гостей не садиться за стол. Кого-нибудь ребята да приведут – не королевского гонца, так нищего бродягу. А пока добрый Тук потешит нас веселым рассказом.

– Ладно, рассказов и басен у меня всегда полон кошель, – отозвался монах, продолжая свою работу. – Вот жили да были в славном городе Лондоне отец с тремя сыновьями. Позвал раз отец сыновей и сказал им: «Пора вам, ребята, учиться делу. Выбирайте любое ремесло, неволить вас не хочу. Сроку даю вам год со днем. Кто лучше выучится за этот срок своему делу, тому завещаю все свое богатство». Вот один из них стал кузнецом, другой – брадобреем, а третий – солдатом...

Отец Тук выставил меч наружу, под дождь, и точильный камень с присвистом заскользил по мокрой стали.

...Проходит год со днем. Собрались сыновья, чтобы похвалиться своим искусством. Кузнец говорит отцу: «Садись на коня и гони вскачь: я могу перековать его на всем скаку». И правда, перековал. Бра-

добрей говорит: «Спусти собак, пусть подымут зайца: я обрею его на лету». И правда, обрил. Тут пошел дождь. А третий сын говорит: «Мне дождь не страшен: я успею отбить мечом каждую каплю, и дождь меня не намочит». А дождик-то был не хуже, чем этот. – Отец Тук кивнул головой на занавес ливня, висевший перед входом в пещеру.

– Ну и что же? – спросил Скателок.

– Третий сын взял свой меч и ну вертеть им над головой! И вертел им так быстро и ловко, что ни одна капля не успела упасть на его кафтан.

– А ну-ка, попробуй, фриар Тук. Может быть, и тебе достанется наследство! – подмигнул толстяку Робин.

Дружный хохот загремел под сводами, когда монах, взмахнув мечом, выскочил вон из пещеры. Меч кружился над его головой с такой быстротой, что не было видно клинка; блеск мелькающей стали и брызги слились над ним в одно сверкающее кольцо.

– Смотрите, смотрите! Нимб святого отца Тука! Молнию, молнию руби, фриар Тук! А ей-богу, он разрубил!

– Нет, ты все-таки не получишь наследства. Хватит с тебя и нимба, – сказал Робин Гуд, глядя, как струйки воды катятся по плащу монаха. – Однако, если ты и вправду не прочь пообедать и дождя не боишься, как третий сын, отправляйся-ка ты с кем-нибудь, да хотя бы со Скателоком, на Ватлингский переkre-

сток. Там скрещиваются четыре дороги и место высокое. Уж, верно, оттуда вы кого-нибудь приведете к обеду.

Скателок поплотней запахнул свой плащ, отец Тук накинул на голову капюшон, и стрелки исчезли за серой пеленой дождя.

– Еще месяц назад мы прошли бы здесь посуху, нам не нужно было бы для этого даже вертеть над головой мечами, – сказал отец Тук, сворачивая с тропинки в чащу.

Вековые дубы и буки так густо росли здесь, что даже поредевшая ржавая листва защищала от дождя.

Приземистый Скателок легко скользил под ветвями деревьев; отец Тук с трудом прокладывал себе дорогу в чаще, едва поспевая за легким на ногу приятелем.

Извилистый лесной коридор вывел друзей на поляну, по которой, словно грибы-великаны, разбросаны были могильники древних британцев.

Пот вперемешку с дождем катился по лицу фриара Тука, когда, одолев наконец долгий подъем, они ступили на гладкие плиты дороги, проложенной римлянами восемь столетий назад.

Отсюда, с пригорка, далеко видна была окрестность.

Солнце прорвало тучи, и каменная лента, сбегавшая к западу, ярко блестела под косыми лучами,

а на востоке, над лесом, широкой дугой, едва не кольцом, встала сверкающая радуга.

Скателок, прикрыв ладонью глаза, внимательно всматривался в даль.

– Смотри! – воскликнул отец Тук. – Кто-то едет сюда из Понтефракта. Клянусь святым Патриком, не дальше как через час мы вознаградим себя за долгий пост!

Когда всадник выбрался на освещенную закатным солнцем дорогу, зоркие глаза стрелков разглядели, какого гостя шлет судьба.

Рыцарь, одетый в черную кольчугу, понуро покачивался в седле. В правой руке он держал копье, у левого локтя болтался маленький щит.

– Вряд ли он сдастся без боя, – промолвил отец Тук, доставая из колчана боевую стрелу. – Приготовься, приятель, как бы нам не упустить долговязого. С этими рыцарями вечные хлопоты: чуть что, они хватаются за меч, не то что наш брат, монах.

Скателок с уважением взглянул на опытного стрелка и тоже приготовился к драке. А всадник, погруженный в глубокое раздумье, а может быть задремав, доверился своему коню и ехал, не глядя на дорогу.

– Привет вам, сэръ рыцарь! – громко окликнул его отец Тук. – Мой господин просит вас свернуть с пути и разделить с ним его скромный обед.

Всадник придержал коня и с удивлением вскинул

глаза на фриара Тука и Скателока.

– Ты, верно, принял меня за другого, стрелок. Меня не знают в этих краях. Кто твой хозяин и где его замок?

Отец Тук, держа стрелу за стальной наконечник, почесывал ее древком свою тонзуру, смущенный убогим видом рыцаря, его мокрой изрубленной кольчугой и конем, который стоял, широко расставив облепленные грязью ноги, словно приготовился околеть. А Скателок и вовсе растерялся, услышав дружелюбный голос всадника.

– А... а... не ошибся ли ты в самом деле, фриар Тук? – пробормотал он, подмигивая товарищу так выразительно, что рябое лицо его покрылось морщинами.

Отец Тук лукаво улыбнулся.

– Нет, сэръ рыцарь, – сказал он, – тут нет никакой ошибки. Мой господин – Робин Гуд, замок его – в Бернисдэльском лесу.

– Я слышал это славное имя, – спокойно ответил рыцарь. – Я охотно сверну с дороги, чтобы увидеть, правду ли говорит молва о вашем господине, хотя я и думал обедать в Донкастере или Блейтсе.

Он послушно повернул коня и последовал за стрелками. Так молча и ехал, не глядя по сторонам, пока Скателок с отцом Туком вели его коня под уздцы к Бернисдэльским пещерам.

Скателок шел нахмурившись, потому что никак не мог взять в толк, зачем нужна Робину такая жалкая добыча, а отец Тук то и дело поддразнивал неопытного стрелка.

Робин Гуд вышел гостю навстречу.

– Привет тебе, рыцарь! – воскликнул он. – Наш охотничий стол накрыт, и мы рады всякому, кого посылает нам случай. Мои молодцы проголодались так, что готовы жевать тетиву своих луков. Задайте же корма коню, ребята, и скорее за стол. Сэр рыцарь, ты сядешь здесь, у огня, чтобы поскорей просохла кольчуга, не то ржавчина сгложет ее прежде, чем изрубят вражьи мечи.

Низкие козлы покрыты были уже длинными дубовыми досками, которые прогибались под тяжестью жареных уток, рыбы, пирогов, эля и заморского вина. Три десятка молодцов в зеленых кафтанах уселись за стол и так дружно принялись работать челюстями, как будто отродясь ничего не ели.

И каждый с усмешкой следил за тем, как старательно потчует Робин долгожданного гостя. Потому что таков был обычай у лесных охотников: сперва накормить знатного путника до отвала, а потом облупить, как яичко. Только Вилль Белоручка сидел в дальнем конце стола и хмурился, не спуская с рыцаря глаз, да Скателок неодобрительно посматривал то на отца

Тука, то на Робина: ему жаль было злосчастливого гостя.

Веселый стрелок не спросил у рыцаря ни имени, ни цели его пути.

– Нынче дичь в лесах хороша, и рыбы много в прудах. Нет страны краше старой Шотландии, нет в Шотландии леса, что поспорил бы с Шервудом и Бернисдэлем.

Так приговаривал Робин, и молодцы ухмылялись и переглядывались друг с дружкой, потому что изо дня в день веселый стрелок повторял эти слова рыцарям и монахам, а те от страха давились куском жирной дичины и никак не могли донести до рта кубок темного эля, не расплескав его дрожащей рукой.

Наконец гость окончил обед и утер рот рукой. А Робин Гуд, по обычаю вольницы, обратился к нему с учтивым вопросом:

– Хорошо ли поел ты, сэръ рыцарь?

На это рыцарь ответил:

– Три недели уже мне не случилось так обедать.

– А не думаешь ли ты, сэръ рыцарь, что негоже благородному господину угощаться у стола простого пахаря без приличной расплаты?

Тут стрелки затаили дыхание, с любопытством ожидая ответа. Обычно при этих словах знатные путники менялись в лице: тот затрепещет как осиновый лист,

этот схватится за свою мощну или выхватит из ножен меч.

Но рыцарь не струсил и не вспылит, только смущенно потупил глаза.

– Увы, дорогой мой виллан, мне нечем с тобой поделиться, – с виноватой улыбкой промолвил рыцарь. – Денег у меня так мало, что совестно и предлагать их тебе за гостеприимство.

– Так отвечали мне рыцари и аббаты, начиненные золотом, как скорлупа яйцом, – сказал Робин Гуд. – А ну-ка, Статли, проверь, правду ли говорит наш гость.

Вилль Статли отошел в сторону, где лежало седло рыцаря, пошарил в переметных суммах.

– Кошелек пуст, как гнезда по осени, – доложил он, подкидывая на ладони несколько мелких серебряных монет. – Тут и половины фунта не наберется.

Робин Гуд пристально посмотрел на гостя. Иссеченная кольчуга и смелый взгляд незнакомца рассказали ему историю рыцаря лучше всяких слов.

– Ты шотландец, сэръ рыцарь? – спросил он, и даже Скателок не услышал в его голосе насмешки. – Я побился бы об заклад, что тебя ощипали норманнские вороны.

– Ты угадал, Робин Гуд. Зовут меня сэром Ричардом Ли, мой замок стоит в Вирисдэле. Испокон ве-

ков вирисдэльские земли принадлежали моему роду. Сто лет назад мой прадед поднял меч против норманнов, вторгшихся в нашу страну; он бился плечом к плечу вместе со славным Хиревордом. С тех пор мы немало увидели горя. Все, что есть у меня теперь, – это старый замок моих отцов и клочок земли, который завтра уже будет отнят у меня аббатством Святой Марии.

SIR RICHARD O' the Lea

– Скажи же мне, рыцарь, – спросил Робин, наливая вина себе и гостю, – что случилось с твоей землей? Какое право имеет на нее аббатство?

– Мой сын убил знатного норманна Франсуа Тайбуа. Он убил его в честном бою, на турнире, но родные убитого схватили моего Энгельрика, чтобы сжить его со свету. Я заложил свою землю аббатству Святой Марии, чтобы выкупить его. Выкупил, а сын мой бежал. Четыреста фунтов я должен аббату, и, если завтра я их не возвращу ему, он выгонит меня из замка и отберет землю, потому что завтра истекает срок уплаты.

Летучая мышь, разогнавшись в погоне за невидимой мошкой, впорхнула в пещеру, плеснула крылом у плеча сэра Ричарда Ли, ломаным бесшумным полетом пронеслась над костром и исчезла под темным сводом.

Робин Гуд и стрелки долго молча смотрели на рыцаря.

– Четыреста фунтов за землю и замок?

– Сын был мне дороже. Больше никто не хотел ссудить мне денег.

Скателок нагнулся и подбросил охапку дров в костер.

– Что же ты будешь делать без замка, сэр Ричард? –

спросил Робин Гуд.

– Я пойду с крестоносцами в Святую землю. Что остается мне еще? Мой Энгельрик скрывается где-то в северных лесах. Вот уже год, как от него нет вестей. Люди Гая Гисборна караулят его по всем дорогам...

Услышав имя Гая Гисборна, Робин Гуд нахмурил густые брови.

– Постой, рыцарь, – перебил он гостя. – Ты назвал имя моего врага. Чем досадил твой сын этому убийце?

– Франсуа Тайбуа был племянником Гая Гисборна. У Гисборна есть все: и деньги, и власть, и дружина...

Рыцарь замолчал, низко опустив голову, неподвижным взглядом уставившись на огонь.

Тут Вилль Белоручка воскликнул:

– Робин, когда мы осадили манор сэра Стефена, сэр Ричард Ли подарил нам для боя тридцать луков с колчанами и двенадцать мечей!

И Робин, забыв приличие, тяжело ударил рыцаря по плечу.

– Рано сдаешься ты, Ричард Ли! – сказал он. – Крепче держали оружие в руках товарищи славного Хиреворда! Сын твой еще вернется, а Гаю Гисборну мы отрубим когти, как норманны рубили их нашим псам, чтобы уберечь свою дичь от вольной охоты. О земле

не горюй – мы выкупим ее у аббатства. Есть ли у тебя верные поручители, сэра Ричард?

– Покуда я был богат и силен, друзей у меня хватало. А сейчас... кто поручится сейчас за сэра Ричарда Ли? Нет, не осталось у меня на свете друзей, кроме Господа Бога и Пречистой Девы Марии.

Робин Гуд весело рассмеялся и прищурил глаза.

– Что ж, сэра рыцарь, лучшей поруки не может быть на земле. Уж кому-кому, а неужто я не поверю Непорочной Деве Марии? Такой поруки не сыщешь, хоть пройди всю Англию. Ну-ка ты, Скателок, пойди с отцом Туком, отсчитайте сэру Ричарду Ли под поруку Святой Марии четыре сотни монет. Да проверьте получше, чтоб не попалось худых, с обрезанным краем. А то, чего доброго, милосердный аббат швырнет их обратно и скажет, что долг не уплачен.

Но Скателок застыл на месте, разинув рот. Отец Тук подошел к нему, сгреб в ладонь бороденку виллана и щелкнул его пальцем по лбу.

– Так-то, виллан! Видал, как Робин обдирает прохожих?

– Ай да Робин! А я-то думал, покарай меня святой Вульфстан и Вольфхэд... – проворчал Скателок, почесывая макушку.

Но вспоминать всех святых было некогда, и он, вскочив, побежал следом за фриаром Туком.

Тень, отбрасываемая светом смоляного факела, запрыгала по стенам пещеры. В дальнем конце пещеры отец Тук остановился перед большим сундуком, передал Скателоку факел и принялся выгребать из сундука золотые.

– Ты считай, рябой, не зевай, – приговаривал отец Тук, а Скателок считал и считал, пока число золотых не перевалило за четыре сотни.

– Ну, теперь хватит, отец Тук. Четыре сотни тут уже есть.

– А тебе что, жалко? – подмигнул монах. – Нам понадобится – мы всегда добудем.

Бросив на разостланный плащ еще две-три пригоршни, он вскинул тяжелый сверток на плечи и пошел к столу.

– Послушай-ка, Робин, – сказал отец Тук, протягивая деньги гостю, – надо бы нашему рыцарю подарить и сукна на платье.

– Дельно сказано, святой отец! – откликнулся Робин. – Ступай отмерь по три ярда от каждого цвета.

Отец Тук прихватил свой лук, чтобы мерить сукно, и нескладная тень его кувырком прокатилась по стенам пещеры.

Стрелок мерил много, а больше того припускал к длине своего лука. От каждого цвета он откроил по куску – малиновый, желтый, зеленый, а сверху

на них еще бросил алый, расшитый золотом плащ.

Сэр Ричард Ли смущенно смотрел, как растет перед ним гора подарков.

– Хорошо бы ему еще коня, – заметил Вилль Статли.

По знаку Робина он выбежал из пещеры и вернулся тотчас же с вороным жеребцом, который испуганно храпел, упираясь у входа.

Скателок привстал на носки и шепнул на ухо фриару Туку:

– Там, в сундуке, я видал золотые шпоры.

Отец Тук рассмеялся и таким же шепотом сообщил Робин Гуду:

– Скателок говорит, что видел в сундуке золотые шпоры.

– Ну, тащи их сюда, – кивнул стрелку Робин Гуд. – А ты, Клем из Ключа, проводишь сэра в аббатство: не годится доброму рыцарю отправляться в путь без оруженосца.

Глава тринадцатая

О том, как сэр Ричард Ли возвратил долг аббату

*«Ни пяди не увидишь ты! –
Поклялся тут аббат. –
Клянусь Спасителем моим,
Что на кресте распят!»*

Яркое утреннее солнце поднялось над соломенными крышами города Йорка и заглянуло в узкие окна аббатства Святой Марии. Бесчисленные пылинки заплясали в солнечном луче над столом, заваленным свитками пергамента, зазубренными дощечками, и медленным золотым дождем стали сеяться на лиловую рясу аббата, на круглую головку приора и беспокойные руки эконома.

Откинувшись на спинку скамьи, аббат внимательно выслушивал отчет о доходах и расходах своих земель. Красноватые глаза его быстро бегали по столбикам цифр, короткие пальцы ощупывали каждую зарубку на деревянных расписках – бирках.

Эконом говорил ровным, тягучим голосом, и при-

ор то и дело принимался клевать носом, убаюканный долгим докладом.

Аббат неодобрительно посмотрел на приора и протянул руку к дощечке, покрытой тонким слоем воска.

– Сколько всего уродилось? – спросил он эконома.

– Урожая всего сто девяносто восемь кварталов.

– А сколько получено от наших вилланов из Понтефракта?

– Сто двадцать шесть кварталов по одной бирке и семьдесят один – по другой.

– Из Селби?

– Сорок шесть кварталов три с половиной бушеля.

– Значит, всего...

– Четыреста сорок один квартал три с половиной бушеля.

Острая палочка зачертила по мягкому воску.

– Правильно: четыреста сорок один и три с половиной. Теперь расход.

– На засев ста сорока восьми акров – шестьдесят с половиной кварталов. На осенние помочи... На выдачи пастуху овец, свинопасу, плетельщику изгородей... На прокорм собак Гервазия, охотника, в течение целого года... Корм волов от Преображения до обретения Святого Креста, в течение семнадцати недель... Пребенда Генриха, пекаря, который часто приезжал...

Вздрагивая, отец приор открывал глаза. И тотчас же перед ним, прогоняя сон, начинали кружиться в солнечном луче золотые пылинки. А когда глаза, утомленные их однообразной игрой, поневоле смыкались, ровный голос эконома убаюкивал слух, снова и снова пересыпая цифры и статьи: двухколесные телеги, бочки вина из Гамптона, шкуры баранов, головы сыра, галлоны меда, потравы, пребенды, пошлины, оброки, осенние помочи, корм для свиней и уэи шерсти.

Поспорив с экономом, аббат вызвал брата келаря, чтобы узнать, сколько было представлено в кладовую орехов и солода.

– Вы спите, приор! – укоризненно сказал он в перерыве между делами. – Не слишком ли вы умерщвляете свою плоть ночными бдениями и молитвой? А мы тут уже успели рассмотреть почти все отчеты манора. Пора и за трапезу, не так ли? Надо бы вам, приор, побольше вникать в хозяйственные дела. Мне становится трудно одному следить за всеми этими жуликами и обманщиками. А ведь не дальше как завтра к нашим владениям прибавятся земля и замок сэра Ричарда Ли. Год со днем истекает сегодня с тех пор, как мы ссудили ему четыреста золотых.

– А вы не отсрочите ему уплату долга, аббат? – спросил приор, стряхивая с себя дремоту.

Аббат вытащил из-под груды пергаментных свитков резные четки из желтой слоновой кости. Он весело рассмеялся:

– Неужто вы посоветуете мне, приор, лишить Святую Марию добра, которое принадлежит ей по праву? Милосердие – великая добродетель, и я могу только хвалить вас за то, что вы и брат крестоносец поделились своим добром с первым встречным бродягой...

Тут аббат лукаво подмигнул своему собеседнику, а приор сморщился и позеленел при воспоминании о встрече в лесу, о молитве, о бегстве и неожиданном купанье в ручье. Заметив, что стрела попала в цель, аббат продолжал с усмешкой:

– Но вы пожертвовали от чистого сердца свое собственное добро, я же пекусь о землях Святой Марии. Уж я и судью пригласил сегодня к обеду, и лорда шерифа, чтобы покончить с этим делом. Конечно, замок рыцаря стар, и ветер гуляет в нем, как в хлеву, зато буковый лес его накормит желудями хорошее стадо свиней.

– Но ведь день еще не кончен, – заметил приор. – Может быть, рыцарь еще подоспеет.

– Денег-то взять ему негде. Найдется ли такой человек во всем северном крае, чтобы поверить четыреста марок голодному рыцарю из Виридэля? Может быть, вы, приор, из уважения к его славным пред-

кам... А вот и наши почтенные гости! Благословенны будьте, лорд судья! Благословенны будьте, лорд шериф! Ближе ли солнце к закату?

– Благодарение Богу, близко, – ответил королевский судья, отвешивая поклон аббату. – Во всяком случае, солнце ближе к закату, чем сэра Ричард Ли – к обители Святой Марии.

– Прекрасно, прекрасно, лорд судья! Поспешим же за стол, пока не кончился день!

Пригибаясь, чтобы не стукнуться о низкий косяк, гости прошли вслед за аббатом в трапезную. Монахов не было здесь в эту пору, только два-три послушника дожидались своего пастыря.

Королевский судья поднял кубок с вином и воскликнул:

– Я пью за доброго сэра Ричарда Ли из Вирисдэля! За его славных предков и за их добро! За Вирисдэльский замок! За пашни, за луга, за буковый лес, за вилланов сэра Ричарда Ли!

И лорд шериф йоркский тоже поднял кубок. Но в это время в трапезную вошел рыцарь Ричард Ли.

Привратник, отворивший ворота аббатства, впустил во двор всадника в алом плаще, а за ним – оруженосца.

– Никогда еще не видывал я такого коня! – воскликнул привратник, любуясь вороным жеребцом.

А всадники, спрыгнув наземь, сбросили с себя богатые плащи и остались: рыцарь – в изорванной ржавой кольчуге, оруженосец – в заплатанной кожаной куртке. И не успел еще привратник прийти в себя от изумления, сэр Ричард Ли переступил порог трапезной.

– Благослови вас Господь! – сказал он, преклоняя колено. – Святой отец, я пришел в назначенный день.

Рука аббата дрогнула, и капля вина прокатилась по его рысе, оставив на бархате серебряный след. Монах впился в рыцаря пристальным взглядом, потом облегченно вздохнул. Его успокоил нищенский наряд должника.

– Принес ты мне деньги, рыцарь? – спросил он резко, не ответив вошедшему на приветствие.

– Ни пенни, – тихим голосом промолвил сэр Ричард Ли.

Аббат затрясся от радости. Он долго смеялся, потирая руки и всхлипывая, переглядываясь то с судьей, то с шерифом йоркским. Потом залпом осушил свой кубок и громко стукнул им по столу.

– Мы не ошиблись с вами, лорд судья! – воскликнул он вставая. – Земля Ричарда Ли ближе к Святой Марии, чем солнце к закату. Зачем же ты пожаловал сюда, сэр рыцарь, если у тебя нет четырехсот золотых, чтобы заплатить свой долг?

– Чтобы просить тебя, святой отец, дать мне еще хоть немного сроку. Именем Пречистой Девы Марии прошу тебя...

– Вы слышали, судья? Именем Девы Марии он просит, чтобы мы подарили ему то, что по праву принадлежит Деве Марии! Однако ты многого просишь, сэр рыцарь. Что же вы не пьете, шериф?

Судья прошелся по залу и остановился перед Ричардом Ли.

– Нет, дорогой мой рыцарь, – сказал он, – просить теперь поздно. Если тебе нужен добрый совет, скажи поскорей назад в Вирисдэль попрощаться с землей и с замком.

– Так защити меня ты, шериф города Йорка! – вскричал рыцарь. – Не допусти, чтобы я ушел отсюда нищим!

– От тебя ли я слышу это, сэра Ричард Ли? С каких это пор гордые саксы гнут шею перед норманнами?

Даже при этой обиде у старого рыцаря хватило силы сдержаться. Он снова обернулся к аббату:

– Будь милосерд, святой отец! Распоряжайся моей землей, как своей, пока я не уплачу тебе долга, но не отнимай ее у меня навсегда! Я буду служить тебе простым вилланом. Клянусь Христом, распятым на кресте, я верну тебе долг до последнего пенни!

Аббат насмешливо покачал головой:

– У Святой Марии довольно есть вилланов, которые пашут получше тебя. А в страдную пору мы выгоним в поле вилланов сэра Ричарда Ли, того, что когда-то владел Вириздэлем.

Куда ни обращал глаза рыцарь, он всюду встречал злорадную усмешку. Только приор, верный своей привычке, мирно дремал, спрятавшись за серебряным распятием.

– Хорошо, коли так! – грозно воскликнул сэра Ричард. – Ты хочешь, монах, чтобы я стал перед тобой на колени? Берегись! Если мне не судьба владеть землей, мечом я владею отлично. Помни: не поздоровится новым хозяевам Вириздэля!

Судья зашептал что-то на ухо аббату. Тот кивнул головой.

– Послушай, сэра Ричард Ли, – сказал аббат, – ты горячишься напрасно. Четыреста марок были даны тебе под залог твоих владений. Ты не вернул долга в срок. Значит, отныне и земля твоя, и замок принадлежат аббатству, и судья и шериф тотчас же могут скрепить наше право подписью и королевской печатью. Но я не хочу обижать тебя. Твой феодал стоит больше четырех сотен марок. Поэтому я полагаю, что Святая Мария не будет в обиде, если, кроме тех денег, что ты задолжал, я дам тебе еще сто золотых.

– А двести не заплатишь? – Сэр Ричард перекинулся взглядом со своим оруженосцем, веселым Клемом из Ключа, который стоял у порога, неподвижный, как статуя. – Может быть, ты подаришь мне еще двести?

– Нет, двухсот не могу заплатить. Вот, может быть, нам поможет судья?

– Пожалуй, – кивнул головой судья. – Добавлю и я пятьдесят. За лужок, что возле буковой рощи...

– Клянусь святым Вульфстаном, – вскричал тут рыцарь, – много видал я псов, но не видал таких жадных! Так нет же, не владеть моим замком ни судье, ни монаху! Получай, аббат, свой долг – гляди, солнце еще не село. Считай получше да смотри, хороша ли моне-

та.

Перехватив из рук Клема из Ключ кошель, рыцарь раскрыл его и опрокинул над столом. Закатный луч солнца проскользнул в окно трапезной и зажег золотые монеты красным огнем.

Разбуженный переполохом приор полез под стол подымать скатившуюся на пол монету. А солнце...

Солнце помедлило еще немного в небе, чтобы осветить ласковыми лучами двух всадников в ярких плащах, удалявшихся от аббатства Святой Марии по дороге, которая ведет на запад, – счастливого рыцаря Ричарда Ли и его веселого оруженосца, молодого Клема из Ключ.

Глава четырнадцатая

О том, как служил Рейнольд Гринлиф шерифу

*И повар Джону отпустил
Три добрых тумака,
«Люблю удар, – промолвил Джон, –
Такого кулака!»*

– Где это видано, чтобы до полудня морить людей голодом?

– А где это видано, чтобы слуга храпел до полудня? Лорд шериф давно на охоте, а ты только сейчас продрал глаза. Будь я на месте шерифа, давно бы...

– Да накорми меня, старый хрыч! Говорю тебе, я не монах и не намерен поститься!

– Придется поститься, пока не вернется хозяин. Корки хлеба не дам тебе, бездельнику, до его возвращения.

– Ну, хоть горло дай промочить! Неужто жаль тебе кружки эля?

Ключник повернулся спиной к Рейнольду Гринлифу и, гремя ключами, принялся запирать кладовую.

– Ладно! Коли так, мы и сами возьмем, – сказал Рейнольд Гринлиф и взмахнул рукой.

Старик кубарем откатился в сторону. А шерифов слуга ударом ноги вышиб дверь и, пригнувшись, вошел в чулан.

Он нацедил себе кружку эля, осушил ее и налил вина.

Ключник, не смея пошевелинуться, сидел на полу, тарачил на него глаза и беззвучно шептал молитву.

Рейнольд Гринлиф обернулся к старику и сказал добродушно:

– Может, выпьешь со мной, старина? Прямо скажу, неплохое вино у лорда шерифа!

Но, кроме вина, в чулане было немало припасов. Вытащив из-за пояса нож, Рейнольд Гринлиф отрезал ломоть пшеничного хлеба и снял с крюка копченый окорок.

Отправляя в рот кусок за куском, причмокивая да похваливая, пропуская между кусками то кружку эля, то кружку вина, веселый стрелок и думать забыл о старичке, а тот ползком выбрался вон из коридора, поднялся на ноги и пустился бежать на кухню.

Широкая тень вдруг совсем заслонила Рейнольду Гринлифу свет.

Он оторвался от окорока и увидел, что в дверях стоит старший повар лорда шерифа, а из-под локтя

у него выглядывает клоч седой бороды старого ключника.

– Хорош слуга, который спит до полудня! – сказал повар так громко, что все пустые бочки и кувшины, какие были в чулане, откликнулись дружным гулом.

Подняв тяжелый кулак, повар наотмашь ударил Рейнольда Гринлифа по шее.

– Уважаю хороший удар! – воскликнул Рейнольд Гринлиф, отправляя в рот новый кусок ветчины.

– Хорош слуга, который, высадив двери, жрет в кладовой хозяйское добро!

И снова загудели горшки и кувшины, и снова тяжелый кулак опустился на шею Рейнольда Гринлифа.

– Уважаю хороший кулак! – повторил Рейнольд Гринлиф. – А ну-ка двинь, дружище, по третьему разу!

– Получай и по третьему! – промолвил повар и дал стрелку такого тумака, что окорок вылетел у него из рук и шлепнулся на пол.

– Да твой кулак не хуже моего, как я погляжу! – рассмеялся Рейнольд Гринлиф. – Клянусь святым Вульфстаном, который всадил свой посох в каменный пол, я не покину этого дома, пока мы не помереяемся с тобой силой, медведь!

– Это я всегда с удовольствием, – ответил повар. – Да только боюсь, что, пока ты служил шерифу, ты и меч разучился держать в руках.

– Посмотрим, посмотрим. Бери поскорей свой меч, выходи во двор на просторное место.

Так сказал повару Рейнольд Гринлиф и отправился во двор дожидаться противника.

Тот не заставил себя долго ждать.

– Знавал я, – сказал Рейнольд Гринлиф, отбивая первый удар повара, – знавал я одного парня, – тут он высек сноп искр из его меча, – который так знатно точил мечи, – тут он отпрыгнул в сторону, увертываясь от удара, – что бросишь пушинку – получай, приятель! – она упадет на острие, и...

Но Рейнольд Гринлиф не закончил своего рассказа, потому что повар оказался хорошим бойцом и тут было не до разговоров. И сила у обоих оказалась равная, и глаз одинаково верен.

Старый ключник, поварята и все, кто был в доме шерифа, выбежали во двор и только жались к стенам, когда меч ударялся о меч и бойцы, то пятась, то наседая, окруженные блеском и звоном стали, клубком перекатывались с места на место в облаке пыли, взбитой резкими и неожиданными прыжками.

Они бились долго, пар валил от обоих, но ни один не был оцарапан мечом. На решительный натиск один отвечал другому таким же напором, на хитрость – хитростью, на уловку – уловкой, на быстроту – быстротой. И кончилась драка тем, что оба бойца расхохо-

тались и сели на землю, посыпанную мелким речным песком.

– Не часто приходится встречать такого противника! Умел бы ты так же стрелять из лука, весело мы зажили бы с тобой в зеленом лесу. Две сотни марок в год положит тебе Робин Гуд.

– Ну что же, – ответил повар, – из лука я бью не худо, а лесной костер мне милей, чем кухонный очаг. Я шерифу не кум и не сват; только надо нам подкрепиться на дорогу. Ну-ка, старик, выставляй угощение.

Слуги шерифа поспешно расступились, чтобы пропустить молодцов, а старый ключник побежал вперед, дребезжа ключами и жалобно тряся бородой.

Повар усадил с собою за стол всех своих поварят и подручных и без большого труда заставил их выпить за Рейнольда Гринлифа и лесных молодцов. Потом он повел стрелка к сундуку, в котором шериф хранил свои драгоценные кубки и блюда.

Три тяжелых замка висели на сундуке, но приятели сшибли их и выволокли на свет груды серебряной и золотой посуды.

– Как же мы это все потащим? – приуныл Рейнольд Гринлиф. – Триста фунтов тут будет верных, а нести неловко.

Но повар добыл два хороших мешка, и друзья вскинули ношу на плечи.

– Прощай, старина! Не мори людей голодом до полудня! – крикнул стрелок, выходя из ворот шерифова дома.

– Куда же наш путь лежит, Рейнольд? – спросил его повар.

– Какой я Рейнольд Гринлиф? Ты зови меня Маленьким Джоном. Путь наш лежит прямо на север. Наш лагерь сейчас – в Бернисдэльском лесу.

Сторожа у северных ворот Ноттингема с удивлением проводили глазами двух шерифовых слуг, которые, распевая удалую песню, позванивая посудой в мешках, прошагали мимо стрельбищного поля и дальше, мимо виселиц, в ту сторону, откуда свежий осенний ветер гнал табуны облаков.

Солнце село, и молодая луна взошла над лесом.

Маленький Джон и повар, которого звали Артуром из Бленда, не останавливаясь, шагали вперед и вперед по залитой светом дороге.

ARTHUR-A-BLAND
YE TANNER

Маленький Джон рассказывал своему спутнику о многих отважных делах своего господина: и о том, как веселый Робин приезжал в Ноттингем торговать горшками и попал на обед к самому шерифу, и о том, как старый король гнался за Робинотом из Лондона в Шервуд, из Шервуда в Йоркшир, из Йоркшира в Ньюкэстль и Бервик, а оттуда через Ланкастер в Честер, и Робин обогнал его на день, явился в Лондон и просил королеву Катерину передать от него привет королю.

Он рассказал повару о веселом причетнике фриаре Туке, о Муке, мельниковом сыне, о том, как маленький Скарлет отомстил своему лорду за сына, о том, как Вилль Статли спас от смерти слепого Генриха, который учил Робина искусству стрельбы в ту пору, когда был еще зрячим.

И у дюжего повара нашлось, о чем порассказать Маленькому Джону: о красавице Эллен, которую полюбил он больше жизни, и о том, как в веселый праздник Майклмас повел он Эллен к венцу, чтобы священник скрепил любовь, которую давно уже благословили звезды, жаркий стог ячменя и скрипки сверчков. И как господин его, сэра Ральфа Мурдах, проиграл в кости его молодую жену – и одною прислужницей больше стало у благородного рыцаря Гая Гисборна.

У перекрестка Трех Дубов Маленький Джон вдруг остановился и сбросил с плеч свой мешок.

– Гляди, – сказал он товарищу, – свежий навоз на земле. Тут кто-то недавно проехал.

Вдалеке раздался крик совы, предрассветный ветер закрипел в верхушках деревьев.

– Ничего не слышать, – сказал повар.

– В том-то и дело, – ответил шепотом Маленький Джон, разглядывая неостывший комок. – Ничего не слышать, а навоз еще теплый. Стащи мешки в ров, а я пойду гляну, кто впереди.

Он достал стрелу из колчана, свернул с дороги и исчез в темноте.

Артур из Бленда долго дожидался его, непривычным ухом прислушиваясь к шорохам просыпающегося леса. Во рву было сыро, повар поплотней запахнул свой плащ и прислонился спиной к обомшелому стволу вывороченного грозой дуба. Он не заметил, как задремал.

– Не время спать, приятель! – раздался над его головой тихий голос.

Испуганно вздрогнув, повар открыл глаза.

Маленький Джон стоял перед ним, держа под уздцы двух оседланных лошадей.

Третья лошадь стояла за ними, натянув повод, прикрученный к седлу переднего коня.

Морды всех лошадей были стянуты ремнями, чтобы они не могли заржать.

– Не время спать, дружище! – повторил стрелок. – Сегодня у нас будет веселое утро. Там, впереди, – засада, я узнал их по шлемам. Это люди Гая Гисборна.

Сон сразу покинул беглого повара. Одним прыжком он выскочил на середину дороги. Маленький Джон схватил его за руку.

– Тише! Их трое. Не знаю, кого они ждут, но, кто бы это ни были, мы будем драться с ними вместе. На всякий случай я увел у них лошадей.

– Так если их трое, чего же нам ждать? Уж троих-то мы скрутим!

– Постой, я хочу знать, кого они ловят.

Едва успели товарищи привязать лошадей в густом подлеске, позади по дороге послышался топот.

К западне во весь опор скакал всадник в блестящей кольчуге.

Повар раскрыл уже рот, чтобы окликнуть его, но Маленький Джон успел толкнуть товарища в бок:

– Постой, не шуми. Остановим его иначе.

В тот же миг тяжелая тупая стрела сорвалась с тетивы Маленького Джона, и всадник скатился с коня. Он вскочил на ноги, ища обидчика.

Маленький Джон спокойно шагнул ему навстречу.

– Успокойся, малый, – сказал он. – Надеюсь,

ты не ушибся и стрела не причинила тебе вреда. Там, впереди, – засада. Не тебя ли поджидают люди Гая Гисборна?

– Люди людьми и засада засадой, – запальчиво крикнул юноша, выхватывая из ножен меч, – а за свою стрелу ты мне ответишь сейчас же, и тебя не спасут от этого шерифовы знаки!

Маленький Джон провел рукой по своему плащу, будто хотел стряхнуть с сукна мелкие крестики, украшавшие одежду стрелков ноттингемского гарнизона.

– Драться с тобою мне некогда, мальчик. Гляди, твой конь всполошил уже засаду. Оружие пригодится нам для серьезного дела.

Трое воинов с воловьими рогами на шлемах показались уже на пригорке. Маленький Джон, не дожидаясь, пока враг будет близко, вскинул лук, и стрела, пущенная сильной рукой, пробила кольчугу первого из нападавших.

Воин повалился ничком; под тяжестью его тела острие вышло у него между лопаток, горбом натянув кольчугу на спине.

– Не уйдешь, Энгельрик Ли! – крикнул второй воин Гая Гисборна, налетая на юношу.

Повар схватился с третьим, и Маленькому Джону оставалось только смотреть на драку, так как повару его помощь была не нужна, а юноша при его прибли-

жении крикнул:

– Оставь, стрелок, я слажу с ним сам!

Противник, видимо, был сильнее и искуснее юноши; тот едва успевал отражать удары и под стремительным натиском пятился понемногу к краю дороги; наемник Гая Гисборна теснил его ко рву, повторяя при каждом ударе:

– Вот тебе плата за Франсуа Тайбуа! Вот тебе плата за Франсуа Тайбуа!

Густая белая пыль повисла над местом схватки. Дубовая ветка, отсеченная чьим-то мечом, упала к ногам Маленького Джона.

В это время воин, дравшийся с поваром, закричал:

– На помощь, Гильом!

Откинув в сторону щит, противник юноши нанес своему врагу последний удар и бросился на помощь товарищу.

Но он опоздал: тело воина, пятная кровью дорогу, рухнуло к его ногам.

– Беги, Гильом! – умирая, простонал раненый.

Тогда воин, которого звали Гильомом, перепрыгнул через тело товарища и пустился бежать.

Маленький Джон усмехнулся.

– Бежит хорошо, однако не лучше оленя, – сказал он, не спеша поднимая лук.

Но стрелять он не стал, потому что тройка мохна-

тых псов вынырнула из леса, и в этих псах стрелок сразу признал верных спутников фриара Тука.

Мгновенно перемахнув через ров, собаки настигли беглеца, сбили его с ног и, ощерившись, остановились над своей добычей.

Угрожая беглецу блестящими клыками, они нетерпеливо поглядывали в сторону леса.

Наконец показался и сам хозяин.

– Клянусь святым Кесбертом, – воскликнул отец Тук, выбираясь на дорогу, – у вас была тут добрая потасовка! Что же ты, Маленький Джон, не мог подождать меня?

– А почему я мог знать, святой отец, что провидение направит твои стопы в эту сторону?

– Ишь как тебя нарядил шериф! – усмехнулся отец Тук, щупая разукрашенный плащ стрелка. – А это что за молодцы? И почему завязалась драка?

Маленький Джон хлопнул повара по плечу.

– Это добрый малый, Артур из Бленда, которому охота пострелять королевских оленей и покрасоваться в зеленом плаще. А этот паренек сам нам расскажет, как его звать и по какой причине привязались к нему люди Гая Гисборна.

– Я Эльфер из Сайлса, – сказал юноша, разглядывая разрубленную пониже плеча кольчугу. – А ты – отец Тук, я, помню, видал тебя в харчевне «Золо-

той бык».

– Так вот ты откуда, мальчик! Расскажи, расскажи, как поживает благородный сэра Стефен?

– Сэра Стефен не смеет высунуть носа из своего манора. С тех пор как вы потрепали на большой дороге ноттингемский отряд, у нас тихо и в Вордене, и в Дэйрволде, и в Сайлсе. Эдвард из Дэйрволда у нас теперь ривом. Он слово боится молвить, потому что у него до сих пор не зажили ребра. Я затем и собрался, чтобы вам обо всем рассказать и повидать Белоручку.

– А почему же привязались к тебе люди Гая Гисборна? – спросил Маленький Джон.

– Вот уж не знаю! Разве из-за кольчуги моей и меча? Я заработал их в честном бою с воинами сэра Стефена. Неужто они узнали меч и кольчугу?

Детский румянец вспыхнул на щеках юноши. Маленький Джон усмехнулся.

– Вон тот негодяй все время поминал имя какого-то Франсуа Тайбуа, – добавил Эльфер.

Отец Тук быстро обернулся, услышав это имя.

– Ну, теперь все понятно! – сказал он. – Они приняли тебя, мальчик, за Энгельрика Ли, сына сэра Ричарда Ли из Вирисдэля. Счастлив твой бог, что ты встретился с Маленьким Джоном! Эти дурни искрошили бы тебя прежде, чем заметили бы свою ошибку. Перевяжи ему руку, Маленький Джон, а я потолкую с тем мо-

лодцом, пока он не вздумал дразнить моих псов.

Маленький Джон, оторвав полосу от своего плаща, туго стянул юноше раненую руку.

Повар вывел из леса на дорогу лошадей. С помощью отца Тука он усадил воина с рогами на шлеме лицом к хвосту на его же коня и накрепко привязал к седлу, скрутив ремнями по рукам и по ногам. Потом стегнул коня, и тот шарахнулся прочь, унося беспомощного седока.

Эльфера осторожно посадили на другого коня. Он взялся за повод здоровой рукой.

Повар вытащил из рва мешки с шерифовым добром. Тут Маленький Джон распрощался с друзьями.

– Везите Робину подарки от лорда шерифа, – сказал он, кивнув на мешки. – А я отыщу самого лорда; он охотится нынче где-то у Серебряного ручья. Скоро мы с ним вас догоним.

Глава пятнадцатая

О том, как Мук, сын мельника, учил уму- разуму добрых вилланов

*«Согните луки, – молвил он, –
Обоз невдалеке.
Передний – мой: и жизнь и смерть
Его в моей руке».*

По всем дорогам Англии скрипели колеса возов. Первые белые мухи кружились уже в воздухе, не смея опуститься на землю. По утрам тонкой корочкой льда затягивались лужи, а небо к закату было красным, как медь. Зима подступала, и владельцы земель спешили объехать свои владения – собрать с вилланов последний оброк.

По старому Ватлингу, по широкому Эрмину, по каменистым горным тропам, по топким просекам, по глухим и людным проселкам, мимо кельтских могильников, мимо затопленных золотым орешником римских военных лагерей, мимо грузных норманнских церквей и угловатых замков, лениво влегая в ярмо, тащили во-

лы повозки, скрипящие под тяжестью нового урожая. Ветер уносил в облака пыльные клочья овечьей шерсти, мякину, запах янтарного меда, дым коптящихся окороков.

Настежь были распахнуты двери монастырских амбаров, подвалов; и днем и ночью опущены были подъемные мосты.

Громко визжали свиньи и гоготали гуси, громко стучали цепи по гумнам, буйный ячмень задорно хлопал, вышибая затычки из бочек, но все эти звуки заглушал громкий и протяжный скрип колес.

Красные клены и медные дубы бросали охапки листьев под широкие копыта воловьих упряжек. Воробы неохотно уступали дорогу копытам, словно уговорились, что скорее дадут раздавить себя, чем позволят увезти с полей золотое зерно.

Собаки бежали между возами, то зазывая вперед ленивых волов, то отставая у верстового столба, чтобы, задрав лапу, проверить, на месте ли еще надпись, высеченная по твердому камню: «Сделал дорогу Гай Юлий Цезарь».

С высокой вершины каштана, что стоит на холме в том месте, где дорога на Бернисдэль пересекает дорогу на Сайлс, Мук, сын мельника, увидел большой обоз.

Как ящерица, он соскользнул по гладкому ство-

лу и прыгнул на землю, где, с головой укутавшись в плащи, крепким сном спали востроносый Скарлет и Вилль Белоручка.

– Двенадцать упряжек по восемь волов, вьючных лошадей не то семь, не то восемь, – сказал Вилль, растолкав товарищей. – Сам епископ не ездит с таким обозом. Клянусь крестом, они не оставили в Вотерсе ни свиньи, ни куренка!

– Какая охрана? – потягиваясь, спросил Скарлет.

– Считать будем после драки. Хватило бы стрел.

Вилль Белоручка выглянул из чащи.

Скрип колес приближался. Ветер донес мычанье коров, гоготанье гусей, кудахтанье, крики погонщиков и хлопанье бичей.

– Прямо ярмарка на колесах! Достанется нам от Робина, если мы упустим такой подарок!

Пятеро вооруженных всадников подвигались вперед в голове обоза, трое монахов трусили следом за ними. Низко пригнув головы, брели привязанные к повозкам коровы. Вьючные лошади шли понуро, покачиваясь под тяжелой кладью.

– Передний – мой, – сказал Мук, натягивая тетиву. – Бери, Скарлет, на прицел большого, на белой кобыле. А ты, Белоручка, – того, что толкует с монахом.

Три стрелы сразу сорвались с луков, будто их спустила одна рука.

Всадник, ехавший впереди, мешком повалился на шею лошади. Тот, что беседовал с монахом, упал бы, не подхвати его спутник. Третья стрела, скользя по кольчуге стражника, воткнулась в морду белой кобылы. Лошадь вскинулась на дыбы и опрокинулась в сторону, на переднюю упряжку волов.

Скрип колес оборвался, облако пыли скрыло обоз.

Волы ревели, сбившись в кучу, опрокидывая повозки; гуси хлопали крыльями, свиньи визжали, вьючные лошади бились копытами кверху, пригвожденные клады к земле.

– Люди, ко мне! – кричал стражник, упавший с белой кобылы. – С нами Бог и святые угодники! Ко мне, Жоффруа, Бонвалет! Все на разбойников!

Он стоял с обнаженным мечом, прикрывая своим телом монахов, которые поспешили опуститься на колени, сложив руки на груди. Рядом с ними лежал всадник, раненный стрелой Белоручки.

Но воин напрасно звал на помощь. Испуганные кони, закусив удила, далеко унесли уже и Бонвалета и Жоффруа. А погонщики волов исчезли под своими повозками с такой быстротой, как суслики прячутся в норки.

Стрелки под могучим каштаном дружно расхохотались, увидав чудесное действие трех хорошо направленных стрел.

– Клянусь святым требником, тысяча стрел не заменит нам имени Робин Гуда!

С этими словами Скарлет выскочил на дорогу следом за Муком, сыном мельника, и Белоручкой. Стрелки тотчас же взяли на прицел единственного готового к обороне врага.

– Послушай, вояка, – сказал Мук, обращаясь к стражнику, – если ты будешь брыкаться, мы подарим тебе три добрые стрелы, сработанные хромым из Трента. Только боюсь, что ты отправишься в преисподнюю прежде, чем успеешь их хорошенько сосчитать. Ну-ка, вкладывай свой меч в ножны, чтоб не ржавел на осеннем ветру. Так! А теперь посмотрим, каких гостинцев прислал нам Господь.

Не спеша он прошелся взад и вперед мимо сбившегося в кучу обоза. Скарлет и Вилль Белоручка зорко следили за возницами и провожатыми, не выпуская из рук направленных на стражника луков.

– Так, – повторял Мук, сын мельника, – так. Мед и эль – хорошо. Надо думать, ваш мед вкусней, чем дикий. Рожь хорошая. Овес нам не нужен. Для чего бы нам сдался овес, если лошадей мы не держим? Ба! Какая свинья! С хорошего аббата будет. Это ты раскормил такую, виллан? Да не прячься ты под повозку, разве я дьявол? Отвечай, если есть у тебя язык. Это ты откормил свинью так, что она стала поперек

себя толще?

Погонщик робко выбрался из-под повозки.

– Твоя свинья? – снова спросил Мук.

– Была моя, – несмело ответил виллан.

– А зачем ты ее отдал монахам?

– За выпас. Я держу от аббатства землю.

– А еще чего отдал?

– Двух гусей отдал, десять кур, три чельдрона овса.

– Они, верно, у тебя лишние были?

Из-под всех повозок теперь вылезли погонщики.

Не решаясь подойти поближе к стрелку, они вытянули шеи, прислушиваясь к разговору.

– Почему ж это лишние? – с обидой в голосе спросил крестьянин. – У меня кур всего-то и было двенадцать да два петуха. А свинья – такой свиньи во всем Вотерсе нету, всякий скажет.

– Так бери их себе, если они нужны, – вдруг сказал Мук.

Виллан разинул рот и захолопал глазами. Он весь подался назад, испуганно глядя на стрелка.

– Мне? И кур? И свинью? А эти что скажут?

Он кивнул на монахов, которые продолжали стоять на коленях, тесно прижавшись друг к другу, с руками, сложенными на груди. Мук рассмеялся.

– Они свое получили. Да шевелись попроворнее! Забирай свое добро и тащи домой. Жена-то есть у те-

бя?

– Есть.

– Так скажи ей, что это – подарок от Робин Гуда.

Только тут все поняли, что стрелок не шутит.

Первый крестьянин топтался еще на месте, не зная, каких угодников благодарить за свое счастье, а уж другой, косясь на Мука, принялся отвязывать от повозки корову.

– Ну, ну, смелее! – подбодрил погонщиков стрелок.

Вилланы везли свой оброк на своих же волах. И едва Мук кивнул головой, как упряжки были повернуты, опрокинутые повозки поставлены на колеса, и ремни звонко защелкали по спинам волов. И хотя волы на подъем ленивы, обоз тронулся с места и скрылся с глаз так быстро, точно его подхватило вихрем.

Посреди взрытой дороги осталась колода меду, пузатая бочка эля и несколько мешков с пшеницей и рожью. Когда скрипучий обоз скрылся вдали, Мук, сын мельника, обернулся к монахам. Святые отцы все еще стояли на коленях, побелевшими губами шепча молитвы.

Вилль Белоручка и Скарлет давно опустили луки, но стрелы держали на тетиве. Стражник, неподвижный, как каменное изваяние, смотрел в ту сторону, где еще клубилась пыль, поднятая колесами повозок.

– Ты, парень, ступай, откуда пришел, – сказал Мук

стражнику. – Да прихвати с собой эту падаль, пока ее не склевали вороны.

Взвалив раненого товарища на седло, стражник взял под уздцы свою белую кобылу, взглянул исподлобья на монахов и побрел прочь.

– Ну, вилланы, не каждый день посылает Господь такое утешение! – воскликнул Скарлет. – Как жеребята, как жеребята! Волы-то скакали, как жеребята! Вставайте, вставайте, святые отцы! Помолились – и хватит. Все равно не замолить вам своих грехов. И какой толк по сто раз повторять «Ave», если Пречистая слышит вас с первого слова? Подымайтесь живее да помогите нам нагрузить лошадей.

Взгромоздив мед и эль, пшеницу и рожь на свои же седла, монахи старательно увязали кладь и повели лошадей в поводу вслед за Скарлетом к Бернисдэльским пещерам. Вспоминая, с каким проворством вилланы скрылись с глаз со своим добром, Скарлет то и дело принимался хохотать, трясясь всем своим поджарым телом.

Мук, сын мельника, и Вилль Белоручка шли позади. – Ого-го! – окликнул кто-то стрелков, когда они вышли на широкую лесную поляну, и эхо трижды повторило веселый крик.

Знакомый свист прорезал воздух, и навстречу стрелкам, обгоняя друг друга, понеслись, – заливаясь

приветственным лаем, псы фриара Тука.

– Эге! И ты ведешь добрых гостей, фриар Тук? – крикнул Мук, сын мельника, и эхо снова принялось перебрасывать слова, как игральные кости. – Ну и славный же выдался денек! А в мешках у вас что за добыча?

– Подарок Робину от лорда шерифа. Маленький Джон вернулся. Этого парня он сманил с шерифова двора, а мальчика они нашли по дороге. Как тебя звать? Я запомнил, молодец.

– Эльфер! – воскликнули в один голос Скарлет и Вилль Белоручка.

А юноша ничего не ответил, потому что его слишком крепко стиснули старые друзья, добрые вилланы. Так крепко, что он едва не скатился с коня.

Глава шестнадцатая ***О том, как Робин Гуд*** ***принимал знатных гостей*** ***в Бернисдэльской пещере***

*Олень прекрасный промелькнул,
Сверкнул зеленым блеском,
И три десятка молодых –
За этим перелеском.*

Опустив к земле мокрые носы, задевая стрелков упругими хвостами, псы фриара Тука вбежали в пещеру, деловито обрыскали все углы и, найдя все в порядке, улеглись вокруг медвежьей шкуры, на которой сидел Робин, обхватив руками колени.

«Сейчас придут!» – говорили их веселые морды, а глаза, скошенные ко входу в пещеру, и хвосты, нетерпеливо постукивающие по земле, говорили другое: «Куда ж они запропалились? Почему их не видно?»

Наконец в дальнем конце просеки, освещенной ясным холодным солнцем, показался караван: фриар Тук рядом с парнем в плаще, расшитом крестами; на-

груженный двумя мешками конь; стройный всадник в кольчуге, с перевязкой на руке; трое монахов вели тяжело навьюченных лошадей, а позади всех с горделивым видом шагали Мук, сын мельника, Вилль Белоручка и востроносый маленький Скарлет.

– Привет Робин Гуду от лорда шерифа! – сказал повар, бросая к ногам Робина мешки с серебром. – Маленький Джон просил приготовиться к встрече знатного гостя: не дальше как к вечеру он приведет сюда моего господина.

– А ты кто же будешь?

– Шерифов слуга, – ответил повар. – И если ты хочешь, Робин, чтобы шериф остался доволен обедом, я жарю оленя в точности так, как это делал всегда в Ноттингеме.

Отец Тук подтолкнул вперед Эльфера.

– Вот молодой волчонок, из которого вырастет добрый волк! Он привез нам весточку из Сайлса.

– Выпей вина и ложись, – заботливо сказал Робин, взглянув на бледное лицо юноши. – Цела ли кость? Снимите, ребята, с него эти тряпки и перевяжите рану получше. Мир вам, святые отцы!

Монахи жались друг к другу, с тревогой осматриваясь по сторонам. Стрелки окружили их тесным зеленым кольцом.

– Что-то знакомо мне твое лицо, – обратился Ро-

бин к одному из святых отцов. – А ну, подними капюшон немного повыше! Голову ставлю, что мы когда-то встречались! Только, помнится, на плаще у тебя тогда был крест. Не с тобой ли мы однажды молились Господу Богу, чтобы он подарил нам от своих щедрот десяток золотых? А этот уж, верно, тогдашний твой спутник, не так ли?

Маленький толстый монах при этих словах попятился, стараясь спрятаться за спину долговязого крестоносца; но и тот сделал шаг назад, промямлив что-то невнятное в ответ.

– Вот хорошо, что нам снова привелось встретиться! – сказал Робин вставая. – Скорей же за стол – вы, наверно, устали с дороги.

Серебряные блюда и золотые кубки шерифа заблистали на широком столе. Монахи покорно жевали, не решаясь поднять глаза на стрелков, угрюмые и молчаливые, точно летучие мыши, укутавшиеся в свои перепонки. Стрелки наперебой угощали и потчевали безмолвных гостей.

– Выбирайте куски пожирнее, ведь сегодня не пост. Поглядите, как управляется с ветчиной отец Тук, а ведь он тоже духовного звания и с юных лет привык к воздержанию в пище! А вот это вино – из монастырских подвалов. Брат крестоносец уж, верно, знает в нем толк?

Когда же гости, покусав, ополоснули руки, Робин спросил их:

– Скажите, святые отцы, далеко ли ваш монастырь?

Монахи переглянулись.

Толстенький с отчаянием в глазах посмотрел на крестоносца; тот заморгал, но рта не раскрыл. Ответил третий монах, у которого голова была узкая и голая, как утиное яйцо, а нос походил на утиный клюв.

– Мы из аббатства Святой Марии, – сказал он тонким птичьим голосом. – Я главный эконом аббатства и не потерплю никакой обиды!

– Святой отец, – улыбнулся Робин, – зачем бы я стал тебя обижать? Большая честь для меня, что Пречистая Дева избрала своего главного эконома, чтобы возвратить мне долг!

Монах откинул голову назад, как делают утки, когда пьют.

– О каком долге ты говоришь, мой сын?

Робин Гуд переглянулся со своими стрелками; веселые искорки бегали у него в глазах, когда он снова обернулся к монахам.

– Однажды был такой случай, что Дева Мария поручилась своим словом за рыцаря, которому я отсчитал четыреста марок.

– Вы слыхали что-нибудь об этом, приор? Я ничего

не знаю об этом долге.

– Полно шутить, монах! – воскликнул Робин. – Кто поверит тебе, чтобы Святая Дева забывала свои обещания? Ты – эконоом аббатства Святой Марии, кому же знать, как не тебе? Она, конечно, прислала с тобой червонцы, потому что сегодня срок.

Эконоом даже взвизгнул, во все стороны тыча своим утиным клювом, точь-в-точь как утка, когда подавится коркой.

– Но я клянусь, – прошипел он, – что у нас нет ни фартинга.

– И переметные сумы пусты?

Глаза монаха на миг закрылись веками, по его сухому горлу пробежал бугорок, будто он проглотил наконец свою корку.

– Там есть только двадцать марок, которые мы собрали в Вотерсе с наших вилланов. Клянусь, у нас больше нет ничего!

– Клянусь и я! – сказал Робин. – Если так бедна Дева Мария, я ни фартинга не возьму из этих денег и даже прибавлю к ее добру! Но если там найдется больше двадцати, это значит, что Пречистая Дева прислала свой долг. Пойди сосчитай, Скарлет! Я знаю, что ты не собьешься в счете.

Скарлет выскочил из пещеры, как заяц, ловким прыжком и раскинул свой плащ на траве. Он отвязал

кошели, притороченные к седлам монахов, и вытряс из них на сукно холмик золота и горсть серебра.

Он долго считал монеты, потом вернулся к столу.

– Восемь сотен марок прислала Непорочная Дева! Я не считал серебра.

– Видишь, монах! Недаром я сказал тому рыцарю: пройди всю Англию от моря до моря, ты не найдешь поручителя надежней. Если снова у Святой Марии случится нужда, я всегда приду ей на помощь.

Голова эконома вытянулась еще больше, а нос опять принялся клевать воздух. Рот его открывался и закрывался, и все стрелки с любопытством ожидали, какие вылетят из этого рта слова.

Но в это время у входа в пещеру раздался громкий, веселый голос Маленького Джона:

– Вот, лорд шериф, в этой пещере скрылся от меня зеленый олень с золотыми рогами. Он ослепил меня, я не посмел пустить в него стрелу.

Всадник и пеший остановились на пороге, и всадник крикнул, рванув удила:

– Проклятье! Ты обманул меня, Рейнольд Гринлиф!

Искры брызнули из-под копыт жеребца, но Маленький Джон успел схватить его под уздцы с одной стороны, Робин Гуд – с другой.

– Прости, лорд шериф, – сказал Робин, – почему ты зовешь моего стрелка Рейнольдом Гринлифом?

Он всегда назывался у нас Маленьким Джоном. Помоги, Маленький Джон, благородному лорду сойти с коня.

– Привет дорогому гостю! – дружно грянули все стрелки, какие были в пещере.

А Робин усадил шерифа за стол рядом с экономом аббатства Святой Марии.

– Рад тебя видеть, шериф, – промолвил он. – Я давно не видал тебя: с тех самых пор, как проезжий горшечник подарил твоей жене три отличных кувшина и ты пригласил его к своему столу. Наконец я смогу расплатиться с тобой честь по чести! Хороша ли была охота? Ты видал, не всех еще королевских оленей перебил в лесу Робин Гуд. Мы выбираем обычно самых жирных, таких, которые сами просятся в котел. Вот отведай, его приготовил твой повар и клялся, что работал старательней, чем в Ноттингеме. Не гнушайся и элем – за вкус его и за цвет ручается главный эконом аббатства Святой Марии!

То ли желтые лица монахов, сидевших бок о бок с ним, напоминали о благостях воздержания и поста, то ли серебряное блюдо, на котором повар подал ему сочный ломоть оленины, показалось шерифу слишком знакомым, то ли повар, посмеивавшийся в лицо своему господину, показался ему непочтительным и нерадивым слугой, только шериф, несмотря на все

уговоры, не притронулся к еде.

– Отпусти меня, дерзкий стрелок, – сказал шериф Робин Гуду. – Я заплачу тебе, сколько потребуешь, хотя рад был бы вздернуть тебя на виселицу, как вздергивал твоих людей.

– Нет! – твердо ответил Робин. – Ничего нет дороже хорошего гостя. Вот если мои люди согласны за несколько золотых простить тебе все обиды, я послушаюсь их. Скателок, Вилль Белоручка, Мук, Скарлет, Вилль Статли и Маленький Джон! – Робин обвел глазами своих стрелков. – Благородный шериф предлагает вам выкуп. Сколько возьмешь ты, Скателок, за руку, которую слуги Ральфа Мурдаха отрубили твоему сыну?

Скателок не спеша отхлебнул вина, потом подмигнул фриару Туку, который сидел с ним рядом.

– Сколько взять с него? Одну или две руки?

– А сколько возьмешь ты, Скарлет, за след от ошейника, который я снял с твоей шеи?

Стрелок ничего не ответил.

– Мук, сын мельника, – сказал Робин, – мне помнится, что твою жену затравили собаками лесничие благородного лорда шерифа. За сколько марок ты продашь память о своей жене? Сотни марок с тебя довольно? Ты видишь, шериф, мои люди молчат. Конечно, не все еще в сборе; может быть, к утру подой-

дут остальные и кто-нибудь из них польстится на твое добро, – слепой Генрих, которому ты выколол глаза, или Давид Донкастерский, тот самый, чью землю ты подарил сэру Гаю Гисборну. А сегодня придется тебе заночевать вместе с нами в веселом Бернисдэльском лесу.

Пес, лежавший у ног фриара Тука, перевалился на бок и зевнул, завив колечком розовый язык.

Толстенский монах с тоской посмотрел на тающую в сизых сумерках просеку.

– Отпустите хоть нас! – всхлипнул он. – Ведь скоро ночь.

Столько заячьей трусости было в этом возгласе, что Робин Гуд рассмеялся.

– Ну, ступайте, – сказал он монахам. – Вы честно исполнили поручение Непорочной Девы Марии, и я не хочу, чтобы слуги ее дурно ославили меня в своей святой обители. Дай им лошадей, Вилль Статли. А этот, – он кивнул на шерифа, – пусть попробует сегодня, как сладко спать на траве и корнях под зеленым линкольнским сукном.

Вмиг с шерифа был содран бархатный плащ и кафтан, отороченный мехом, с ног – сапоги с золотыми шпорами. Зеленый плащ линкольнского сукна накинули ему на плечи, и до утра он корчился на мерзлой земле, измышляя страшную казнь для Робин Гуда.

– Проклятье! – стуча зубами от холода, повторял шериф. – Ты дорого мне заплатишь за эту ночь, разбойник!

– Хорошо ли спалось тебе, благородный лорд? – приветствовал его поутру веселый стрелок. – Не правда ли, эти дубы поют колыбельные песни?

– За все богатства Англии я не просплю здесь второй ночи, – угрюмо ответил шериф, опуская глаза под жестким взглядом стрелка.

– Но ты будешь жить здесь со мной не месяц и не год, – сказал Робин. – Ты будешь спать под этим дубом, пока не слетит с тебя спесь, шериф. Я дарю тебе жизнь на этот раз за то, что ты был ласков с моим Маленьким Джоном.

Шериф сидел на обомшелом пне, неловко кутаясь в зеленый плащ. Растрепанная седая борода его вздрагивала на ветру. Былинки травы и мха прилипли к морщинистой шее.

Скателок, Мук, сын мельника, фриар Тук, Вилль Статли и Вилль Белоручка стояли рядом. Маленький Джон сплюнул сквозь зубы и махнул рукой.

– Хорошо, – сказал Робин. – Вот мой меч, шериф. Поклянись мне на нем не вредить ни мне, ни моим стрелкам ни на земле, ни на морском пути.

Шериф вскочил так поспешно, что плащ распахнулся, обнажив сухую белую грудь.

– Клянусь! Клянусь! Клянусь! – повторил он трижды. – Я буду верным другом тебе, Робин Гуд!

– Так беги же отсюда прочь, старик. И спеши, пока не раздумали мои молодцы.

Босую ногу продел шериф в стремя; ветер рвал с его плеч зеленый линкольнский плащ.

– Я выжгу это гнездо каленым железом! – скрипел сквозь зубы шериф, нахлестывая плетью коня.

Глава семнадцатая

О том, как Робин Гуд нанялся в корабельщики

*«На месте сиди, долговязый черт,
Сухопутная крыса, смотри!
Швырну тебя, хвастуна, через борт –
Живо пойдут пузыри!»*

Белые барашки бежали по морю, а в гавани было тихо, и среди многих других судов спокойно покачивался на якоре баркас, выкрашенный в зеленую краску.

Мачта с парусом, а также двенадцать пар зеленых весел с этого баркаса стояли, прислоненные к стене кабачка, где всегда мореходы, прибывшие в Скарборо, веселились, и пили вино и эль, и плясали, и распевали песни на всех языках, какие только есть на свете.

И так как часто стояли зеленые весла у входа в этот дом, то в самых далеких портах и даже в портовых городах Святой земли мореходы назначали друг другу встречи в Скарборо не иначе, как у «Зеленых весел». А Робин Гуду понравился цвет этих весел пото-

му, что он похож был на цвет молодых дубов, и он вошел в кабачок, взял кружку эля и стал слушать, о чем корабельщики спорят с хозяйкой.

– Сейчас в море опасно идти, – говорили корабельщики, – потому что ветер с заката, и если немного еще посвежеет, то легко может случиться, что корабль угонит в открытое море. А приметы грозят жестокой бурей, и чайки жмутся к берегу и кричат о погибших христианских душах.

А хозяйка похожа была на мужчину гораздо больше, чем старые матросы. У нее был грубый голос, эль она пила большими глотками, и если бы она взяла в руки большую свинью, то свинья показалась бы маленьким поросенком.

– Я бедная женщина, – говорила хозяйка «Зеленых весел». – Перед бурей лучше ловится рыба, и кто мне заплатит за рыбу, которая ходит в глубине моря? Тот, кто боится соленого ветра, может наняться ко мне в пастухи или лучше пойти в монастырь Святого Петра Кентерберийского и провести остаток своих дней в молитве и посте.

Тогда корабельщики выходили на пристань и смотрели на небо и на белые барашки, что закипали вдали, там, где серое море сходилось с серым небом; они нюхали воздух, возвращались к столу и выпивали еще по кружке.

Они не хотели сняться с якоря и говорили, что христианская душа стоит дороже рыбы.

Только один соглашался идти в море, потому что у него был очень верный амулет – настоящий кусочек Креста Господня, и заветное слово было наколото краской у него на груди. Но один корабельщик не мог грести сразу двенадцатью парами длинных весел; для них было нужно не меньше двенадцати пар гребцов.

Тогда Робин Гуд сказал, что за справедливую плату выставит тридцать смелых мореходов, которые не боятся ни северного ветра, ни южного, ни восточного, ни западного и наступали на хвост не то что дьяволу, а самому благородному лорду шерифу.

И хозяйка «Зеленых весел» не пожалела справедливой платы.

Робин Гуд протрубил в свой рог, и дверь распахнулась, чтобы впустить тридцать молодцов в зеленых плащах.

Они взяли весла и мачту с парусом; храбрый корабельщик сказал, что святого отца не может взять на борт, потому что это принесет несчастье, но фриар Тук успокоил его и забожился страшной клятвой, что если и вспоминает когда о Господе Боге, то только что ради божбы, и хорошую потасовку всегда предпочтет молитве и воздержанию.

Он расстегнул малиновую куртку и показал корабельщикам, что у него на груди жирною сажей наколото много заветных слов, и корабельщик махнул рукой.

Хромой стрельник из Трента остался на берегу. Вместе со всеми он вышел на порог «Зеленых весел» посмотреть, как баркас поднимет якорь.

– А этот парень почему хромает? – спросил корабельщик, указывая на Маленького Джона. – Хворых нам брать не годится, пусть лучше останется с тем вон хромым. – И тут он указал на стрельника из Трента.

А Маленький Джон топнул раз, и притопнул другой, и сплясал, чтобы корабельщик поверил, что рана у него совсем зажила и нога годится для всякой работы.

Хозяйка баркаса удивилась, увидав у своих мореходов луки и стрелы. Она спросила, не думают ли молодцы отправиться в Святую землю. Робин Гуд объяснил, что гибкие луки всегда защищали его людей от опасности, а стрелы всегда приносили им щедрую добычу, и все корабельщички громко смеялись, услышав этот ответ.

Они рассмеялись еще громче, когда мореходы, взойдя на судно, сгрудились все у одного борта и баркас накренился так, что едва не зачерпнул воды.

Но Робин Гуд крикнул им, что баркас довольно устойчив и никакая буря не страшна его молодцам.

Потом мореходы ударили веслами. У кого весло зарылось глубоко в воду, а кто взбил только пригоршню брызг и окропил передних гребцов. Баркас завертелся на месте, как пес, который ловит свой хвост, когда его донимают блохи. Тут ветер ударил в парус, поставленный корабельщиком, и судно помчалось из гавани с такой быстротой, с какой срывается с тетивы стрела.

– Сушите весла! – крикнул корабельщик, и мореходы подняли весла, кто высоко, а кто низко, так что баркас оцетинился, будто зеленый еж.

Маленький Джон, умея править рулем, сел на корму.

Отец Тук запел веселый псалом о Моисее, который вывел евреев из земли египетской, из дома рабства, и стрелкам эта песня пришлась по душе, потому что всем наскучило сидеть в тесном замке сэра Ричарда Ли, глядеть на синее небо в бойницы, похожие на игольное ушко, и любоваться тем, как шериф строит осадные машины, чтобы взять приступом замок. Они позванивали фриару Туку на тетиве своих луков, а волны расходились все дружнее и дружнее и громко хлопали то справа, то слева, то с носа, то с кормы, и водяная пыль курилась в воздухе.

Робин Гуд встал и прицелился в чайку, которая висела над парусом совсем неподвижно, так близко,

что видно было, как она помаргивает глазами; но в ту минуту, как он спустил тетиву, море вдруг выгнуло спину, и баркас встал на дыбы, как норовистый конь, стрела полетела не то в небо, не то в воду, а стрелок кувыркнулся через две скамейки и стукнулся плечом о борт, едва не сломав лук. Корабельщик посмотрел на него сердитыми глазами, потом закусил конец своей рыжей бороды и принялся молиться Святой Деве, потому что слишком хорошо понял, как умеют управляться с морскими волнами мореходы в зеленых плащах.

– Проклятое племя! – бранился он. – Такие же моряки из вас, как из меня епископ! Быть вам на дне сегодня, туда вам и дорога! Только и мне погибать вместе с вами. Смотрите, уже не видать берегов!

Корабельщик спустил парус и прикрикнул на Маленького Джона, чтобы он получше правил рулем. Он стоял посреди лодки, широко расставив ноги, так твердо, будто прирос к ее дну.

– Клянусь святым Патриком, – говорил корабельщик, – жизни не жалко, чтобы посмотреть, как вы будете пускать пузыри! Сухопутные крысы, отчитал бы я вас покрепче, да боюсь прогневить святых! В такую погоду мы лавливали рыбу и приходили домой, не зачерпнув ни капли воды. А с вами и сети не брошишь в море, болтаешься, как горелый пень! Смотри-

те, как правят настоящие моряки!

Солнце прорвало тучу, синий лоскут далеко впереди осветился ярким блеском, и по этому солнечному полю, гордо надув паруса и плавно покачиваясь, шел корабль с золоченым носом.

– Это французский купец, – сказал корабельщик.

Он бросился к мачте и быстро распустил парус, потом крикнул Маленькому Джону:

– Поворачивай назад, долговязый! С вами тут сгорить от стыда. Люди скажут: глядите на старого дурня, который полощется в море, какдохлый щенок! Говорю тебе, поворачивай назад, святой крест и тридцать угодников!

А солнечное поле побежало по морю, и лучи заделали верхушку мачты, осветили баркас и зеленые плащи. Молодцы ударили веслами, и баркас, подгоняемый попутным ветром, как ни плохо гребли стрелки, запрыгал по волнам, как подхлестнутый, ближе и ближе подходя к французскому бригу. Уже корабельщик увидел, как смотрят на них, прикрыв глаза ладонью, французские мореходы, а потом трясутся и хохочут, хватаясь за бока.

– А рыбка хороша! – громко сказал Робин Гуд. – Что за веселый народ корабельщики! Смейтесь погромче, мореходы, потому что, клянусь святым Кесбертом, когда мы примемся за рыбную ловлю, вам бу-

дет не до смеха!

Он поднял лук и уже натянул тетиву, но лживое море обмануло его, и лодка взметнулась носом кверху, так что французский бриг пропал, соскользнув за горизонт, и, прежде чем он показался снова, доски ушли из-под ног стрелка.

– Тьфу пропасть, чертовы качели! – воскликнул Робин. – А ну, молодцы, привяжите меня к мачте покрепче!

Мук, сын мельника, и Скателок отсекали от сети крепкий смоленый конец и прикрутили Робина к мачте. Французский бриг был уже близко, и корабельщики указывали на Робина пальцами, хохотали и кричали непонятные слова. А ветер рвал с кипучих волн белую пену и бросал соленые брызги в лицо.

– Только б они не удрали от нас, – сказал Мук, вытаскивая стрелу из колчана, – а уж мы посмеемся над ними вдосталь!

Между тем Робин выбрал себе мишень: чернобородого француза в голубом кафтане, который громче всех смеялся и, перегнувшись через борт судна, показывал пальцами на стрелка.

Волна снова подкинула кверху «Зеленые весла», и нос баркаса уткнулся бугшпритом в самое небо, заслонив собою французов.

Но на этот раз Робин прочно стоял на ногах, упер-

шись спиной в мачту, и, едва баркас перекачнулся через гребень волны, он выстрелил навскидку, и чернобородый, вскрикнув, покатился под ноги своим спутникам.

На палубе французского брига поднялась суматоха.

Вдоль борта, обращенного к баркасу, вырос ряд щитов, паруса захлопали, руль взрыл волны, меняя направление корабля. В руках у французов появились арбалеты, и тотчас же в воздухе встретились десятки стрел.

Маленький Джон бросил румпель, и баркас, болтаясь из стороны в сторону под ударами ветра и волн, повернулся бортом к приближающемуся неприятелю.

– Берегите стрелы, ребята, – сказал стрелкам Робин Гуд. – Ставлю голову об заклад, у нас будет веселая драка!

Снова Робин рванул тетиву, и еще одна стрела попала в цель. Не промахнулись и Вилль Белоручка, и Мук, и Маленький Джон.

Строй французских стрелков поредел, а на баркасе «Зеленые весла» никто еще не был ни ранен, ни задет, потому что неуклюжие арбалеты не могли сравниться с быстрыми луками лесных молодцов.

Отец Тук был, однако, слишком крупной мишенью, и стрела, пробив спущенный парус, вонзилась ему

в бедро.

– Такими стрелами только воробьев бить! – проворчал отец Тук и собрался отправить гостинец обратно, но стрела оказалась слишком коротка для его шестифутового лука.

В это время воин в кольчуге, от которой отскакивали стрелы, сложил руки трубой и что-то крикнул своим людям.

Услышав его слова, корабельщик бросился к Робину.

– Они хотят нас потопить, стрелок! – воскликнул он. – Смотри, они раздавят нас, как ореховую скорлупку!

– С Божьей помощью, не потопят, – ответил Робин. – Становись к рулю, старик, и держи эту трясучую посудину хоть зубами, чтобы она поменьше прыгала. Мы бьем без промаха на твердой земле, и за каждое мгновение, когда можно будет пустить верную стрелу, ты получишь кругленький золотой.

Подрагивая на ходу, французский бриг быстро приближался к баркасу. Его высокий золоченый нос, готовый надвое рассечь утлое суденышко, поднялся над водой, как меч, а парус, напряженный ветром, дугой выгибал упругую мачту.

Робин Гуд подмигнул стрелкам.

– Ребята, уроним парус! – сказал он, выжидая мгно-

вения, чтобы спустить стрелу.

А корабельщик налег на руль, и большая волна, подняв на гребне «Зеленые весла», замерла, прежде чем опрокинуться в глубину. Тут прозвенели сразу дружные луки, три десятка стрел ударили в верхний край паруса, и нашлась среди этих трех десятков одна удачливая стрела, которая полоснула острым наконечником по веревке, державшей парус на мачте; а может быть, таких стрел было две или три. Веревка лопнула под напором ветра, парус упал, широким полотнищем накрыв защитников французского брига точно так же, как сеть птицелова накрывает стайку щеглов.

Бриг замедлил разбег, и, прежде чем люди на бриге выбрались из-под тяжелой холстины, борт брига стеной навис над баркасом; фриар Тук, Маленький Джон и Артур из Бленда ухватились за рваные снасти, а кое-кто из стрелков выкарабкался на французский корабль. Мечи заблестели на солнце, и громкий крик бойцов заглушил рев моря и ветра.

Очень скоро французы стояли уже на коленях и просили пощады, а над ними, кто с обнаженным клинком, кто со стрелой наготове, стояли молодцы Робин Гуда.

Только святой отец, схватившийся с воином в блестящей кольчуге, продолжал кататься по палубе в об-

нимку со своим врагом. Они докатились до люка в полу и упали в него, не выпуская друг друга из объятий.

– Веселые корабельщики, – сказал Робин Гуд, – теперь пришел черед нам посмеяться над вами. Но мы пощадим вас и смеяться не станем, а только возьмем себе столько луков, стрел и мечей, сколько есть у вас на борту, и красный товар, и чеканную монету, потому что нас ограбил благородный лорд шериф и у нас за душой не осталось ничего, кроме меткого глаза и верной руки.

Но французы не поняли слов веселого Робина, потому что он говорил на своем языке.

И, связав одних, а к другим приставив охрану, стрелки кое-как, с помощью корабельщика, втолковали французам, чтобы они взяли на буксир баркас «Зеленые весла», подняли все паруса, какие позволит поднять противный ветер, и шли к Скарборо. Потом спустились в трюм посмотреть, чем наградила их судьба за отвагу.

В трюме нашли они фриара Тука и воина в кольчуге, которые с постными лицами сидели возле огромной бочки вина. Рыцарь грустил потому, что его люди потерпели поражение в битве, а святой отец – потому, что, свалившись в люк, он упал вместе с рыцарем на большую винную бочку и вышиб в ней днище.

– Такое доброе вино погубили! – ворчал фриар Тук,

отжимая свой мокрый плащ. – Искупаться в таком чудесном вине, какого, верно, и сам король-то не пил! Это великий грех.

И товарищи посмеялись, посочувствовав его горю, но скоро утешились, отыскав еще несколько бочек с таким же отличным вином, и много тюков зеленого, красного и синего сукна, и ящики с золотой и серебряной монетой, и такой запас луков, стрел и мечей, какого хватило бы на добрую сотню шерифов.

– Ты видишь, – сказал Робин корабельщику с «Зеленых весел», – мы наловили немало рыбы, хотя на море охота труднее, чем в королевских лесах. И вот тебе горсть золотых за то, что ты крепко держал свою скорлупу на волнах, пока мы стреляли. И вот тебе еще для твоей хозяйки, потому что нам нельзя будет мешкать в Скарборо, хотя я и не прочь бы провести денек у «Зеленых весел», только не на зеленых волнах, а на твердой земле.

Глава восемнадцатая

О битве Робина с Гаем Гисборном

*Леса блестят, подлесок свеж,
Широк и длинен лист,
И весело бродить в лесу
И слушать птичий свист.*

Толпа корабельщиков ожидала на пристани смелых мореходов. Но Робин Гуд смотрел не на них: он увидел на берегу рядом с хромым из Трента младшего из сыновей вдовы.

– Что в Вирисдэле? – спросил он, спрыгнув на пристань, прежде чем французы успели бросить якорь.

– Беда в Вирисдэле, – ответил сын вдовы, которого звали Джеком. – В замке нет ни стрел, ни пищи. Шерифовы люди продолжают осаду. Они разведали, что ты со стрелками ушел из замка подземным ходом. Вилль Статли и я, мы пошли на охоту, но стражники выследили нас, когда мы вышли из подземелья, и погнались за нами...

Робин с тревогой заглянул в глаза юноши:

– И где же Вилль?

– Шериф настиг нас у Понтефракта, – продолжал Джек, не отвечая на вопрос. – Добрые крестьяне вступились за нас, узнав, что мы – твои люди. Вилль Статли повел их против шерифа, а мне приказал скакать к тебе, чтобы ты поспешил на помощь Ричарду Ли.

– Кто в замке? – быстро спросил Робин.

– Энгельрик Ли, мои братья, Скарлет и Эльфер.

– Много людей взял шериф с собой к Понтефракту?

– С ним восемнадцать стражников и рыцарь, одетый в конскую шкуру, с рогами на шлеме.

– Гай Гисборн, – сказал Робин нахмурившись.

Он постоял в раздумье, глядя, как под надзором стрелков французские корабельщики сносят на берег свое добро. Связки луков и куча колчанов быстро росли на пристани, радуя сердце стрелка. И когда снова он поднял глаза на юношу, хмурая тень сбежала с его лица, а голос был весел.

– Ничего, молодец! – воскликнул он. – Ты видишь, не зря мы ходили в море: теперь есть у нас чем потчевать наших врагов. Где твоя лошадь, парень?

– Пала. – Юноша кивнул на дорогу, где, облепленная роем мух, лежала конская туша. – Но я приготовил здесь двух лошадей, они накормлены и стоят под седлом.

Робин Гуд поправил колчан на спине.

– Маленький Джон, – крикнул он, – мы поедем с тобой вперед! А ты, фриар Тук, веди ребят в Вириздэль выручать старого Ричарда Ли. Торопись! Может быть, уже поздно. Бросьте здесь все добро, нам сбережет его хозяйка «Зеленых весел». Оружие возьмите с собой, до последней стрелы. Поскорей развяжитесь с французами и не мешкайте ни минуты. Ты, молодец, слушайся фриара Тука, как Господа Бога.

Младший сын вдовы с завистью посмотрел на Маленького Джона, потому что ожидал, что сам поедет с Робинем; и когда пыль взвилась под копытами двух коней, слеза прокатилась по его запыленной щеке.

А Робин с Маленьким Джоном скакали, не щадя лошадей, весь вечер и добрую часть ночи.

Уже села луна и засвистали птицы в лесу, когда они спрыгнули наземь возле харчевни «Синий вебрь» в Сайлсе и, бросив поводья, стукнули в дверь.

Передохнув часок и подкрепившись, пока хозяин добывал свежих коней, они поскакали дальше.

Лес подступил к самой дороге, и Маленький Джон, ни слова не говоря, свернул на лесную тропу. Робин Гуд похвалил его за осторожность.

Копыта коней бесшумно ступали по мху и траве, а лесная чаща скрывала всадников от людского глаза.

У ручья, через который переброшен был шаткий мостик, стрелки переглянулись. Много лет назад

на этом мостике Робин впервые встретил своего верного друга. Ни тот ни другой не хотели уступить дорогу, а двоим разойтись было негде. Они дрались на зыбких бревнах до тех пор, пока тяжелая дубина Джона не сбросила Робина в воду.

– Скажи, – спросил Маленький Джон, спрыгивая с лошади, чтобы перевести ее через студеной поток, – ведь ты мог одолеть меня тогда, если бы захотел? Ты нарочно уступил мне в тот день?

Робин лукаво усмехнулся.

– Не всегда побеждают силой, – сказал он. – Расшиби я тебе голову тогда, разве был бы у меня сегодня спутником Маленький Джон?

Олень, склонив ветвистые рога, пил воду выше по течению ручья. Из-за зеленой завесы плакучих ив стрелкам было видно, как насторожился он, услышав их голоса. Смоченные водой губы оленя блестели серебром; он вскинул голову выше, ловя ветерок чуткими ноздрями, потом сорвался с места, и сучья затрещали на его пути.

Вдруг треск сучьев прекратился так резко, что Робин тотчас же вопросительно взглянул на Маленького Джона. Тот молча кивнул головой и привязал к дереву свою лошадь и лошадь Робина.

Пригнувшись к земле, стрелки скользнули в чащу и побежали по лесу, осторожно перепрыгивая через

сухой валежник, чтобы не выдать себя случайным звуком.

На лужайке рядом с вывороченным грозой кле- ном лежал, подмяв под себя передние ноги, олень. Из шеи, пробитой стрелой, фонтаном била кровь. Че- ловек в рогатом шлеме раздвинул ветви, придержи- вая накинутую на плечи конскую шкуру.

– Вот и он, – шепнул Робин Маленькому Джону. – Давно я ждал этой встречи!

Тут Робин Гуд согнул свой лук и накиннул петлю те- тивы на зарубку.

– Скачи в Понтефрак, я догоню тебя по дороге.

– Уж лучше я подожду, – возразил стрелок. – Не много времени нужно, чтобы спустить стрелу.

Робин Гуд покачал головой.

– Неужто я стану стрелять в него из-под куста, как в оленя? Не думаешь ли ты, что я откажусь от дра- ки с Гаем Гисборном? Спеши в Понтефрак. Если ше- риф схватил Вилля Статли, он недолго будет разду- мывать, прежде чем вздернуть его под перекладину.

Стрелок с беспокойством окинул взглядом могучую фигуру рыцаря, склонившегося над оленем.

– Пусти меня с ним подраться, а сам скачи в Пон- тефрак.

Робин Гуд уловил тревогу в словах стрелка. Он по- ложил ему на плечо свою тяжелую руку.

– Такого подарка не вправе требовать от меня даже ты, Маленький Джон, – сказал он твердо. – Ни разу за долгие годы я не приказывал тебе как начальник. Теперь...

Стрелок безропотно повернулся и исчез в кустах. Робин Гуд подождал, пока в шелест листвы и рокот ручья не вплелся глухой перестук копыт. Тогда, раздвинув орешник, он шагнул на лужайку.

– Поглядеть на оленя – ты стрелок неплохой, – сказал он. – Только придется мне представить тебя шерифу, рыцарь, за то, что ты свалил оленя в королевском лесу!

– А ты кто такой, что тревожишься о королевских оленях? – спросил рыцарь, выставив грудь вперед.

– Я лесничий здешних лесов, – ответил стрелок. – И напрасно ты смеешься, рыцарь, потому что если шериф не вздернет тебя на веревку, то уж, верно, прикажет отсечь тебе правую руку, чтобы неповадно было тревожить красного зверя.

– Ну, мы с шерифом друзья, охотимся вместе. А вот если ты – лесничий в этих лесах, то, наверно, укажешь мне, где найти разбойника по имени Робин Гуд.

– А какая мне будет за это награда?

Рыцарь сунул руку в кошель, привязанный к поясу, и побренчал золотом.

– Хорошо, – отвечал стрелок. – Мне знакомы все

тропы в Бернисдэльском лесу, и я помогу тебе отыскать молодца. Но известно ли тебе, рыцарь, что Робин Гуд – отличный стрелок? Я боюсь подвести тебя под его стрелу, потому что, клянусь святым Кесбертом, он пристрелит тебя, как сурка.

Лицо рыцаря покраснело, одна бровь поднялась выше другой.

– Дерзок же ты, лесничий, – сказал он, – и я проучу тебя, когда придет время. А теперь покажи мне разбойничье логово, потому что я тоже не первый день держу в руках этот лук.

– Прежде покажи мне свое искусство, рыцарь. Видишь омелу на дикой груше? Пусть это будет наша мишень. Она висит на тонком стебле. Если меток твой глаз и верна рука, не собьешь ли омелу стрелой?

Стрела Гая Гисборна пронзила зеленый шар, и несколько узких листочков, кружась, слетели на землю. Стрела Робина прошла на дюйм от стебля. Они выстрелили по второму разу, и зеленый шар вздрогнул, лениво запрыгал по веткам и свалился к ногам стрелка.

– Отличный выстрел! – воскликнул рыцарь. – Скажи мне свое имя, лесничий, чтобы я знал, как зовут лучшего лучника в наших краях.

– Таиться мне незачем, – ответил Робин, – но прежде я хотел бы услышать, как зовут шерифо-

ва друга, который бьет запретную дичь в королевском лесу.

– Зовут меня сэром Гаем Гисборном, стрелок. Я брожу в этих лесах давно, и совсем не олени нужны мне. Я ищу проклятого виллана, который посмел поднять руку против своего господина и вскружить головы крестьянам всей округи, нарушив порядок, положенный Богом и королем. Веди меня туда, где скрывается от правосудия Робин Гуд.

– Я – бернисдэльский Робин Гуд, из города Локсли, и рад помериться с тобой силами, рыцарь!

Мечи зашипели, вылетая из ножен, и сшиблись над головами виллана и господина. Солнце играло на полированной стали, вспыхивая, потухая и вспыхивая снова. В начале схватки мечи были острее свежего осколка кремня, а щиты сверкали чернью и серебром и пестрой эмалью гербов. Круторогий бык грозился с родового щита Гая Гисборна, лилия и шахматная доска блестели лазурью на щите Робина, добытом в морском бою у французов. Потом иззубрилась сарацинская сталь мечей, лопнули железные обручи на щитах, искрошились эмаль, серебро и чернь; иссеченные ударами обломки отлетали в траву. Меч рыцаря был на четыре пальца длиннее меча стрелка, и первым пришел в негодность щит Робин Гуда.

Бойцы сражались молча, и только скрежет стали

не умолкал ни на миг. Ноги бойцов утоптали траву на лужайке. Тяжелый удар обрушился на меч Робина, сталь разбилась, как стекло, а конец клинка, сверкнув в воздухе, с лету вонзился в ствол дерева наискось, как широкий ирландский нож.

Теперь Робин стал пятиться назад, обороняясь обломком меча, который служил ему сразу и мечом, и щитом, и кольчугой.

Он отступал шаг за шагом, пядь за пядью по кругу, пока кольцо не замкнулось и он не ступил на утоптанную траву.

Здесь лежал убитый олень, и, пятась, Робин споткнулся о него. Тут Гай Гисборн ударил его в бок, и только колчан спас стрелка от неминуемой смерти.

– Ты будешь лизать мне пятки, раб! – прохрипел Гай Гисборн, заноса снова свой меч.

– Нет! – крикнул Робин. – Я не умру от руки господина!

Это были первые слова, слетевшие с его уст с начала боя. Отпрянув в сторону, как стрела от спущенной тетивы, он ударил рыцаря обломком меча в живот, снизу вверх, как разят ирландским ножом в уличной драке. И удар был так силен, что тупой обломок прошиб кольчугу и по самую рукоять ушел в тело врага.

Гай Гисборн упал, а Робин повалился с ним рядом. Он был так утомлен, что не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой. Но лицо его смеялось, а сквозь мокрые от пота ресницы глаза глядели на солнце, зацепившееся за вершину дуба.

Он лежал и щурил глаза, и солнечный луч запутался у него в ресницах, сверкая огромным радужным щитом, и стрелок то сжимал, то разжимал веки, и радужный щит играл, переливаясь малиновым, желтым, зеленым, синим цветом, и Робин смеялся, думая о том, что его враг убит, а он остался жив, и жизнь, как капля на ресницах, переливается радугой, звеня малиновым, желтым, зеленым и синим шумом.

Грудь стрелка вздымалась ровнее, ровнее, и он уснул. Ему приснился славный бой: толпы вилланов в малиновых куртках, с ирландскими ножами в руках, и толпы господ в блестящих кольчугах.

– Ты будешь лизать мне пятки, раб! – услышал Робин торжествующий голос и тотчас открыл глаза.

Повиснув на самом конце ивовой ветки, над ним покачивался дрозд, а в клюве у птицы извивался тонкий белый червяк.

– Хо-хо-хо, дроздушка! – крикнул Робин так громко, что дрозд выронил свою добычу и скользнул в листву. Стрелок уперся в землю рукой и сел.

Он посмотрел на Гая Гисборна, по лицу которого бежали муравьи, и на обломки щитов, и на осколок меча, неподвижно торчавший в корявом стволе, и рассмеялся, потому что трудолюбивый паук успел уже натянуть прозрачную сетку между клинком, дубовой корой и колючим цветком боярышника.

– Всю жизнь ты был негодяем, сэра Гай, а сегодня перестал им быть! – воскликнул Робин, наклоняясь над убитым врагом.

Он сдернул с рыцаря конскую шкуру и накинул ее себе на плечи. Потом бросил свой колчан, разрубленный врагом, и взял колчан Гая Гисборна и его охотничий рог. И бросил свои ножны, потому что они были коротки для рыцарского меча. Он поднял оба лука и двинулся в путь, тревожа лес веселым пением серебряного рога.

И скоро сумерки заплели своей паутиной лужайку, а примятая трава зашевелилась, расправляя жадные к жизни живучие стебельки.

Глава девятнадцатая

О том, как стрелки выручили Вилля Статли, и о смерти благородного лорда шерифа

*Там не один сгибался лук,
И не одна стрела летела,
Немало порвано кольчуг,
И не одно пробито тело.*

Рабы с ошейниками тащили на длинной веревке двух пленников. Один пленник спотыкался и падал под непосильною ношею, пот градом катился по его лицу, а конец дубового глаголя, который лежал у него на плече, тащился за ним по дороге, взрывая в пыли глубокую борозду. Руки пленника были свободны, он поддерживал окровавленными пальцами тяжелое бревно.

WILL STUTELY

Второй пленник, в изорванном зеленом плаще, с руками, скрученными за спиной, шел, гордо вскинув голову, смело поглядывая на толпу, запрудившую рыночную площадь Понтефракта. Рыжие пятна крови проступили у него на спине, и щека рассечена была багровым рубцом.

Рабы несли за ним второй глаголь.

– Стыдно робеть перед смертью, – усмехнувшись, сказал Вилль Статли, когда виллан сбросил с плеч свой тяжелый груз. – Не с Христа ли берешь ты пример, молодец? Зря ты тащил перекладину, на которой тебе же болтаться. Что значит перед смертью десяток лишних ударов?

Шериф, сидя на белом коне, не спускал с пленников глаз. Шерифов слуга протянул им два заступа.

– Ройте ямы для глаголей! – приказал он.

Вилль Статли звонко рассмеялся.

– Шутник ты, как я посмотрю! Как же это могу я рыть яму со связанными руками?

Виллан, взглянув на стрелка, выронил заступ. Слуга достал нож и приготовился разрубить веревки на руках Вилля Статли, но шериф угрюмо покачал головой. Тогда рабы поплевали на ладони и всадили заступы в землю.

Горожане молча следили за тем, как железо режет

желтую глину.

– Отдохнем пока, что ли? – сказал Вилль, опускаясь на землю. – Ты, парень, жалеешь небось, что ввязался в наше дело?

– Нет, – ответил виллан. – А помирать неохота.

– Не горюй, приятель! Знаешь, на том свете все будет наоборот. Спроси любого монаха. На том свете ты будешь ехать на белом коне, в плаще, расшитом золотом и серебром, а твои товарищи, вроде меня, будут гнать по дороге шерифа с таким же глаголем на плечах. Вот только не знаю, есть ли на том свете Понтефракт.

Первый глаголь поднялся кверху, качнулся, как подрубленное дерево, и замер. На нем закачалась веревка с петлей.

Стрелок окинул взглядом толпу. Десятки глаз ощупывали его со всех сторон – иные горели злорадством, ненавистью и насмешкой, другие почернели от страха и жалости.

Рядом с первым глаголем встал второй. У стрелка пересохло в горле и пропала охота шутить. Он напряг мускулы, силясь порвать веревки.

– Эх, стукнуть бы тебя перед смертью! – сказал он, глядя шерифу прямо в глаза. – Рук не хотелось мारать о тебя, старая падаль, а зря мы отпустили тебя живым в тот проклятый день!

– Начинайте вот с этого, – кивнул шериф рабам.

Обозленные тем, что стрелок заставил их тащить тяжелую виселицу, рабы с поспешной готовностью подскочили к Виллю Статли. Но он потрянул плечами, и они отлетели от него, как щенки.

– Шериф! – крикнул Вилль Статли. – Не годится стрелку Робин Гуда умирать от удавки! Ты однажды поклялся не вредить нам ни на море, ни на суше. Если есть еще капля совести в твоей подлой душе, позволь мне умереть, как подобает стрелку. Прикажи дать мне в руки меч, я буду биться со всеми твоими людьми, один против многих!

– Нет, разбойник! Собаке – собачья смерть! Ты расстанешься с жизнью в петле!

Рука раба коснулась шеи стрелка. Вилль Статли отпрянул от него и наткнулся на копьё стражника. Острые копья нацелились в него со всех сторон.

– Хорошо же! – крикнул Вилль Статли. – Развяжите мне руки, а там посмотрим, помогут ли вам ваши копья!

– Слишком большая честь для тебя – умереть от копья и меча, – усмехнулся шериф. – Ты издохнешь, высунув набок язык, и такой же смертью умрет Робин Гуд, когда попадетсЯ мне в руки.

Вилль Статли приподнялся, выпятив грудь, заскрежетав зубами. Но узлы затянуты были туго, только

кровь с натуги брызнула у него из рубца на щеке.

– Ты жалкий трус, шериф! – прохрипел он. – Погоди же! Робин Гуд разочтется с тобой за меня. Он про ткнет твое подлое сердце, он раздавит тебя, как во нючего клопа. Прощай, виллан, не робей! Умирать – один раз.

Парень съежился, когда петля упала на шею стрел ка, будто сам ощутил прикосновение веревки.

– Дай же мне попрощаться с тобою, Вилль Стат ли! – раздался тут голос, и лучник в зеленом плаще, вынырнув из толпы, шагнул к стрелку.

– Стой! И ты не уйдешь, Рейнольд Гринлиф! – вскричал шериф, узнав Маленького Джона. – Ты бу дешь болтаться с ним на одной веревке!

Но широкий нож блеснул уже в воздухе раз и дру гой, и Вилль Статли выдернул меч из ножен у страж ника, который стоял рядом с ним.

– Спина к спине! – крикнул Маленький Джон, и два меча сверкнули над головами стрелков.

Горожане в испуге отступили назад и прижались к стенам домов, шериф осадил коня, а стражники бро сились вперед.

А в небе скользили белые облака, проволакивая легкие тени, как сети, по дубам, по каштанам и бу кам, по колосистым полям и горячим дорогам, соби рая прозрачный улов – ветерок, напоенный дыхани-

ем цветов, и дрожащий над пашнями воздух. А с высокого холма, что сбегает лугами к Понтефракту, навстречу скользящим теням спешил всадник в малиновой куртке, с конской шкурой на плечах и в рогатом шлеме.

Перед ним как на ладони открылась рыночная площадь, и зоркие глаза разглядели сквозь дымку пыли, как упал, раскинув руки, незнакомый виллан под ударом датского топора и как люди шерифа, навалившись на Маленького Джона и Вилля Статли, связали стрелков по рукам и ногам.

– Вовремя я подоспел! – сказал Робин и трижды протрубил в рог сэра Гая Гисборна.

Торжествующий звук прокатился над Понтефрактом, и шериф узнал этот рог и воскликнул, привстав в стременах:

– Это рог Гая Гисборна! Он дает нам знать, что разбойник убит!

Толпа расступилась, чтобы пропустить воина в конской шкуре.

– Привет благородному лорду! – услышали горожане. – Робин Гуд убит и не воскреснет.

Шлем скрывал лицо воина, и шериф не знал, кто стоит перед ним. Он видел только конскую шкуру и бычьи рога на шлеме.

– Наконец-то! – крикнул шериф. – Сэр Гай Гисборн, проси у меня любой награды! Ты совершил великий подвиг, Гай, и тебе ни в чем не будет отказа.

И стражники все шагнули вперед, чтобы узнать, какой награды потребует рыцарь, убивший Робин Гуда.

– Мне не нужно награды, – ответил воин. – А впрочем... – тут он посмотрел в ту сторону, где лежали связанные Вилль Статли и Маленький Джон. – А впрочем, нет, благородный лорд шериф. Там, я вижу, лежат слуги Робин Гуда. Я убил их главаря, так позволь мне прикончить и слуг!

– Безумец! Такой ли ты заслужил награды? Спрашивай золота, спрашивай земли, леса, я добуду

для тебя у короля все, что захочешь!

– Отойдите в сторону, чтобы никто не услышал исповеди этих людей. Я разделаюсь с ними, как разделался с Робин Гудом.

Шериф кивнул головой и тронул поводья. Он отъехал к тому месту, где стояли рыночные весы, а стражники отошли вслед за ним.

Тогда воин в конской шкуре, с бычьими рогами на шлеме склонился над пленниками, и веревки упали с них под ударами ножа.

– Вот тебе лук Гая Гисборна, Маленький Джон, – сказал Робин, – а ты, Вилль Статли, бери его меч.

Робин сбросил на землю тяжелый шлем, и два лука пропели тетивой. Двое стражников, которые бросились вперед, заметив обман, упали на горячую пыль. Еще две стрелы просвистели, и люди шерифа пустились бежать без оглядки, чувствуя, как щекочет их между лопатками смерть. Ральф Мурдах всадил шпоры в брюхо коню, но стрела догнала шерифа.

– Так, – сказал Робин, – был в Ноттингеме благородный шериф – лорд Ральф Мурдах.

Стрелки ополоснули лицо и руки у студеного колодца и с веселой песней двинулись к Виридзэлю. Навстречу стрелкам из зеленой лощины примчались вестники победы – лохматые псы фриара Тука. А потом, как всегда, показался за ними и сам святой отец;

и хотя широки были плечи у причетника из Фаунтенд-эля, но они не могли скрыть от глаз его спутников.

Три десятка молодцов в зеленых плащах шли за ним, и три сына вдовы, и старый рыцарь Ричард, и сын его Энгельрик Ли, и хромой старикашка, веселый стрельник из Трента.

– Победа, Робин! – прогудел фриар Тук, сложив ладони трубкой.

– Победа, победа, друзья! – ответили сразу и Робин, и Вилль, и Маленький Джон.

Заключение

Много веселых песен сложили глимены про Робин Гуда и его лесных молодцов.

Хочешь – слушай про то, как стрелок повстречал Маленького Джона на бревне, перекинутом через ручей.

Если добрым людям нравится, глимен расскажет, как старуха вдова обменялась с Робинем платьем, чтобы спасти его от епископа, как он спас от шерифа ее сыновей.

– Спой нам про то, как король Ричард навещал Робина в Шервудском лесу, – скажут крестьяне.

И глимен споет про Ричарда Львиное Сердце: целый год просидел король в Ноттингеме, но не смог изловить Робин Гуда. А потом оделся монахом, и стрелки привели его к Робину. Добрый Робин отказался служить королю, потому что ему милее была свобода, и зеленый лес, и Маленький Джон с востроносым Скателоком.

В этих рассказах волной льется эль, и поет тетива, и хохочет хмельной фриар Тук. Стрелы летят слишком метко, чтобы это могло быть правдой, а знатные рыцари и аббаты душат своих вилланов так, что это не может быть ложью. Много веселья в этих рассказах, потому что нет ничего веселей в целом свете, чем борьба за привольную и свободную жизнь. И для каждого пахаря, для виллана и для раба имя Робин Гуда, как тетива боевого лука, звенит надеждой на лучшие дни, звенит призывом к бою. Но после этих веселых песен всякий попросит глимена:

– Спой, молодец, как умер Робин Гуд.

Тогда глимен выпьет кружку темного эля и тихо положит руки на струны арфы. И добрые люди услышат последнюю песню:

Случилось, что Робин и Маленький Джон
Зеленым брели перевалом,
И Джону сказал отважный стрелок:
«Стреляли с тобой мы немало.

Но больше не сделать ни выстрела мне,
Стрела с тетивы не помчится.
Спускаюсь я в долину. В обители той
Пусть кровь отворит мне сестрица».

И Робин к Кирклейскому скиту идет,
Слабеют сильные ноги.
Кирклей далек, и смелый стрелок
Совсем занемог по дороге.

Когда он добрался до скита Кирклей
И стукнул в дверное кольцо,
Сестра открывает тяжелую дверь,
Приветливо смотрит в лицо.

Монахиня пива ему налила,
Сказала: «Садись у огня». –
«Ни есть я не буду, ни пить ничего,
Пока не полечишь меня».

«В обители тихой найдется покой,
Тебя я туда провожу.
И, если ты просишь кровь отворить,
Услугу тебе окажу».

За белую руку пришельца берет,
Уводит в далекую келью,
И Робину кровь отворяет она,
Кровь каплет горячей капелью.

Жилу открыла ему на руке,
Ушла, ключами звеня,
И долго точилась горячая кровь –
До полудня другого дня.

Сперва густая бежала кровь,
Потом совсем поредела,
И понял тогда отважный стрелок,
Что сделано злое дело.

Тут Робин с надеждой взглянул на окно,
Подумал – спасет прыжок.
Но слаб он был, и не было сил,
И прыгнуть Робин не смог.

Тогда он подумал: «Уж, верно, меня
Спасет мой рог боевой».
Подносит он рог к ослабевшим устам
И тихо дует в него.

И Маленький Джон в зеленом лесу
Услышал – зовет стрелок.
«Не в смертный ли час он вспомнил о нас,
Если тихо так трубит в рог?»

К Кирклейской обители бросился Джон,
Бежит, сколько хватит сил.
Плечом вышибает тяжелую дверь,
Замки разметал и разбил.

«О милости, Робин, о милости я
Прошу, на колени упав!» –
Горестно крикнул Маленький Джон,

Стрелка своего отыскав.

«Что тебе нужно? – спросил Робин Гуд. –
Какой тебе милости, Джон?» –
«Позволь, чтобы этот проклятый Кирклей
Со всем вороньем был сожжен!»

Но Робин в ответ ему тихо шепнул:
«Милости этой не жди:
Женщины я не обижу вовек,
И ты монастырь пощади.

Дай мне, товарищ, мой лук боевой,
И в небо выстрелю я.
И где упадет и воткнется стрела,
Там будет могила моя.

Зеленого дерну под голову мне
И в ноги ты положи,
И лук положи мой бок о бок со мной,
Что музыкой мне служил.
И дуб посади на могильном холме,
Чтоб он мой покой сторожил.

Могилу просторную вширь и в длину
Мне вырой – и люди пройдут
И скажут: «Под деревом этим лежит
Храбрый стрелок Робин Гуд».